

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

31 2026
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 31 (634) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Антуан Лоран де Лавуазье* (1743–1794), французский естествоиспытатель, основатель современной химии.

Лавуазье родился в Париже и происходил из состоятельной буржуазной семьи. Его отец Жан Антуан Лавуазье был одним из 400 адвокатов, находившихся в ведении Парижского парламента, и хотел, чтобы сын тоже стал адвокатом. Однако Антуана больше привлекали естественные науки, поэтому одновременно с юриспруденцией он изучал математику, астрономию, ботанику, минералогию, геологию и химию.

Первоначальное образование он получил в Коллеже Мазарини, а затем прошел курс юридического факультета, где в 1764 году получил степень лиценциата прав.

В 1765 году Лавуазье представил работу на заданную Парижской академией наук тему «О лучшем способе освещать улицы большого города». Эта работа Лавуазье в 1766 году была удостоена золотой медали академии. Чтобы увеличить чувствительность своего зрения к слабым изменениям силы света, Лавуазье провел шесть недель в темной комнате. В период 1763–1767 годов Лавуазье совершил ряд путешествий с Геттаром, помогая последнему в составлении минералогической карты Франции.

В возрасте 25 лет Лавуазье был избран в академию адъюнктом по химии. В 1778 году он был избран действительным членом академии, с 1785 года стал ее директором. Во время Конвента Лавуазье являлся самым деятельным защитником академии и прилагал все усилия, чтобы спасти ее. Однако это ему не удалось, и в 1793 году академия была упразднена.

В 1768 году, когда Лавуазье был избран в академию, он вступил в Генеральный откуп пайщиком откупщика Бодона. Это историческая система сбора налогов, при которой государство за фиксированную плату передавало частным лицам (откупщикам) право собирать налоги, пошлины или продавать монопольные товары. Со смертью Бодона в 1779 году Лавуазье стал самостоятельным членом откупа. Значительную часть больших доходов, которые Лавуазье получал от откупов, он тратил на научные опыты.

В 1775 году министр Тюрго, преобразовав пороховое дело во Франции, назначил Лавуазье одним из четырех управляющих этим делом. Благодаря энергии Лавуазье производство пороха во Франции к 1788 году более чем удвоилось. Он жил в пороховом арсенале; здесь же помещалась и его лаборатория, из которой вышли почти все его химические работы. Лаборатория Лавуазье была одним из главных научных центров Парижа того времени. В ней сходились представители различных отраслей знания для обсуждения научных вопросов, сюда же приходили и начинающие молодые работники науки учиться у Лавуазье.

Став с 1778 года владельцем собственного имения, Лавуазье занимался агрономическими опытами из желания главным образом прийти на помощь соседним землевла-

дельцам, подав им «примеры агрикультуры, основанной на лучших принципах».

Результатом основательного знакомства Лавуазье с экономическим положением родины стал его мемуар, касающийся вычисления территориальных богатств Франции. Мемуар был представлен Лавуазье национальному собранию в 1791 году и имел целью обосновать наиболее рациональный расчет налогов, какие страна может выплачивать, не изнемогая под их бременем.

Во время революции Лавуазье состоял членом «Национального казначейства», в котором установил строгий и образцовый порядок. Ему вместе с Гюйо было поручено определить вес в пустоте единицы объема дистиллированной воды при 0 °C; впоследствии вместе с Жан-Шарлем Борда Лавуазье определял расширение меди и платины для устройства нормального метра.

С 1791 года Антуан Лавуазье принимал участие в «совещательном бюро искусств и ремесел», имевшем задачей указывать правительству на полезные для страны технические изобретения и поощрять наградами лучшие из них.

В 1771 году в возрасте 28 лет Лавуазье женился на 13-летней Марии Анне Пьеретте Польз, дочери своего товарища по откупу Жака Польза. В жене он нашел деятельную помощницу в своих научных работах. Она вела его лабораторные журналы, переводила для него с английского научные статьи, рисовала и гравировала чертежи для его фундаментального труда «Начальный учебник химии». Ею был сделан перевод с английской книги Кирвана «Опыт о флогистоне».

Хотя в 1791 году Генеральный откуп был уничтожен, нападки на откупщиков не прекратились. В 1793 году депутат Бурдон потребовал в Конвенте немедленного ареста и предания суду бывших участников откупа, не дожидаясь срока, назначенного для ликвидации дел. В конце ноября 1793 года Лавуазье вместе с другими откупщиками был заключен в тюрьму, и Конвент постановил отдать его под суд Революционного трибунала. Революционный трибунал приговорил всех откупщиков (31 человека) к смерти, кроме одного, вычеркнутого из списка Робеспьером. Ни петиция от совещательного бюро, ни всем известные заслуги перед родиной, ни научная слава не спасли Лавуазье от смерти.

8 мая 1794 года (19 флореаля II года республики) Антуан Лоран Лавуазье был гильотинирован по решению Революционного трибунала. Историк науки Штрубе отмечает, что в обвинении ученому чувствуется надуманность и демагогичность. По свидетельству жены Лавуазье, ученые, которые должны были бы выступить в защиту Лавуазье, ничего не сделали для его спасения. Останки Лавуазье были захоронены в общей могиле на кладбище Эрранси.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Владимиров Г. В.

Профилактика киберпреступности несовершеннолетних в Российской Федерации: роль прокуратуры, современные угрозы и сравнение европейского и азиатского опыта..... 143

Дементьева А. Е.

Особенности реализации права на иск лицами, обращающимися в защиту прав и законных интересов других лиц..... 146

Евсеев О. П.

Особенности уголовной ответственности и наказания женщин 150

Жилыева Н. А.

Имущественные права как объекты гражданских прав: понятие и виды..... 152

Кашапова Л. И.

Трудовые гарантии членам семей участников специальной военной операции: новеллы законодательства и проблемы правоприменения 154

Кушакова М. А.

Проблемы исполнения и принудительного исполнения мировых соглашений в гражданском и арбитражном процессе 157

Литвинов А. В.

Иерархия и коллизии специальных правил назначения наказания в уголовном праве России (на примере взаимодействия статей 62, 64, 65, 66, 68, 69, 70 УК РФ) 160

Николаев К. В.

Правовые аспекты и особенности наследования супругом как наследником по закону первой очереди..... 162

Новородонова М. А.

Перспективы развития кадрового обеспечения органов внутренних дел в современной России 167

Пачгин В. И., Сайко А. М.

Условия и критерии правомерности мнимой обороны 170

Петренко П. М.

К вопросу о нормативном регулировании использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам 172

Попкова А. Ю.

Криминологическая характеристика личности коррупционера 173

Разакова К. А.

Особенности квалификации краж с использованием цифровых средств платежа 176

Сайко А. М.

Криминалистическая тактика осмотра места происшествия и трупа по делам об убийствах: теоретические основы и практические аспекты 178

Салыхова И. И.

Медиация как способ защиты прав при взыскании дебиторской задолженности: проблемы эффективности и перспективы нормативного регулирования 181

Семенов Е. Л.

Эволюция административно-процессуального права в России: от имперского Сената к Кодексу административного судопроизводства РФ 186

Семенов Е. Л.

Конституционный фундамент административно-процессуального права России: доктринальные основы и векторы эволюции..... 189

Соловьева А. Н.

Пути совершенствования упрощенного производства в гражданском процессе 192

Соловьева А. Н.

Недостатки рассмотрения гражданских дел в упрощенном порядке без вызова сторон..... 194

Стародубец В. Ф.

Совершенствование способов, средств
и методов противодействия организации
незаконной миграции 196

Тимофеев Н. В.

Математико-правовой анализ избыточности
нормативных актов: критерии
и количественная оценка 198

Филоненко О. М.

Правовое регулирование расследований
морских аварийных случаев: проблемы
имплементации норм Международной
морской организации в Российской
Федерации 204

Фомичева С. А.

Обеспечение исполнения
обязательств по договору строительного
подряда в гражданском праве Российской
Федерации 207

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Профилактика киберпреступности несовершеннолетних в Российской Федерации: роль прокуратуры, современные угрозы и сравнение европейского и азиатского опыта

Владимиров Герман Владимирович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается комплексная проблема профилактики киберпреступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации в контексте современных цифровых угроз. На основе анализа статистических данных и правоприменительной практики исследуется координирующая роль органов прокуратуры в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу европейских и азиатских моделей противодействия вовлечению детей в киберпреступную деятельность. Обосновывается необходимость заимствования отдельных элементов зарубежного опыта в российскую правовую систему, включая развитие специализированных цифровых платформ правового просвещения, совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия и внедрение образовательных стандартов в области кибергигиены.

Ключевые слова: киберпреступность несовершеннолетних, прокуратура, профилактика правонарушений, цифровая безопасность, европейский опыт, азиатский опыт, информационные угрозы, правовое просвещение.

Prevention of juvenile cybercrime in the Russian Federation: the role of the prosecutor's office, modern threats and comparison of European and Asian experience

The article examines the complex problem of preventing cybercrime among minors in the Russian Federation in the context of modern digital threats. Based on the analysis of statistical data and law enforcement practice, the coordinating role of the prosecutor's office in the system of prevention of juvenile delinquency using information and telecommunication networks is investigated. Special attention is paid to comparative legal analysis of European and Asian models of countering the involvement of children in cybercrime activities. The article substantiates the need to borrow certain elements of foreign experience into the Russian legal system, including the development of specialized digital platforms for legal education, the improvement of mechanisms for interdepartmental interaction and the introduction of educational standards in the field of cyber hygiene.

Keywords: juvenile cybercrime, prosecutor's office, crime prevention, digital security, European experience, Asian experience, information threats, legal education.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, сопровождающееся тотальной цифровизацией всех сфер общественной жизни, закономерно повлекло за собой трансформацию структуры и динамики преступности несовершеннолетних. Если ранее противоправная активность подростков локализовалась преимущественно в физическом пространстве, то в настоящее время наблюдается устойчивый тренд смещения девиантного поведения в виртуальную среду. По данным МВД

РФ, в 2025 году почти треть (30,4 %) всех преступлений, совершенных подростками, была сопряжена с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, причем за последние три года этот показатель вырос практически в два раза — с 4,8 тыс. до 8,8 тыс. преступлений [1]. Анонимность сети Интернет, а также недостаточный уровень цифровой грамотности несовершеннолетних создают благоприятную почву для вовлечения детей в мошеннические схемы, сбыт наркотиков и диверсионную деятельность.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе роли органов прокуратуры в механизме профилактики киберпреступности несовершеннолетних, выявлении современных угроз, а также оценке потенциала адаптации европейского и азиатского опыта к российским правовым реалиям.

Органы прокуратуры Российской Федерации занимают центральное место в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов всеми субъектами профилактики, а также координирует их деятельность. Применительно к сфере киберпреступности данная роль приобретает особую специфику, обусловленную необходимостью сочетания традиционных надзорных полномочий с новыми компетенциями в области цифрового права.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ключевые направления деятельности прокуратуры:

- 1) надзор за исполнением законодательства об образовании в части обеспечения информационной безопасности обучающихся;
- 2) координация работы комиссий по делам несовершеннолетних и подразделений ОВД;
- 3) правовое просвещение.

Как подчеркивается в официальных комментариях МВД, основными причинами преступной деятельности подростков остаются незанятость в свободное время, жажда легкого заработка и незнание правовых последствий, что актуализирует надзорную функцию прокуратуры за досуговой занятостью и уровнем правовой подготовки в школах.

Спектр киберугроз характеризуется исключительным разнообразием. По данным Председателя Следственного комитета России, общество столкнулось с быстрым распространением деструктивных субкультур, провоцирующих подростков на насилие и суицид. При этом компьютерные игры и видеоролики со сценами жестокости стирают у несовершеннолетних грань между реальным и виртуальным, делая преступное поведение психологически приемлемым [3].

Особую тревогу вызывает феномен финансового рекрутинга подростков в качестве «дропперов» — лиц, предоставляющих свои банковские карты для транзита похищенных средств. Согласно заявлению Минпросвещения РФ, по итогам 2025 года на 6 % увеличилось количество несовершеннолетних участников подозрительных финансовых операций [2].

Кроме того, серьезную угрозу представляет использование зашифрованных мессенджеров для вовлечения несовершеннолетних в наркотрафик. Статистика МВД фиксирует рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков среди подростков, на 11,2 % (до 992 случаев). В Следственном комитете РФ уточняют, что

каждый десятый несовершеннолетний обвиняемый привлечен к ответственности именно за сбыт наркотиков, при этом преследование 119 наркосбытчиков было прекращено в связи с недостижением 16-летнего возраста. Это подтверждает тезис о том, что кураторы наркобизнеса целенаправленно используют подростков младшего возраста, осознавая их правовую неуязвимость.

Европейский союз и отдельные европейские государства накопили значительный опыт в сфере защиты несовершеннолетних от киберугроз, который представляет несомненный интерес для российской правовой системы. Ключевым документом, определяющим политику ЕС в данной области, является Регламент о цифровых услугах, вступивший в силу в 2024 году. Данный акт устанавливает жесткие требования к провайдерам онлайн-платформ в части выявления и удаления противоправного контента, а также обязывает их проводить регулярную оценку рисков, связанных с защитой несовершеннолетних, и внедрять меры по минимизации таких рисков.

Особого внимания заслуживает опыт Германии, где действует комплексная система возрастной верификации и маркировки контента. Федеральное ведомство по надзору за СМИ, вредными для молодежи, ведет реестр запрещенных интернет-ресурсов и вправе требовать от провайдеров их блокировки. Параллельно функционирует разветвленная сеть консультационных центров, оказывающих психологическую и правовую помощь несовершеннолетним, пострадавшим от киберпреступлений.

Великобритания, несмотря на выход из ЕС, продолжает играть лидирующую роль в разработке стандартов цифровой безопасности для детей. Принятый в 2023 году Закон об онлайн-безопасности возлагает на технологические компании юридическую обязанность по защите несовершеннолетних от вредоносного контента, включая материалы, пропагандирующие самоповреждение, расстройства пищевого поведения и кибербуллинг. Примечательно, что британская модель активно интегрирует образовательный компонент: вопросы цифровой грамотности и кибербезопасности включены в обязательную школьную программу на всех уровнях обучения.

Скандинавские страны демонстрируют высокую эффективность института детского омбудсмена, наделенного широкими полномочиями по мониторингу соблюдения прав ребенка в цифровой среде. В Норвегии, в частности, функционирует специализированная горячая линия для сообщений о киберпреступлениях в отношении детей, интегрированная с правоохранительными органами и позволяющая оперативно реагировать на возникающие угрозы.

Азиатские юрисдикции предлагают альтернативные модели противодействия киберпреступности несовершеннолетних, характеризующиеся высокой степенью технологизации профилактических мероприятий и активным вовлечением частного сектора. Опыт Сингапура, Южной Кореи и Японии демонстрирует, что эффективная профилактика невозможна без тесного государственно-

частного партнерства в сфере разработки и внедрения передовых систем мониторинга и фильтрации контента.

В Сингапуре реализуется комплексная национальная программа «Cyber Wellness», охватывающая все уровни образования. В рамках данной программы учащиеся не только получают теоретические знания о киберугрозах, но и проходят практические тренинги по распознаванию фишинговых атак, защите персональных данных и ответственному поведению в социальных сетях. Особенностью сингапурской модели является активное привлечение родителей: для них на регулярной основе проводятся семинары и вебинары, разъясняющие современные цифровые риски и методы родительского контроля. Как показывают исследования, шесть из десяти молодых людей в Сингапуре подвергаются воздействию нежелательного вредоносного контента, включая сцены насилия и материалы откровенного характера, что подтверждает актуальность реализуемых профилактических мер.

Южная Корея, столкнувшаяся с проблемой массовой игровой и интернет-зависимости среди подростков, пошла по пути создания специализированной инфраструктуры реабилитации и коррекции поведения. В стране функционирует сеть государственных центров, где несовершеннолетние и их семьи могут получить комплексную помощь психологов, психиатров и социальных работников. Кроме того, корейское законодательство устанавливает жесткие временные ограничения на доступ несовершеннолетних к онлайн-играм в ночное время, что, несмотря на неоднозначную оценку экспертов, позволило снизить уровень игровой зависимости.

Опыт Японии интересен развитой системой киберпатрулирования, осуществляемого не только правоохранительными органами, но и волонтерскими организациями, действующими под эгидой местных органов власти. Особое внимание уделяется профилактике суицидального контента и вовлечения несовершеннолетних в группы, пропагандирующие насилие. Японские специалисты также активно используют технологии искусственного интеллекта для выявления в социальных сетях признаков депрессивных состояний у подростков и своевременного направления им информации о доступных каналах получения психологической помощи.

Международная организация уголовной полиции (Интерпол) также играет значимую роль в продвижении азиатской модели профилактики. В августе 2025 года Интерпол провел первый вебинар по повышению осведомленности молодежи о киберпреступности для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором приняли участие более 800 молодых людей, родителей и педагогов. В рамках мероприятия рассматривались уникальные киберугрозы, принципы ответственного онлайн-поведения, а бывшие хакеры делились личным опытом трансформации, что оказывает мощное профилактическое воздействие на подростковую аудиторию.

Сравнительный анализ европейского и азиатского опыта позволяет выделить несколько перспективных на-

правлений имплементации, ключевым аспектом внедрения которых способны выступить именно органы прокуратуры в силу своих надзорных и координационных полномочий. Прямое заимствование иностранного опыта без учета национальной специфики неэффективно, однако избирательный подход, инициированный и контролируемый прокуратурой, способен дать значимый эффект.

В части развития образовательных программ (опыт Сингапура, Великобритании) прокуратура играет ключевую роль в надзоре за исполнением законодательства об образовании. Прокуратура вправе инициировать внесение изменений в федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) в части обязательного минимума знаний по профилактике киберпреступлений и правовым последствиям IT-преступлений. Надзорное ведомство может внести представление об устранении нарушений закона в адрес органов управления образованием и школ, а в случае бездействия — применить иные меры прокурорского реагирования. Так, на основании ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор требует принять меры к устранению нарушений законодательства, обеспечить гарантированные Конституцией РФ и федеральными законами общественные отношения и о результатах рассмотрения представления сообщить прокурору в течение месяца [4]. Как показывают данные Министерства просвещения РФ, многие дети не умеют критически анализировать информацию и не осознают правовых последствий, что делает прокурорский надзор за содержанием воспитательной работы в школах критически важным.

Адаптация азиатского опыта неформального правового просвещения также должна происходить под эгидой прокуратуры. Прокуратура, обладая правом законодательной инициативы в регионах и авторитетом на местах, может способствовать легализации статуса «киберволонтеров» и созданию механизмов их поощрения. Важно, чтобы эта работа не подменяла оперативно-розыскную деятельность, а носила строго профилактический и просветительский характер, что прокуратура и призвана обеспечить в рамках надзора за законностью.

Роль прокуратуры в адаптации зарубежного опыта является центральной. Она должна осуществлять не только надзорные функции за уже существующими процессами, но и принимать активное и авторитетное участие в формировании новой архитектуры профилактики, где, продвигая системные изменения, будет обеспечивать баланс между заимствованием передовых технологий защиты детства и соблюдением национальных правовых традиций.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Профилактика киберпреступности несовершеннолетних требует комплексного подхода, сочетающего надзорно-координационную деятельность прокуратуры с внедрением образовательных и технологических инноваций. Статистический рост подростковой

преступности на 10,1 % в 2025 году и двукратное увеличение IT-преступлений за три года свидетельствуют о необходимости срочной перенастройки профилактической системы.

Анализ европейского и азиатского опыта демонстрирует, что наиболее эффективные модели базируются на

трех элементах: обязательное киберобразование, неформальное правовое просвещение и технологические решения на базе ИИ. Избирательная реализация указанных элементов в российскую систему способна существенно повысить эффективность противодействия киберпреступности несовершеннолетних.

Литература:

1. Данные пресс-центра МВД РФ о состоянии подростковой преступности в 2025 году. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/26956827> (дата обращения: 12.07.2026).
2. Выступление директора Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Минпросвещения РФ Л. Фальковской. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/26856221> (дата обращения: 12.07.2026).
3. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации информационному агентству ТАСС. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/23595289> (дата обращения: 12.07.2026).
4. Деятельность органов прокуратуры по защите прав граждан и обеспечению законности — ко Дню работников прокуратуры РФ. Полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов. — Текст: электронный // Прокуратура Ставропольского края: [сайт]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_26/activity/legal-education/explain/e241584/ (дата обращения: 12.07.2026).

Особенности реализации права на иск лицами, обращающимися в защиту прав и законных интересов других лиц

Дементьева Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются особенности реализации права на иск прокурором, органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями и гражданами, обращающимися в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц. Рассматриваются основания возникновения соответствующего процессуального полномочия, соотношение правового положения процессуального и материального истцов, пределы реализации распорядительных прав, а также особенности защиты неопределенного круга лиц.

Ключевые слова: право на иск, судебная защита, процессуальный истец, материальный истец, защита прав других лиц, прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, неопределенный круг лиц, публичный интерес, групповой иск.

Право на иск лицами, обращающимися в защиту прав и законных интересов других лиц, имеет специальный характер. Его возникновение не связано с принадлежностью заявителю спорного субъективного материального права. Основанием выступает прямое указание федерального закона, устанавливающего как круг уполномоченных лиц, так и категории прав и интересов, которые они вправе защищать.

По общему правилу, установленному статьей 46 ГПК РФ [2], орган государственной власти, орган местного самоуправления, организация или гражданин вправе обратиться в суд в защиту другого лица только в случаях, предусмотренных законом, и по просьбе заинтересованного субъекта. Независимо от такой просьбы может быть предъявлено заявление в защиту неопределенного круга лиц, а также законных интересов несовершеннолетнего

или недееспособного гражданина. Отсутствие у заявителя прямо установленного законом полномочия является основанием для отказа в принятии искового заявления.

Таким образом, для реализации права на иск необходимо одновременное наличие нескольких юридических предпосылок: установленного законом полномочия заявителя, отнесения спорного требования к сфере его компетенции, наличия охраняемого права или законного интереса другого лица, а в предусмотренных случаях — выраженной просьбы этого лица о судебной защите.

Обращение в суд в порядке статей 45 и 46 ГПК РФ необходимо отличать от судебного представительства. Представитель действует от имени доверителя, а правовые последствия совершенных им процессуальных действий непосредственно возникают у представляемого лица. Орган, организация, гражданин или прокурор, защища-

ющие чужой интерес, обращаются в суд от собственного имени, самостоятельно занимают процессуальное положение и не нуждаются в доверенности от материального истца. Их полномочие возникает не из договора, а непосредственно из закона.

В научной литературе для обозначения таких субъектов используется понятие **процессуального истца**. Материальным истцом признается лицо, являющееся предполагаемым обладателем нарушенного права и получателем материально-правового результата судебной защиты. Процессуальный истец не является участником спорного материального правоотношения и не получает присужденное имущество, денежные средства или иное предоставление [8, с. 65].

Двойственность субъектного состава позволяет разграничить два вида юридической заинтересованности. Материальный истец обладает личной материально-правовой заинтересованностью в разрешении спора. Заинтересованность процессуального истца носит служебный, государственный, общественный либо иной охранительный характер. Его целью становится получение судебного решения в пользу защищаемого лица и обеспечение законности в соответствующей сфере общественных отношений.

Особенно отчетливо данная конструкция проявляется при участии прокурора. Ю. В. Ефимова отмечает, что «прокурор, обращающийся в суд с заявлением, обладает правами истца, но в определенных пределах» [6, с. 123]. Эти пределы объясняются отсутствием у прокурора материально-правовой связи с ответчиком и невозможностью распоряжаться принадлежащим другому лицу субъективным правом.

Согласно части 2 статьи 46 ГПК РФ лица, подавшие заявление в защиту другого субъекта, пользуются процессуальными правами и несут обязанности истца, кроме права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. Они вправе знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства, изменять предмет или основание заявленного требования, давать объяснения, участвовать в исследовании доказательств и обжаловать судебные постановления. При этом присуждение производится в пользу материального истца, а не в пользу лица, инициировавшего процесс.

Исключение права на заключение мирового соглашения является обоснованным, поскольку его содержание предполагает взаимные материально-правовые уступки. Процессуальный истец не является обладателем спорного права и не может уменьшить его объем, отказаться от него либо заменить первоначальное материальное притязание иным предоставлением. Е. А. Касаткина и С. В. Солоухина справедливо отмечают, что прокурор «не наделен материальными правами, а значит, и не может их уступить» [7, с. 153].

Особый порядок предусмотрен и для отказа процессуального истца от поддержания заявленного требования. Такой отказ сам по себе не прекращает производство. Рас-

смотрение дела продолжается, когда материальный истец или его законный представитель настаивает на разрешении спора. Следовательно, процессуальная судьба заявленного требования в конечном счете зависит от волеизъявления обладателя защищаемого права.

Вместе с тем распорядительные полномочия процессуального истца урегулированы недостаточно последовательно. Закон прямо запрещает заключение мирового соглашения, но не устанавливает специальных ограничений на изменение предмета или основания иска, уменьшение размера требований либо признание отдельных обстоятельств. Формально такие действия охватываются общими процессуальными правами истца, однако их реализация может повлиять на объем защиты материального права другого лица.

Проблема приобретает особое значение, когда защищается неопределенный круг лиц. В таком деле отсутствует конкретный материальный истец, который мог бы выразить согласие с изменением требования или продолжить процесс после отказа заявителя. Ю. В. Ефимова предлагает допускать прекращение производства вследствие отказа прокурора от иска, предъявленного в защиту неопределенного круга лиц или публичного интереса, только по усмотрению суда и при условии проверки того, не нарушает ли отказ права других субъектов [6, с. 127–128]. Такой подход позволяет сохранить судебный контроль за распорядительными действиями лица, которое не является обладателем защищаемого права.

Одной из основных проблем является отсутствие в ГПК РФ легального определения процессуального истца. Закон относит прокурора, органы публичной власти, организации и граждан, защищающих других лиц, к лицам, участвующим в деле, но прямо не устанавливает их наименование и не раскрывает характер процессуальной заинтересованности. В результате в судебных актах они могут обозначаться как истцы, заявители, представители, государственные органы или лица, предъявившие иск, что препятствует формированию единообразного подхода к их правовому положению.

Законодательное закрепление понятия процессуального истца позволило бы отчетливо отграничить его от материального истца, представителя и государственного органа, вступающего в уже начатый процесс для дачи заключения. Последняя форма участия не связана с самостоятельной реализацией права на иск. Орган, дающий заключение, не возбуждает производство и не поддерживает материально-правовое требование [9, с. 247].

С. А. Газарова рассматривает обращение органа публичной власти в суд как способ восполнения недостаточности его административной компетенции. По мнению автора, «обращение в суд и дача по делу заключения служат как бы продолжением компетенции органа власти» [4, с. 142]. Однако судебная форма защиты не должна использоваться для фактического перенесения на суд обязанностей, которые орган способен выполнить самостоятельно во внесудебном порядке. Иначе обращение с иском может

превратиться из дополнительной гарантии защиты в средство уклонения от реализации властных полномочий.

Следующая проблема связана с фрагментарным характером законодательных оснований обращения в суд. Статья 46 ГПК РФ не предоставляет государственным органам и общественным организациям универсального права защищать других лиц. В каждом случае необходимо специальное материально-правовое основание. Соответствующие полномочия содержатся в законодательстве о защите прав потребителей, персональных данных, охране окружающей среды, долевом строительстве, защите прав инвалидов, несовершеннолетних и в иных федеральных законах.

Казуистическое распределение полномочий приводит к ситуации, когда массовое нарушение имеется, компетентный орган располагает сведениями о нем, однако право предъявить иск в защиту пострадавших прямо законом не закреплено. Наиболее заметно данный недостаток проявляется в сфере экологических нарушений, цифровых прав, обработки персональных данных и защиты граждан, пострадавших от деятельности технологических платформ.

Д. В. Еременко обращает внимание на то, что применительно к групповым требованиям институт защиты чужих прав уже действует, однако его «потенциал во многом не реализован» [5, с. 251]. Автор связывает это с ограниченным перечнем уполномоченных субъектов, финансовыми и организационными трудностями формирования группы и недостаточной активностью общественных объединений.

Практика предъявления групповых исков фактически сосредоточена преимущественно в сфере защиты прав потребителей. В других областях, включая защиту субъектов персональных данных и участников долевого строительства, предусмотренные законом полномочия государственных органов используются значительно реже. Д. В. Еременко предлагает расширить число материально-правовых оснований для предъявления групповых исков и круг органов и общественных объединений, наделенных таким правом [5, с. 251].

Существенным недостатком остается несогласованность положений ГПК РФ, АПК РФ [1] и КАС РФ [3]. В гражданском процессе органы власти, организации и граждане могут обращаться в защиту конкретных лиц и неопределенного круга лиц. В арбитражном процессе статья 53 АПК РФ предусматривает защиту публичных интересов, а также прав и законных интересов других лиц, но круг субъектов и основания их участия сформулированы иначе. КАС РФ содержит более детальные положения о последствиях отказа от административного иска, однако также использует собственную терминологию.

Е. А. Касаткина и С. В. Солоухина указывают на целесообразность сближения положений процессуальных кодексов о статусе прокурора, судебных расходах, распорядительных действиях и круге защищаемых субъектов. По их заключению, «четкая регламентация приводит к по-

рядку в действиях всех участников судопроизводства» [7, с. 154].

Отдельного внимания требует понятие публичного интереса. Оно активно используется арбитражным и административным процессуальным законодательством, но не имеет общего легального определения. Вследствие этого границы между интересами Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, неопределенного круга лиц и общества в целом остаются недостаточно ясными. Неопределенность позволяет расширительно либо, напротив, чрезмерно ограничительно толковать полномочия прокурора и государственных органов.

Проблемы возникают и при установлении просьбы лица, в защиту которого предъявляется иск. ГПК РФ не определяет обязательную форму такой просьбы. Она может содержаться в письменном обращении, заявлении в государственный орган, жалобе, протоколе приема либо ином документе. Отсутствие единых требований порождает споры о наличии волеизъявления материального истца и о допустимости судебной защиты без доверенности.

Совершенствование рассматриваемого института целесообразно начать с законодательного закрепления понятия процессуального истца. Статью 34 либо статью 46 ГПК РФ предлагается дополнить положением следующего содержания:

Процессуальным истцом является прокурор, орган государственной власти, орган местного самоуправления, организация или гражданин, которые в случаях, предусмотренных федеральным законом, обращаются от собственного имени в суд в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или публичного интереса, не являясь субъектами спорного материального правоотношения.

Одновременно необходимо установить, что процессуальный истец обладает самостоятельной процессуальной заинтересованностью, но не вправе распоряжаться материальным правом защищаемого лица.

Вторым направлением должна стать конкретизация распорядительных полномочий. Изменение предмета или основания иска, уменьшение размера требований и полный либо частичный отказ от них по делу, возбужденному в интересах конкретного лица, следует допускать при наличии его согласия. Если материальный истец является несовершеннолетним или недееспособным, суд должен проверять, соответствует ли распорядительное действие его интересам, независимо от позиции законного представителя.

По делам о защите неопределенного круга лиц или публичного интереса отказ процессуального истца от требования не должен автоматически прекращать производство. Суду необходимо предоставить право проверить мотивы отказа, его соответствие закону и возможные последствия. При наличии общественно значимого нарушения целесообразно допустить замену первоначального

процессуального истца другим компетентным органом, прокурором или общественным объединением.

Третьим направлением является унификация положений ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ. Полностью объединять различные виды судопроизводства не требуется, однако минимальные стандарты участия лиц, защищающих чужие интересы, должны быть одинаковыми. К ним следует отнести основания возникновения процессуального полномочия, порядок подтверждения просьбы заинтересованного лица, объем распорядительных прав, последствия отказа от требования, правила распределения судебных расходов и порядок обжалования судебных актов.

Необходимо также сформулировать законодательное определение публичного интереса. Под ним может пониматься признанный и охраняемый государством интерес общества, социальной группы, неопределенного круга лиц, Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований, защита которого направлена на обеспечение законности, безопасности и устойчивости общественных отношений.

Четвертым направлением должно стать расширение материально-правовых оснований предъявления исков в защиту других лиц. Государственные органы и общественные объединения целесообразно наделить более широкими полномочиями в области охраны окружающей среды, защиты персональных данных, цифровых прав, прав пользователей информационных платформ, участников долевого строительства и граждан, пострадавших вследствие массового оказания небезопасных услуг.

Расширение полномочий не должно означать предоставление неограниченного права предъявлять требования в защиту любых лиц. Для предупреждения необоснованного вмешательства необходимо установить критерии общественной значимости нарушения: массовый или систематический характер, уязвимость пострадавших, невозможность эффективной индивидуальной защиты, существенная угроза жизни, здоровью, окружающей среде либо информационной безопасности.

Наконец, целесообразно закрепить единые требования к просьбе заинтересованного лица. Она может выражаться письменно или в электронной форме и должна содержать сведения о заявителе, краткое описание нарушения и согласие на обращение уполномоченного субъекта в суд. Нотариальное удостоверение или оформление доверенности не требуется, поскольку речь идет не о представительстве, а о самостоятельном процессуальном полномочии.

Решение выявленных проблем предполагает законодательное закрепление статуса процессуального истца, унификацию базовых процессуальных правил, усиление судебного контроля за распорядительными действиями, расширение обоснованных случаев защиты массовых и публичных интересов, а также развитие цифровых и групповых форм судебной защиты. Реализация предложенных мер позволит обеспечить баланс между автономией обладателя субъективного права, публичной заинтересованностью в устранении нарушений и принципами состязательности и равноправия сторон.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012; 2025. — № 48 (Часть I). — Ст. 7236.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 27. — Ст. 3661.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391; 2026. — № 15. — Ст. 184.
4. Газарова С. А. Участие органов публичной власти в цивилистическом процессе как способ восполнения недостающей компетенции // Право и управление. 2024. № 8. С. 141–144.
5. Еременко Д. В. Актуальные вопросы обращения в суд с групповыми исками в защиту прав и законных интересов других лиц // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 248–251.
6. Ефимова Ю. В. Реализация прокурором диспозитивных прав в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3. С. 123–132.
7. Касаткина Е. А., Солоухина С. В. К вопросу об унификации норм, регламентирующих участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). С. 152–154.
8. Колотов В. А. Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 216 с.
9. Туманов Д. А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 549 с.

Особенности уголовной ответственности и наказания женщин

Евсеенко Ольга Петровна, студент
Московский университет «Синергия»

Вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания в зависимости от пола субъекта преступления представляют собой важнейший аспект реализации принципов справедливости и гуманизма в современном российском уголовном праве. Законодатель, признавая формальное равенство граждан перед законом, тем не менее устанавливает специфические правила применения мер уголовно-правового воздействия к женщинам, учитывая их физиологические, психологические и социальные особенности.

Анализ действующего Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет выявить системный подход законодателя к регламентации уголовной ответственности женщин. Особенности уголовно-правового статуса лиц женского пола проявляются на различных стадиях применения уголовного закона: при определении круга наказаний, подлежащих назначению, при установлении пределов карательного воздействия, а также в ходе исполнения назначенных санкций. Подобная дифференциация обусловлена необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами в сфере борьбы с преступностью и конституционными правами граждан, включая право на охрану материнства и детства.

Рассматривая систему наказаний, применимых к женщинам, следует отметить существенные законодательные ограничения карательного воздействия. Уголовный кодекс устанавливает абсолютный запрет на применение к женщинам смертной казни независимо от тяжести совершенного деяния [1, ст. 59]. Такая позиция законодателя отражает признание особой социальной роли женщины как продолжательницы рода и воспитательницы подрастающего поколения. Кроме того, к лицам женского пола не может быть применено наказание в виде пожизненного лишения свободы [1, ст. 57], что также свидетельствует о реализации принципа гуманизма в отечественном уголовном праве.

Особого внимания заслуживает вопрос применения к женщинам наказания в виде лишения свободы. Законодатель устанавливает специфические правила определения вида исправительного учреждения для осужденных женщин, предусматривая их содержание в колониях-поселениях и исправительных колониях общего и строгого режима в зависимости от категории совершенного преступления и характеристики личности виновной [1, ст. 58]. Подобная дифференциация призвана обеспечить индивидуальный подход к исполнению наказания с учетом степени общественной опасности личности и возможности её исправления.

Судебная практика демонстрирует необходимость тщательного учета личностных характеристик осужденных женщин при назначении наказания. Согласно

правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, суды обязаны исследовать все обстоятельства, характеризующие личность виновной, включая наличие малолетних детей, состояние здоровья, семейное положение и иные значимые факторы [5]. Учет указанных обстоятельств позволяет обеспечить соблюдение принципа справедливости и индивидуализации наказания.

Принципиальное значение имеет регламентация особенностей освобождения от наказания беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Уголовный кодекс предусматривает возможность отсрочки отбывания наказания для данной категории лиц, что обусловлено необходимостью обеспечения прав ребенка на семейное воспитание и заботу матери [1, ст. 82]. Законодатель исходит из того, что интересы несовершеннолетних детей в определенных случаях могут превалировать над публичным интересом в неотвратимости наказания, при условии, что осужденная не представляет значительной общественной опасности.

Применение отсрочки отбывания наказания требует от суда всестороннего анализа личности осужденной, характера совершенного преступления и возможности исправления без реального отбывания наказания. Судебная практика показывает, что при решении вопроса о предоставлении отсрочки суды обязаны учитывать мнение органов опеки и попечительства относительно условий содержания и воспитания ребенка, а также способность осужденной надлежащим образом осуществлять родительские обязанности [5]. Такой подход обеспечивает баланс между интересами правосудия и защитой прав несовершеннолетних.

Специфика уголовной ответственности женщин проявляется также в особенностях назначения им дополнительных наказаний. Практика применения штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к осужденным женщинам должна учитывать их материальное положение, наличие иждивенцев и возможность трудоустройства после отбытия основного наказания. Суды при назначении дополнительных наказаний обязаны исходить из принципа соразмерности карательного воздействия и реальной возможности исполнения назначенного наказания [1, ст. 60].

Анализируя правоприменительную практику, можно констатировать наличие определенных проблем в реализации законодательных предписаний об особенностях уголовной ответственности женщин. Одной из таких проблем является недостаточно четкая регламентация критериев применения отсрочки отбывания наказания, что приводит к неоднородности судебной практики. Различные судебные инстанции зачастую по-разному оцени-

вают идентичные обстоятельства при решении вопроса о возможности предоставления отсрочки, что нарушает принцип правовой определенности [6].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос условий содержания осужденных женщин в местах лишения свободы. Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает специальные требования к организации отбывания наказания женщинами, предусматривая создание условий для сохранения социально полезных связей, получения образования и профессиональной подготовки. Особое внимание уделяется обеспечению медицинского обслуживания осужденных женщин, включая оказание акушерско-гинекологической помощи [2, ст. 99].

Реализация принципа гуманизма в отношении осужденных женщин предполагает создание условий для поддержания связи с семьей и близкими родственниками. Законодательство предусматривает возможность предоставления дополнительных свиданий женщинам, имеющим детей, а также беременным осужденным [2, ст. 89]. Такой подход способствует сохранению семейных связей и облегчает процесс ресоциализации после освобождения.

Значительную роль в обеспечении прав осужденных женщин играет институт условно-досрочного освобождения. Практика показывает, что при решении вопроса об условно-досрочном освобождении женщин суды учитывают их поведение во время отбывания наказания, отношение к труду и обучению, а также наличие взысканий и поощрений [5]. Особое значение придается наличию у осужденной несовершеннолетних детей и готовности к полноценному выполнению родительских обязанностей после освобождения.

Проблематика назначения наказания женщинам, совершившим преступления в соучастии, также требует специального внимания. Судебная практика исходит из необходимости дифференцированного подхода к определению степени участия каждого соучастника в совершении преступления. При назначении наказания женщинам, выполнявшим второстепенные роли в преступлении, суды обязаны учитывать возможное психологическое влияние со стороны иных соучастников и степень инициативности осужденной [1, ст. 67].

Анализ особенностей уголовной ответственности женщин был бы неполным без рассмотрения специфики освобождения от уголовной ответственности. Законодательство предусматривает общие основания освобождения от уголовной ответственности, однако их применение к женщинам должно учитывать специфические обстоятельства, связанные с семейным положением, наличием детей и состоянием здоровья.

Особого внимания заслуживает практика применения к женщинам принудительных мер медицинского характера. При наличии у осужденной психического расстройства, не исключающего вменяемости, суд может назначить наряду с наказанием принудительное лечение [1, ст. 97]. Такой подход обеспечивает не только реализацию карательных целей наказания, но и содействие в излечении осужденной от болезненного состояния.

Рассмотрение особенностей уголовной ответственности женщин требует также обращения к международным стандартам обращения с осужденными. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными, известные как Бангкокские правила, устанавливают специальные требования к содержанию женщин в местах лишения свободы. Российское законодательство в значительной степени соответствует указанным международным стандартам, что свидетельствует о прогрессивном характере отечественного уголовно-исполнительного права [3].

Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод о том, что российское уголовное законодательство устанавливает комплексную систему особенностей уголовной ответственности и наказания женщин. Законодатель последовательно реализует принципы гуманизма и справедливости, учитывая биологические, психологические и социальные особенности лиц женского пола. Вместе с тем существующая правовая регламентация нуждается в совершенствовании, особенно в части конкретизации критериев применения отсрочки отбывания наказания и условно-досрочного освобождения.

Представляется целесообразным дальнейшее развитие законодательства в направлении расширения возможностей применения к женщинам альтернативных лишения свободы видов наказаний. Такой подход будет способствовать более эффективной ресоциализации осужденных и сохранению семейных связей. Кроме того, необходимо совершенствование материально-технической базы исправительных учреждений для женщин с целью обеспечения достойных условий содержания и возможностей для получения образования и профессиональной подготовки.

Особенности уголовной ответственности и наказания женщин отражают стремление законодателя к достижению баланса между необходимостью защиты общества от преступных посягательств и обеспечением прав и законных интересов осужденных. Данный подход соответствует современным тенденциям гуманизации уголовного права и способствует реализации целей наказания, включая исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ. Ст. 99

3. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права: утв. Президиумом Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ.
5. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с коррупцией: утв. Президиумом Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2023 № 2595-О // СПС «КонсультантПлюс».
7. Бобрышова Н. Р. К вопросу об уголовном наказании женщин / Н. Р. Бобрышова // Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Симферополь, 22 октября 2024 года. — Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. — С. 557–565.
8. Болат Д. Д. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних / Д. Д. Болат // Уголовное право: вопросы теории и практики: Сборник докладов Всероссийского студенческого научно-практического круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 17 февраля 2023 года/ Под редакцией Е. Н. Рахмановой, Е. А. Писаревской, М. А. Дворжицкой. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. — С. 194–196.
9. Кунц Е. В. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания женщин / Е. В. Кунц // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — № 1. — С. 107–112.
10. Ляшкова М. О. Проблемы гендерного равенства в аспекте уголовной ответственности женщин / М. О. Ляшкова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2023. — № 5. — С. 41–44.

Имущественные права как объекты гражданских прав: понятие и виды

Жиляева Нелли Александровна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В данной статье рассматриваются имущественные права как объекты гражданских прав, раскрываются их правовая природа, особенности и классификация. Особое внимание уделено делению имущественных прав на вещные, обязательственные, корпоративные и права, связанные с интеллектуальной деятельностью. Анализируются признаки имущественных прав, такие как оценимость, оборотоспособность и возможность правопреемства. Отдельно затрагивается современная тенденция цифровизации имущественных прав и появления цифровых активов, приводятся примеры судебных практик. Делается вывод о ключевом значении имущественных прав в гражданском обороте и их роли в формировании гибкой и эффективной системы частноправовых отношений.

Ключевые слова: имущественные права, гражданские права, объекты гражданских прав, вещные права, обязательственные права, интеллектуальная собственность.

В системе гражданского права имущественные права играют важную роль, так как они выступают объектами правового регулирования. В статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) указано, что к объектам гражданских прав относятся вещи, результаты работ и услуг, результаты интеллектуальной деятельности и другие нематериальные блага [1]. Имущественные права отличаются от вещей тем, что они нематериальные, но при этом имеют экономическую ценность и могут быть предметом сделок.

Понятие имущественного права охватывает субъективные права, связанные с владением, пользованием, распоряжением имуществом или с возможностью получения имущественных выгод от определённых действий или состояний. Такие права могут существовать самостоятельно или возникать на основе других правовых отношений. Главное, что объединяет все имущественные права — это их денежная оценка, направленность на удовлетворение

материальных интересов и возможность участвовать в гражданском обороте [3, с. 167].

Основными признаками имущественных прав являются их стоимостная характеристика, отчуждаемость, возможность передачи по наследству, правопреемству, уступке, а также защита в гражданско-правовом порядке. Также существуют различные классификации имущественных прав в зависимости от оснований деления. Наиболее частое деление включает вещные и обязательственные права

Вещные права закрепляют прямое господство над вещью и действуют в отношении неопределённого круга лиц. В качестве примера можно указать, право собственности, дающее возможность владения, пользования и распоряжения имуществом. Сюда же относятся ограниченные вещные права, такие как сервитут, залог, право хозяйственного ведения, оперативного управления.

Обязательственные права, в свою очередь, выражаются в правоотношении между конкретными лицами:

кредитором и должником. Они предоставляют право требовать исполнения определенных обязанностей: передачи имущества, выполнения работы, оказания услуг и т. д. Важной особенностью обязательственных прав является их относительный характер, то есть права и обязанности существуют только между определёнными сторонами. Это отличает их от абсолютных вещных прав [6, с. 132].

Судебная практика подтверждает имущественный характер обязательственных прав. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 15 января 2019 года № 9-КГ18–20 было признано, что право требования возврата займа является имущественным и входит в состав наследства. Отказ нижестоящих судов включать такое право в наследственную массу был отменён, поскольку это требование имеет стоимостную оценку и правовую защиту [2].

Следует добавить также следующий вид — личные имущественные права. Такие права связаны первую очередь с личностью субъекта и касаются его имущественные интересы. В качестве примеров личного имущественного права следует отнести: право на алименты, на наследство, на возмещение ущерба и др.

Отдельную группу составляют имущественные права, которые вытекают из участия в юридических лицах, так называемые, корпоративные имущественные права. Они предполагают право на получение части прибыли (дивидендов), участие в распределении имущества при ликвидации, а также право на информацию о деятельности общества. Здесь также существует активная судебная практика. В Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.09.2020 № 305-ЭС20–4649 было указано, что после утверждения дивидендов на общем собрании акционер приобретает субъективное имущественное право, подлежащее защите. Отказ в его выплате признаётся нарушением имущественных прав акционера [3].

Кроме того, имущественные права могут возникать в результате создания и использования результатов интеллектуальной деятельности. Хотя эти права и обладают специальным правовым режимом, но они также подлежат гражданско-правовой защите и могут быть предметом сделок. Исключительные права, лицензионные договоры, право на вознаграждение — все эти элементы интеллек-

туальной собственности имеют выраженную имущественную природу.

Современное гражданское законодательство расширяет спектр имущественных прав за счёт цифровизации правовых конструкций. Так, в ст. 141.1 ГК РФ введено понятие цифровых прав, существующих исключительно в информационных системах [1]. Они являются новым видом имущественных прав, обращающихся в цифровой форме, и предполагают возможность осуществления и передачи только через электронные средства.

Судебная практика активно развивает и конкретизирует понятие имущественных прав, особенно в контексте споров по поводу уступки прав. Пример тому **Постановление АС Московского округа от 21.01.16 по делу № А41–69517/2014**, где суд признал уступку права требования долга по арендному договору допустимой, поскольку такое право имеет стоимостную природу и может быть отчуждено [4].

Всё это говорит о высокой степени юридической значимости имущественных прав в современной правовой системе. Правовая конструкция имущественных прав обеспечивает гибкость гражданского оборота, позволяет участникам свободно распоряжаться своим имуществом и правами, а также использовать их в качестве средства обеспечения обязательств, залога или инвестиций. Имущественные права играют важную роль в трансформации традиционных моделей владения и обмена в условиях цифровой экономики, поскольку в результате цифровизации появляются имущественные права, которые учитываются и обращаются только в контексте цифрового пространства (цифровых платформ).

Учитывая всё вышесказанное, можно сделать вывод, что имущественные права представляют собой динамичный и многогранный институт гражданского права, объединяющий в себе как традиционные, так и новейшие правовые формы. Их значение в юридической практике, в хозяйственной деятельности, в наследственных, договорных и корпоративных отношениях невозможно переоценить. Правильное понимание содержания, структуры и правовой природы имущественных прав необходимо как для эффективного регулирования отношений в частноправовой сфере, так и для дальнейшего развития законодательства, особенно в условиях цифровой трансформации общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ ((ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025))// Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 N 9-КГ18–20. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15012019-n-9-kg18-20/> (дата обращения: 29.07.2026)
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2020 N 305-ЭС20–4649 по делу N A41–43982/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092020-n-305-es20-4649-po-delu-n-a41-439822019/> (дата обращения: 29.07.2026).

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2016 № Ф05–19577/15 по делу № А41–69517/2014. URL: <https://base.garant.ru/41816090/> (дата обращения: 29.07.2026).
5. Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я. Гражданское право. Особенная часть. Обязательства. М.: Юрайт, 2023. 377 с.
6. Гражданское право: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр: в 4 томах / ответственный редактор, доктор юридических наук, профессор Е. А. Суханов; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023.

Трудовые гарантии членам семей участников специальной военной операции: новеллы законодательства и проблемы правоприменения

Кашапова Лиана Ильмировна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена анализу новелл трудового законодательства Российской Федерации, устанавливающих гарантии и льготы для членов семей участников специальной военной операции. Рассмотрены гарантии, предусмотренные главой 41 Трудового кодекса Российской Федерации и специальными нормами: право на отпуск, приостановление трудового договора, преимущественное право на оставление на работе при сокращении штата, а также защита от увольнения супругов погибших ветеранов боевых действий (ст. 264.1 ТК РФ). Выявлены проблемы правоприменения и пробелы законодательного регулирования, предложены направления его совершенствования.

Ключевые слова: трудовое право, гарантии и льготы, лица с семейными обязанностями, специальная военная операция, статья 264.1 ТК РФ, трудовой договор, ветераны боевых действий.

Введение

Система трудовых гарантий и льгот, предоставляемых женщинам и лицам с семейными обязанностями, традиционно рассматривается в науке трудового права как один из наиболее динамично развивающихся институтов главы 41 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ). В последние годы это развитие получило дополнительный импульс: внешнеполитические события повлекли за собой формирование самостоятельного блока норм, адресованных членам семей участников специальной военной операции (далее — СВО). Актуальность обращения к данной теме обусловлена как интенсивностью законодотворческого процесса в указанной сфере, так и накоплением судебной практики, выявляющей противоречия и пробелы в правовом регулировании. Целью настоящей статьи является анализ новелл трудового законодательства, устанавливающих гарантии для членов семей участников СВО, и выявление проблем правоприменения в данной области.

Возникновение новой категории субъектов трудового права — членов семей участников СВО — потребовало незамедлительного законодательного урегулирования их статуса в связи с учащением споров в судебной практике. За сравнительно небольшой период было принято значительное количество федеральных законов, направленных на поддержку военнослужащих и членов их семей, причем существенная часть из них приходится на последние годы [8]. Такую интенсивность нормотворчества можно объ-

яснить остротой возникшей социальной потребности; вместе с тем выделение специального блока норм породило и определенные противоречия в законодательстве и правоприменении.

Члены семей участников СВО, имеющие детей, подпадают под общую категорию лиц с семейными обязанностями в понимании, сложившемся в судебной практике на основе разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Тем самым на них распространяются как общие гарантии главы 41 ТК РФ, так и специальные нормы, принятые непосредственно в связи с проведением СВО. Такое сочетание общего и специального регулирования образует характерную черту правового положения данной категории работников.

Одна из специальных гарантий касается использования права на ежегодный оплачиваемый отпуск. Супругам военнослужащих предоставлено право на отпуск одновременно с отпуском военнослужащего, причем его продолжительность по желанию работника может быть приравнена к продолжительности отпуска военнослужащего [3]. Данная гарантия распространяется на супругов лиц, призванных по мобилизации, проходящих службу по контракту, и добровольцев, и направлена на сохранение возможности совместного семейного отдыха в условиях, когда сроки отпуска военнослужащего не зависят от его собственного волеизъявления. Еще одна гарантия связана с правом на отпуск без сохранения заработной платы: работодатель обязан по письменному заявлению предоста-

вить такой отпуск родителям, супругам и детям военнослужащих, погибших или умерших вследствие ранения, контузии, увечья либо заболевания, связанного с прохождением службы, продолжительностью до четырнадцати календарных дней в году [1, ст. 128].

Следующая гарантия выражается в преимущественном праве на оставление на работе при сокращении численности или штата. С целью обеспечить устойчивость трудовых отношений с тем родителем, который в период службы второго родителя фактически в одиночку несет бремя содержания и воспитания ребенка, закон отнес к числу лиц, пользующихся таким правом, родителя, имеющего ребенка в возрасте до восемнадцати лет, если второй родитель призван на военную службу по мобилизации, проходит службу в войсках национальной гвардии, заключил контракт о прохождении военной службы в период мобилизации или военного положения либо контракт о добровольном содействии выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы [1, ст. 179].

Особое место в системе специальных гарантий занимает механизм приостановления действия трудового договора с работником, призванным на военную службу по мобилизации, заключившим контракт о прохождении военной службы либо контракт о добровольном содействии выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы, — институт, ранее неизвестный российскому законодательству и введенный Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ [4]. Согласно ст. 351.7 ТК РФ, на период прохождения военной службы действие трудового договора приостанавливается, а за работником сохраняется место работы (должность); по окончании службы работник вправе в течение трех месяцев вернуться к прежней работе на прежних условиях [1, ст. 351.7]. Хотя данная норма адресована непосредственно самому участнику СВО, она имеет значение и для членов его семьи, поскольку обеспечивает сохранение источника дохода по возвращении кормильца.

Отдельного рассмотрения заслуживает комплекс трудовых льгот и гарантий, адресованных вдовам — супругам погибших (умерших) ветеранов боевых действий, к числу которых относятся и участники СВО. Ядром этого комплекса выступает статья 264.1 ТК РФ, введенная Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 70-ФЗ [5]: расторжение трудового договора по инициативе работодателя с супругой (супругом) погибшего (умершего) ветерана боевых действий, не вступившей (не вступившим) в повторный брак, не допускается в течение одного года со дня гибели (смерти) ветерана, за исключением увольнения по основаниям пунктов 1, 5–8, 10 и 11 части первой статьи 81 и пункта 2 статьи 336 ТК РФ [1, ст. 264.1]. Тем самым законодатель установил для вдовы годичный «иммунитет» от увольнения по сокращению численности (штата) и иным основаниям, связанным с инициативой работодателя.

Существенно расширены и возможности вдов в части использования отпусков. Федеральным законом от 7 апреля 2025 г. № 64-ФЗ был дополнен перечень работников, которым работодатель обязан по письменному заяв-

лению предоставить отпуск без сохранения заработной платы (ст. 128 ТК РФ) [6]: родителям, супругам и детям погибших (умерших) военнослужащих и приравненных к ним лиц гарантирован такой отпуск продолжительностью до 35 календарных дней в году. Это правило напрямую распространяется на вдов погибших участников СВО и дополняет ранее действовавшую гарантию отпуска до четырнадцати календарных дней в году.

Трудовые гарантии вдов дополняются мерами социальной поддержки, закрепленными специальным законодательством. Статья 21 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» предусматривает для супруги (супруга) погибшего (умершего) ветерана боевых действий, не вступившей (не вступившего) в повторный брак, меры поддержки независимо от состояния трудоспособности, нахождения на иждивении и получения заработной платы, в частности компенсацию расходов на оплату жилья и коммунальных услуг [2]. Статья 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закрепляет социальную защиту членов семей военнослужащих, потерявших кормильца [3]. Адресное содействие вдовам участников СВО в трудоустройстве и переобучении оказывает Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», созданный Указом Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232 и работающий с семьями погибших по принципу «одного окна» через институт социальных координаторов [7]; значительную роль играют и региональные меры поддержки, объем которых определяется субъектами Российской Федерации. Таким образом, действующая модель защиты вдов сочетает специальную гарантию от увольнения (ст. 264.1 ТК РФ), право на дополнительные отпуска без сохранения заработной платы (ст. 128 ТК РФ), меры социальной поддержки по законодательству о ветеранах и о статусе военнослужащих, а также адресное содействие в трудоустройстве.

Складывающаяся судебная практика по применению статьи 264.1 ТК РФ указывает на распространенность ситуаций, когда работодатель, не располагая сведениями о статусе работника как супруга погибшего ветерана боевых действий, производит увольнение по сокращению численности или штата в несоблюдение данной нормы, обосновывая впоследствии в суде свою позицию тем, что не был надлежащим образом осведомлен работником о его статусе. Суды в подобных случаях исходят из того, что наличие у работника документально подтвержденного статуса влечет признание увольнения незаконным и восстановление на работе, а неосведомленность работодателя сама по себе не освобождает его от обязанности сохранить с работником трудовые отношения. Сходным образом при разрешении споров о преимущественном праве на оставление на работе суды проверяют, действительно ли второй родитель относится к числу лиц, призванных по мобилизации или проходящих военную службу по контракту, и устанавливают наличие у работ-

ника ребенка, состоящего на его иждивении. Реализация специальных гарантий зависит также от своевременного представления работником необходимых документов и добросовестности поведения обеих сторон трудового правоотношения. В общественных кругах высказывались предложения расширить норму статьи 264.1 ТК РФ и распространить запрет на расторжение трудового договора по инициативе работодателя на супругов участников СВО на весь период их пребывания в воинских формированиях, а также на время лечения и реабилитации в случае получения ранения.

Стремительное увеличение нормативного массива породило проблему размывания законодательных дефиниций. До сих пор ни один нормативный правовой акт федерального уровня не содержит легального определения участника специальной военной операции; из подзаконных актов соответствующий статус выводится лишь косвенно [8]. Это порождает практические затруднения при разграничении смежных правовых статусов участника СВО и ветерана боевых действий, от чего напрямую зависит объем предоставляемых трудовых прав. В качестве еще одной проблемы выделяется отсутствие единого законодательного регулирования: различные гарантии и льготы для участников СВО и членов их семей рассредоточены по множеству источников — федеральным законам и подзаконным актам федерального и регионального уровней, которые не образуют логически согласованной системы и нередко вступают в противоречия друг с другом. Дискуссионным остается и вопрос о соотношении специальных мер поддержки, предоставляемых на федеральном и региональном уровнях: региональное законодательство нередко предусматривает

дополнительные выплаты, льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг, при устройстве детей в дошкольные учреждения для членов семей участников СВО, однако объем и условия предоставления таких мер существенно различаются от региона к региону, что порождает фактическое неравенство граждан, находящихся в сходном положении.

Заключение

Обобщая изложенное, следует констатировать, что система трудовых гарантий, предоставляемых членам семей участников специальной военной операции, значительно расширилась за последние годы. Сформирован специальный блок норм, охватывающий режим рабочего времени и времени отдыха, порядок расторжения трудового договора и иные аспекты: право на отпуск одновременно с отпуском военнослужащего, отпуск без сохранения заработной платы, преимущественное право на оставление на работе при сокращении штата, приостановление трудового договора, а также годичный запрет на увольнение вдов погибших ветеранов боевых действий по ст. 264.1 ТК РФ. Вместе с тем высокие темпы законотворчества повлекли за собой терминологическую избыточность, дублирование понятий и рассредоточение гарантий по множеству разрозненных источников федерального и регионального уровней. Устранение этих пробелов, включая законодательное закрепление легального определения участника специальной военной операции и унификацию федерального и регионального регулирования, представляет собой одно из перспективных направлений развития законодательства о труде женщин и лиц с семейными обязанностями.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 3. — Ст. 168.
3. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.
4. Федеральный закон от 07.10.2022 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/76a4aff8d9bc75ace3883f84c07c1b91af6c5b51/ (дата обращения: 30.07.2026).
5. Федеральный закон от 06.04.2024 № 70-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации». — Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408739597/> (дата обращения: 30.07.2026).
6. Федеральный закон от 07.04.2025 № 64-ФЗ «О внесении изменений в статью 128 Трудового кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ac98e98a7f06d32e7efc3643733e00e94c4fb1b6/ (дата обращения: 30.07.2026).
7. Указ Президента Российской Федерации от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции „Защитники Отечества“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 15. — Ст. 2660.
8. Мананников, Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины / Д. Ю. Мананников // Наука. Общество. Государство. — 2022. — № 2 (10). — С. 80–88.

Проблемы исполнения и принудительного исполнения мировых соглашений в гражданском и арбитражном процессе

Кушакова Мария Александровна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу проблем исполнения и принудительного исполнения мировых соглашений в гражданском и арбитражном процессе. Автор показывает, что нормативная регламентация (ст. 153.11 ГПК РФ [1], ст. 142 АПК РФ [2] и акты об исполнительном производстве) носит рамочный характер, а реальные правила складываются в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации, а именно правила по части: выдачи исполнительного листа, определения объема неисполненной части соглашения, применения судебной неустойки и снижения неустойки, установленной мировым соглашением.

На основе анализа ключевых дел Верховного Суда РФ и арбитражной практики выявляются риски смещения спора о фактическом исполнении на стадию исполнительного производства и акцентируется внимание на эффективном процессуальном контроле.

Во второй части статьи анализируются два основных доктринальных подхода к правовой природе утвержденного мирового соглашения.

Первый подход рассматривает его как договорный компромисс, к которому лишь добавлена процессуальная форма судебного утверждения; второй — как особый судебный акт, исполнимый по тем же стандартам, что и решение суда, включая астрент и контроль соразмерности санкций.

В заключении автор приходит к логичному выводу о том, что преобладающий судебно-правовой подход повышает исполнимость мировых соглашений и усиливает привлекательность примирительных процедур, но одновременно требует дальнейшего уточнения пределов судебной проверки при выдаче исполнительного листа и гарантий должника, чтобы баланс между автономией сторон и государственным принуждением сохранялся.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, ГПК РФ, АПК РФ, мировое соглашение, принудительное исполнение, исполнительный лист, судебная неустойка, частичное исполнение, практика Верховного Суда РФ.

На сегодняшний день мировое соглашение в российском процессе выполняет двойственную функцию: с одной стороны, оно является результатом автономного волеизъявления сторон. С другой же стороны мировое соглашение после его утверждения судом приобретает свойства судебного акта, подлежащего исполнению в установленном законом порядке. Именно эта двойственная природа порождает основные сложности на стадии исполнения, поскольку неисполнение условий соглашения ставит вопрос о соотношении договорного начала, процессуальной формы и механизмов государственного принуждения.

В гражданском процессе соответствующее регулирование закреплено в ст. 153.11 ГПК РФ, а в арбитражном процессе в рамках профильной ст. 142 АПК РФ, причем в обеих моделях добровольное исполнение признается приоритетным, но при его отсутствии допускается выдача исполнительного листа.

Ключевая проблема при работе с мировым соглашением заключается в том, что законодательство сравнительно кратко регулирует стадию исполнения мирового соглашения и оставляет многие практические вопросы на разрешение судов, что находит отражение в отдельных научных публикациях [3, С. 368].

Судебная практика, особенно Верховного Суда РФ, фактически сформировала дополнительные правила относительно момента выдачи исполнительного листа, объема подлежащего взысканию исполнения, допусти-

мости судебной неустойки и значения частичного добровольного исполнения (п. 19 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства») [4]. В связи с чем, анализ исполнения мировых соглашений сегодня невозможен без обращения не только к нормам ГПК РФ и АПК РФ, но и к правовым позициям ключевых актов судов высшего звена судебной системы Российской Федерации.

Арбитражный процесс прямо закрепляет механизм принудительного исполнения. Так, согласно ч. 2 ст. 142 АПК РФ мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению по правилам раздела VII АПК РФ на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству лица, заключившего соглашение.

В гражданском процессе аналогичный подход прямо следует из ч. 2 ст. 153.11 ГПК РФ, а также из сформированной судебной практики, которая до появления этой нормы применяла аналогию закона [5].

Несмотря на сходство подходов, различие между гражданским и арбитражным процессом заключается в степени нормативной детализации и историческом развитии институтов.

Арбитражный процесс раньше выработал более устойчивые правила через разъяснения, содержащиеся в рамках Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014

№ 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» [6] и последующие развитие общей идеи в актах Верховного Суда РФ, тогда как гражданский процесс дольше опирался на аналогию и общие положения исполнительного производства.

В результате многие вопросы, формально общие для обеих процедур, на практике до сих пор решаются через арбитражные подходы с последующим их переносом в суды общей юрисдикции.

Один из центральных вопросов связан с тем, должен ли суд проверять фактическое исполнение мирового соглашения до выдачи исполнительного листа.

Ранее уже упомянутый п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 50 разъясняет, что отсутствие сведений о неисполнении условий мирового соглашения не является основанием ни для отказа в выдаче исполнительного листа, ни для отказа судебного пристава в возбуждении исполнительного производства. Обстоятельства, связанные с исполнением, подлежат выяснению уже на стадии исполнительного производства.

Эта позиция была подтверждена в Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29.11.2017 № 69-КГ17-25 [7], на которое активно стали ссылаться в последующем различные суды.

Так, в названном деле Верховный Суд РФ указал, что утвержденное судом мировое соглашение, неисполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению, а частичное добровольное исполнение не препятствует выдаче исполнительного листа. Пристав обязан возбудить исполнительное производство на сумму, указанную в исполнительном листе, с последующим учетом фактически исполненного.

Значение этого дела состоит в том, что суд исключил возможность предварительного спора о степени исполнения уже на стадии обращения за исполнительным листом, тем самым усилив исполнимость мирового соглашения как судебного акта.

Вместе с тем такой подход вызывает и обоснованную критику среди научного сообщества и практикующих юристов, поскольку он действительно ускоряет защиту кредитора, однако переносит существенную часть спора со стадии судебного контроля на стадию исполнительного производства, где процессуальные гарантии должника оказываются уже иными [8].

Именно поэтому в практике сохраняется вопрос о пределах судебной проверки заявления о выдаче исполнительного листа, особенно если должник утверждает, что соглашение исполнено полностью или исполнение стало невозможным по причинам, зависящим от кредитора.

Следующий проблемный аспект касается того, в каком объеме может быть выдан исполнительный лист, если мировое соглашение исполнено частично. Судебная практика исходит из того, что исполнительный лист выдается лишь в неисполненной части, однако определение этой части нередко требует судебного заседания с вызовом сторон и исследования платежей, зачетов и иных дей-

ствий по исполнению (п. 22 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 № 50).

Для арбитражного процесса особенно важны позиции, приведенные в подборках практики по ст. 142 АПК РФ: если должник исполнил мировое соглашение частично, исполнительный лист выдается именно в объеме неисполненного обязательства. Такая позиция поддерживает баланс интересов, но одновременно показывает, что исполнение мирового соглашения редко бывает механическим: суду приходится заново устанавливать фактическое состояние расчетов, что превращает стадию выдачи исполнительного листа в своего рода «квазиспор о надлежащем исполнении».

В качестве иллюстрации современной арбитражной практики можно привести дело № А40-66473/2022, рассмотренное Девятым арбитражным апелляционным судом 8 апреля 2024 г. [9] Суд анализировал последствия нарушения утвержденного мирового соглашения и исходил из необходимости точного определения объема неисполненных обязательств при последующем взыскании. Хотя подобные дела не всегда формируют принципиально новые подходы, они демонстрируют устойчивую линию: принудительное исполнение мирового соглашения не означает автоматического взыскания всей первоначальной суммы без учета последующего поведения сторон.

Особое место в современной практике занимает вопрос о возможности присуждения судебной неустойки за неисполнение мирового соглашения. Так, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 3 (2024) закрепил важную позицию: при неисполнении условий мирового соглашения, утвержденного определением суда, взыскатель вправе обратиться за присуждением судебной неустойки, поскольку определение об утверждении мирового соглашения является таким же оканчивающим рассмотрение дела по существу судебным актом, как и решение суда [10].

Эта правовая позиция существенно усиливает принудительную силу мирового соглашения. Если ранее мировое соглашение воспринималось преимущественно как компромиссный «договор», исполнение которого обеспечивается только обычными средствами взыскания, то теперь Верховный Суд РФ фактически признал допустимость дополнительного судебного давления на должника через механизм астрента (судебную неустойку). Такой подход имеет и профилактическое значение, поскольку снижает привлекательность недобросовестного затягивания исполнения после утверждения соглашения судом.

Одновременно в 2026 году Верховный Суд РФ подтвердил возможность применения ст. 333 ГК РФ к неустойке, установленной самим мировым соглашением. В определении от 28.04.2026 № 5-КГ26-28-К2 Суд указал, что несоразмерная последствиям нарушения неустойка, предусмотренная мировым соглашением, может быть снижена, поскольку ее соразмерность оценивается не в момент утверждения соглашения, а при последующем нарушении обязательства [11]. Данное дело важно для

темы статьи, поскольку наглядно демонстрирует, что даже утвержденное судом мировое соглашение не исключает последующий контроль за соразмерностью санкций в стадии исполнения.

В научной доктрине сложилось несколько подходов к правовой природе исполнения мирового соглашения [12].

При этом ключевой вывод о природе мирового соглашения заключается в том, что:

«Институт мирового соглашения представляет собой несколько более масштабный и универсальный механизм правового регулирования гражданско-правовых отношений, чем просто способ прекращения гражданско-правового спора».

Именно этот подход в последние годы явно преобладает в практике Верховного Суда РФ и лучше соответствует тенденции на усиление исполнимости примирительных процедур.

Таким образом, основная проблема исполнения мировых соглашений в гражданском и арбитражном процессе состоит в том, что законодатель закрепил лишь

базовую модель добровольного и принудительного исполнения, тогда как реальные вопросы — объем взыскания, момент выдачи исполнительного листа, последствия частичного исполнения, допустимость судебной неустойки — были сформированы судебной практикой.

Практика Верховного Суда РФ демонстрирует общее направление развития института мирового соглашения, которое сводится к тому, что утвержденное судом мировое соглашение надлежит рассматривать не просто как гражданско-правовой компромисс, а как полноценный исполнимый судебный акт.

Такой вектор, по мнению автора настоящей статьи, в целом оправдан, поскольку без эффективного механизма принудительного исполнения мирового соглашение теряло бы значение как процессуальный способ завершения спора. Однако дальнейшее развитие законодательства должно более четко определить пределы проверки суда при выдаче исполнительного листа и процессуальные гарантии должника в спорах о частичном исполнении, чтобы усиление исполнимости не сопровождалось снижением правовой определенности.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Савельев И. А. Мировое соглашение в гражданском процессе: современные тенденции, сущность и особенности заключения по отдельным категориям дел // Вестник Российской юстиции. № 38. 2025. С. 367–379.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 (ред. от 19.11.2024) «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.07.2019 г. № 30. Ст. 4099.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.
7. Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29.11.2017 № 69-КГ17–25 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29112017-n-69-kg17-25/> (дата запроса: 19.07.2026 г.)
8. Валеев Д. Х. Собрание сочинений: Том 3: Исполнительное производство 2010–2024: монография / Д. Х. Валеев. М: Статут. 2025. 504 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2240043> (дата обращения: 19.07.2026).
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2024 г. № 09АП-12342/24 по делу № А40–66473/2022 // URL: <https://base.garant.ru/63625198/> (дата запроса: 19.07.2026 г.)
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2024 г.) // СПС «Гарант».
11. Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2026 № 5-КГ26–28-К2 // СПС «Гарант».
12. Андреева Е. В. Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 556–561. URL: <https://moluch.ru/archive/101/22793> (дата запроса: 19.07.2026 г.)

Иерархия и коллизии специальных правил назначения наказания в уголовном праве России (на примере взаимодействия статей 62, 64, 65, 66, 68, 69, 70 УК РФ)

Литвинов Александр Викторович, студент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье на основе анализа законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и материалов Обзора судебной практики Приморского краевого суда за 2015–2024 годы исследуются проблемы иерархии и коллизий специальных правил назначения наказания. Выявлена иерархическая соподчинённость норм, проанализированы типичные судебные ошибки, обоснован вывод о том, что действующие постановления Пленума Верховного Суда РФ уже выполняют функцию систематизации и уточнения правил назначения наказания.

Ключевые слова: назначение наказания, специальные правила, смягчающие обстоятельства, рецидив, вердикт присяжных, совокупность преступлений, иерархия норм, судебная практика.

Введение

Институт назначения наказания — один из наиболее сложных и динамично развивающихся в уголовном праве России. Законодатель закрепил широкий набор специальных правил: смягчение при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ (ст. 62), при вердикте присяжных о снисхождении (ст. 65), при неоконченном преступлении (ст. 66), ужесточение при рецидиве (ст. 68), а также правила назначения наказания по совокупности преступлений (ст. 69) и приговоров (ст. 70) с возможностью назначения наказания ниже низшего предела (ст. 64). Особое значение имеет применение этих правил к несовершеннолетним, для которых главой 14 УК РФ и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 установлены дополнительные ограничения и льготы.

Несмотря на формальную определённую, одновременное применение нескольких специальных правил вызывает серьёзные трудности на практике. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 (в редакции от 23.12.2025) дал ряд принципиальных разъяснений, направленных на устранение коллизий. Цель настоящей работы — на основе комплексного анализа законодательства, указанных разъяснений и региональной судебной практики выявить иерархию специальных правил, определить способы разрешения конкуренции норм и оценить достаточность существующих механизмов систематизации.

Иерархия правил, понижающих максимальный предел наказания. Ключевое значение для правильного применения закона имеет соотношение правил ст. 62, 65 и 66 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в п. 42 Постановления № 58 (в ред. от 23.12.2025) прямо указал: наличие вердикта присяжных о снисхождении, а также смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствиеотячающих обстоятельств не влечёт последовательного применения ч. 1 ст. 62 и ч. 1 ст. 65 УК РФ — применению подлежит только

ч. 1 ст. 65 УК РФ. Тем самым вердикт присяжных «поглощает» правила ст. 62, устанавливая приоритет ст. 65 УК РФ. Иное решение избрано для взаимодействия ст. 65 и ст. 66 УК РФ. Согласно п. 43 Постановления № 58, при применении ст. 65 к неоконченному преступлению максимальный срок или размер наказания исчисляется от предела, уже определённого по правилам ст. 66 УК РФ. Таким образом, сначала применяются правила о неоконченном преступлении, а затем — о вердикте присяжных. Аналогичный алгоритм последовательного исчисления используется при одновременном наличии оснований для ч. 1 ст. 62 и ч. 5 ст. 62 УК РФ (сокращённая форма дознания): предельный размер определяется путём последовательного применения указанных норм.

Соотношение правил о рецидиве со смягчающими нормами. Наиболее острые коллизии возникают при сочетании правил ст. 68 УК РФ с иными специальными правилами. В первую очередь необходимо учитывать, что при назначении наказания лицу, признанному присяжными виновным, но заслуживающим снисхождения, правила ст. 68 УК РФ не применяются вовсе (п. 47 Постановления № 58, ч. 4 ст. 65 УК РФ). При отсутствии вердикта присяжных и наличии рецидива наказание по общему правилу не может быть ниже низшего предела санкции, даже если одна третья часть максимального срока оказывается меньше этого предела (п. 48 Постановления № 58). Вместе с тем суд, руководствуясь ч. 3 ст. 68 УК РФ, может назначить наказание менее одной третьей части, но не ниже низшего предела санкции, установив смягчающие обстоятельства. Если санкция статьи является альтернативной, при рецидиве назначается только наиболее строгий вид наказания, за исключением случаев применения ст. 64 УК РФ (п. 47 Постановления № 58). Правило о недопустимости повторного учёта отягчающего обстоятельства, предусмотренного статьёй Особенной части в качестве признака преступления (ч. 2 ст. 63 УК РФ), также последовательно соблюдается: в частности, состояние опьянения не может повторно учитываться при осуждении по ст. 264, 264.1 УК РФ. Отдельного внимания заслужи-

вает применение ст. 64 УК РФ. Пункт 34 Постановления № 58 (в ред. от 23.12.2025) закрепляет важное уточнение: если в результате применения статей 62, 65 и 66 УК РФ срок или размер наказания окажется менее строгим, чем низший предел санкции, наказание назначается ниже низшего предела без ссылки на ст. 64 УК РФ.

Приоритет правил назначения наказания несовершеннолетним. Нормы главы 14 УК РФ и разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 обладают приоритетом перед общими специальными правилами. Фундаментальным является правило ч. 4 ст. 18 УК РФ: судимости за преступления, совершённые в возрасте до 18 лет, не учитываются при признании рецидива. Запрет назначать лишение свободы несовершеннолетнему, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести в возрасте до шестнадцати лет (ч. 6 ст. 88 УК РФ), носит абсолютный характер и не может быть преодолен даже при наличии рецидива или применении ст. 68 УК РФ. При применении ст. 62 УК РФ к несовершеннолетним её положения действуют с учётом ограничений, установленных ч. 6 ст. 88 УК РФ (п. 19 Постановления № 1). Окончательное наказание по совокупности преступлений и приговоров не может превышать максимальных пределов, предусмотренных ч. 6 и 6.1 ст. 88 УК РФ (п. 17 Постановления № 1). Таким образом, специальные нормы главы 14 образуют самостоятельный уровень иерархии, корректирующий результат применения всех остальных правил.

Правила назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров. При совокупности преступлений суд сначала определяет наказание за каждое преступление с учётом всех применимых специальных правил, а затем назначает окончательное наказание по принципам поглощения или сложения, соблюдая ограничения ст. 88 УК РФ для несовершеннолетних. Особую сложность представляет разграничение ч. 5 ст. 69 и ст. 70 УК РФ при делящихся и продолжаемых преступлениях. Согласно п. 54 Постановления № 58 (в ред. от 23.12.2025), если преступление началось до и продолжалось после вынесения первого приговора, наказание по второму делу назначается по правилам ст. 70 УК РФ. При применении ч. 5 ст. 69 УК РФ обязателен зачёт отбытого наказания по первому приговору. Льготные коэффициенты зачёта времени содержания под стражей (п. «б», «в» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ) не применяются, если хотя бы одно из преступлений, входящих в совокупность, указано в ч. 3.2 ст. 72 УК РФ. Кроме того, при решении вопроса о замене неотбытой части лишения свободы принудительными работами (ст. 80 УК РФ) надлежит исходить из окончательного срока наказания, назначенного по совокупности. Наказание в виде лишения свободы лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, может быть назначено только при наличии отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 56 УК РФ).

Типичные судебные ошибки и роль постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Анализ Обзора судебной

практики Приморского краевого суда за 2015–2024 годы показывает, что суды продолжают допускать однотипные ошибки: неверно определяют максимальные пределы наказания при конкуренции ст. 62 с другими правилами; игнорируют требования ст. 68 УК РФ при альтернативной санкции; неправильно применяют ч. 5 ст. 69 УК РФ к делящимся преступлениям; допускают повторное присоединение уже отбытого дополнительного наказания; нарушают абсолютный запрет, установленный ч. 6 ст. 88 УК РФ для несовершеннолетних; формально изменяют категорию преступления без надлежащей мотивировки. Вместе с тем именно Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 58 (с последующими изменениями) и в Постановлении от 01.02.2011 № 1 дал исчерпывающие, иерархически выверенные разъяснения, охватывающие практически все типичные ситуации. Детальная регламентация последовательности применения норм (ст. 66 → ст. 65 либо ст. 62 → ст. 68 → ст. 88 → ст. 64 → ст. 69, 70 УК РФ), правил зачёта сроков и особенностей ответственности несовершеннолетних представляет собой, по существу, законченную систематизацию и уточнение правил назначения наказания. Именно эти акты высшей судебной инстанции устраняют коллизии и формируют единообразную практику, поэтому потребность в дополнительных законодательных новеллах на данном этапе отсутствует; дальнейшее совершенствование должно идти по пути неукоснительного соблюдения уже выработанных Пленумом подходов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Специальные правила назначения наказания образуют иерархическую систему с итоговой последовательностью применения: ст. 66 УК РФ → ст. 65 (при вердикте присяжных) либо ст. 62 (при его отсутствии и наличии соответствующих смягчающих обстоятельств) → ст. 68 (если рецидив не исключён) → ограничения главы 14 УК РФ для несовершеннолетних → ст. 64 УК РФ → ст. 69, 70 УК РФ.

Наиболее сложные коллизии (поглощение ст. 62 вердиктом присяжных, неприменение ст. 68 при снисхождении, порядок исчисления пределов при неоконченном преступлении, разграничение совокупности приговоров для делящихся преступлений) в настоящее время прямо урегулированы Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 58.

Региональная судебная практика (Приморский краевой суд) подтверждает повторяемость ошибок, что указывает не на пробелы законодательства, а на необходимость точного следования уже имеющимся разъяснениям.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 и № 1 фактически выполнили функцию систематизации и уточнения специальных правил назначения наказания, обеспечив необходимую степень формальной определённости и единообразие правоприменения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1632-О.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1690-О.
7. Обзор судебной практики Приморского краевого суда по уголовным делам за 2015–2024 годы.

Правовые аспекты и особенности наследования супругом как наследником по закону первой очереди

Николаев Кирилл Владимирович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В работе исследуется правовое положение пережившего супруга, призываемого к наследованию по закону в составе наследников первой очереди. На основе доктрины, действующего законодательства и судебной практики 2021–2026 годов выделены три проблемы правового регулирования: отстранённость фактического супруга (сожителя) от наследования; призвание пережившего супруга при фактическом распаде семьи; призвание супруга, пережившего наследодателя в незавершённом бракоразводном процессе. По каждой проблеме предложены изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с конкретными редакциями норм.

Ключевые слова: наследование по закону, переживший супруг, наследник первой очереди, супружеская доля, фактические брачные отношения, нетрудоспособный иждивенец, недостойный наследник, расторжение брака, обязательная доля, совершенствование законодательства.

Среди наследников по закону переживший супруг наследодателя поставлен законодателем в один ряд с детьми и родителями умершего (статья 1142 ГК РФ [2]). При внешнем равенстве долей основание призвания супруга качественно отличается от основания призвания кровных родственников: оно опирается не на происхождение, а на зарегистрированный брачный союз. Е. В. Вавилин обоснованно связывал субъектный состав наследования по закону с задачей точного определения круга преемников, от которого зависит распределение наследственной массы [14, С. 7–9]. Применительно к супругу это определение сводится к одному условию — наличию действительного брака на день открытия наследства, что и предопределяет ряд практических вопросов, не возникающих в отношении иных наследников первой очереди.

Настоящая работа имеет целью выявить дефекты правового регулирования наследования пережившим супругом и предложить пути их устранения. Для этого последовательно рассматриваются основание и пределы призвания супруга к наследованию, три проблемные ситуации такого призвания — наследственное положение

фактического супруга, призвание пережившего супруга при распаде семьи и смерть супруга в незавершённом бракоразводном процессе, — после чего формулируются изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с конкретными редакциями норм.

Действующий порядок относит к наследникам первой очереди детей, супруга и родителей наследодателя (статья 1142 ГК РФ [2]). Положение супруга в этом перечне внешне равноценно положению кровных родственников, однако опирается на иное основание — зарегистрированный брачный союз. Семейное законодательство не признаёт супругами лиц, не оформивших отношения в установленном порядке: согласно статьям 1 и 2 СК РФ правовое регулирование распространяется на брак, заключённый в органах записи актов гражданского состояния [3].

А. В. Мыскин формулирует это положение предельно ясно: супругом для целей наследственного преемства считается исключительно лицо, чей брак зарегистрирован, и никакие иные обстоятельства — длительность совместной жизни, рождение общих детей, ведение общего

хозяйства — этого статуса не заменяют [15, С. 25–28]. Отсюда вытекает важное следствие: межличностные отношения супругов, степень их близости или, напротив, конфликтности, факт раздельного проживания значения для призвания к наследованию не имеют. Переживший супруг наследует и тогда, когда брак фактически распался, но юридически сохрэнён.

Таким образом, единственным основанием призвания супруга к наследованию по закону выступает действительный зарегистрированный брак, существующий на день открытия наследства; качество супружеских отношений правового значения не имеет. Привязка к формальному акту регистрации гарантирует определённую правовую природу, однако порождает положения, в которых наследование пережившего супруга расходится с действительной волей и интересами наследодателя. Эти положения и образуют проблемное поле дальнейшего анализа.

Призвание супруга к наследованию необходимо ограничивать от выдела принадлежащей ему супружеской доли. Имущество, нажитое в браке, составляет совместную собственность супругов (статья 34 СК РФ [3], статья 256 ГК РФ [1]); при смерти одного из супругов другому принадлежит доля в этом имуществе, равная одной второй, если иной размер не определён брачным договором, совместным завещанием супругов, наследственным договором или решением суда. Эта супружеская доля наследством не охватывается и принадлежит пережившему супругу помимо преемства, тогда как в состав наследства поступает лишь доля умершего (статья 1150 ГК РФ [2]).

Т. А. Батрова обоснованно отмечает, что супружеская доля не может стать предметом соглашения о разделе наследства, поскольку такое соглашение определяет иные доли, нежели причитающиеся в порядке преемства [12, С. 35–39]. Практическое значение разграничения подтверждает определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 февраля 2024 г. № 41-КГ23–67-К4 [10]. После смерти Фоменко Т. И. наследник требовал выдела супружеской доли наследодателя в жилом строении и земельном участке, приобретённых в период брака, включения этой доли в наследство и признания права на её часть; нижестоящие суды в иске отказали, сочтя имущество личным. Верховный Суд РФ напомнил, что имущество, нажитое в браке, предполагается общим, и возложил бремя доказывания личного характера такого имущества на сторону, которая на него ссылается, отменив судебные акты и направив дело на новое рассмотрение.

Приведённая позиция представляется обоснованной: презумпция общности нажитого в браке имущества вытекает из статьи 34 СК РФ и не может опровергаться предположениями, а возложение доказывания на заинтересованную сторону соответствует общему правилу о распределении бремени доказывания. На сопряжённый вопрос — соотношение супружеской и обязательной долей пережившего супруга — указывает определение

Верховного Суда РФ от 14 января 2025 г. № 4-КГ24–73-К1 [11], где переживший супруг наряду с супружеской долей претендовал и на обязательную долю в наследстве. По нашему мнению, обязательная доля должна исчисляться лишь из наследственной массы, остающейся после выдела супружеской доли, иначе переживший супруг получил бы преимущество за счёт имущества, ему и без того принадлежащего.

Обобщая вышеизложенное, супружеская и наследственная доли пережившего супруга имеют разную правовую природу: первая принадлежит ему как собственнику и наследством не охватывается, вторая переходит в порядке преемства. Судебная практика 2024–2025 годов подтверждает презумпцию общности супружеского имущества и возлагает её опровержение на заинтересованную сторону. Точное разграничение долей предотвращает необоснованное уменьшение прав иных наследников.

Самым обсуждаемым следствием привязки наследования к зарегистрированному браку выступает отстранённость фактического супруга — сожителя — от преемства. Лицо, состоявшее с наследодателем в незарегистрированном союзе, не призывается к наследованию как супруг независимо от длительности совместной жизни и наличия общих детей [15, С. 25–28]. Судебная практика последовательно подтверждает этот подход: установление факта нахождения в фактических брачных отношениях наследственных последствий не порождает, поскольку по смыслу статей 1 и 10 СК РФ совместное проживание без регистрации брака правового значения для наследования не имеет [3].

Единственная возможность призвания сожителя к наследованию связана с институтом нетрудоспособного иждивенца (статья 1148 ГК РФ [2]). При одновременном соблюдении трёх условий — нетрудоспособности на день открытия наследства, нахождения на иждивении наследодателя и совместного проживания с ним не менее года — фактический супруг наследует наравне с призываемой очередью, а при отсутствии иных наследников по закону — самостоятельно, в качестве наследника восьмой очереди. Реальность такого призвания подтверждает определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2020 г. № 5-КГ20–66-К2 [9]: фактическая супруга, пенсионерка и инвалид II группы, получавшая от сожителя содержание и проживавшая с ним более года, была признана его наследницей-иждивенкой, тогда как нижестоящие суды ей отказали.

Доктрина оценивает это положение неоднозначно. А. В. Мышкин подчёркивает, что подобный исход редок: в большинстве дел сожителям отказывают ввиду недоказанности иждивения [15, С. 25–28]. Н. Н. Тарусина рассматривает фактическое супружество как явление, к которому отечественная цивилистика возвращается на новом витке развития, не отрицая потребности в его частичном правовом признании [16]. О. Е. Блинков, анализируя законопроекты о расширении круга наследников по закону, показывает готовность законодателя учитывать не

кровную, а социальную связь — например, призывая к nasledованию отчима, мачеху, пасынков и падчериц [13, С. 3–4]. На наш взгляд, полное приравнивание сожительства к браку недопустимо: оно обесценило бы регистрацию брака и породило бы неопределённость относительно момента возникновения и прекращения союза.

Проведённый анализ позволяет заключить, что фактический супруг лишён наследственных прав и способен наследовать лишь как нетрудоспособный иждивенец при доказанности трёх условий, что удаётся редко. Проблема состоит не в отказе признать сожителя супругом, а в избыточной требовательности к доказыванию иждивения для нетрудоспособного лица, длительно состоявшего с наследодателем в фактическом союзе. Устранение этого дефекта требует не уравнивания союзов, а облегчения доказывания иждивения.

Зеркальная проблема возникает, когда переживший супруг, годами не поддерживавший с наследодателем семейных отношений, призывается к наследованию вопреки очевидному распаду семьи. Поскольку основанием преемства служит сохранение брака, а не его содержательное наполнение, многолетнее раздельное проживание супругов само по себе наследственных прав не прекращает [15, С. 15–19]. Заинтересованные наследники нередко пытаются исключить такого супруга как недостойного (статья 1117 ГК РФ [2]), однако этот путь упирается в узость указанной нормы.

Конституционный Суд РФ в определении от 17 ноября 2011 г. № 1502-О-О по жалобе А. В. Таланова [5] отказался расширять круг недостойных наследников за счёт супруга, более пятнадцати лет не проживавшего с наследодателем, указав, что такое расширение возможно лишь путём изменения закона. Позднее Верховный Суд РФ в определении от 19 июня 2018 г. № 18-КГ18–53 [8] признал наследницей вдову, которая при жизни мужа судилась с ним из-за долга, не навещала его в больнице и не участвовала в похоронах: недоброжелательное поведение само по себе наследника недостойным не делает.

Пределы недостойности уточнены определением Конституционного Суда РФ от 17 января 2023 г. № 4-О по жалобе В. А. Петровой [6]. Заявительница добивалась отстранения наследницы, в отношении которой уголовное дело о завладении средствами наследодателя было прекращено за истечением сроков давности. Конституционный Суд РФ разъяснил, что умышленное противоправное действие против наследодателя или иных наследников должно быть подтверждено в судебном порядке, причём не обязательно приговором, и что статья 1117 ГК РФ действует в системной связи со статьёй 10 ГК РФ, запрещающей извлекать выгоду из недобросовестного поведения; вместе с тем прекращение дела по нереабилитирующему основанию само по себе таким подтверждением не является. Эта позиция представляется верной по существу: недостойность предполагает доказанное умышленное деяние, а не нравственную оценку поведения. Однако из неё же видно, что пассивный распад семьи — раздельное

проживание, утрата взаимной заботы — под действие статьи 1117 ГК РФ не подпадает.

Таким образом, переживший супруг наследует даже при многолетнем фактическом прекращении семейных отношений, а институт недостойных наследников, ограниченный доказанными умышленными противоправными деяниями, на такие ситуации не распространяется. Конституционный Суд РФ прямо отнёс решение этого вопроса к компетенции законодателя. Следовательно, для случаев фактического распада семьи требуется самостоятельное основание отстранения.

Третья проблема проявляется при смерти супруга в незавершённом бракоразводном процессе. Брак, расторгаемый в суде, считается прекращённым со дня вступления решения в законную силу; до этого момента супруги сохраняют все права, в том числе наследственные [15, С. 15–19]. Если один из супругов умирает до вступления решения в силу, брак прекращается смертью, а не расторжением (статья 16 СК РФ [3]), и начатое дело о расторжении подлежит прекращению, поскольку процессуальное правопреемство в нём не допускается (статья 220 ГПК РФ; определение Верховного Суда РФ от 26 марта 2004 г. № 16-В03–9 [7]).

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 28 постановления от 29 мая 2012 г. № 9 разъяснил, что бывший супруг лишается права наследования лишь при вступлении решения о расторжении брака в силу до дня открытия наследства [4]. Действие этого правила показывает уже упомянутое определение от 19 июня 2018 г. № 18-КГ18–53 [8]: муж подал заявление о расторжении брака, но скончался в ходе процесса — и суд признал пережившую жену наследницей, поскольку на день открытия наследства брак сохранял силу. Воля наследодателя на прекращение союза, выраженная подачей иска, правового значения для наследования не получила.

Подобный исход представляется внутренне противоречивым. Правопорядок признаёт за наследодателем свободу определять судьбу имущества и одновременно отказывает в учёте его недвусмысленно выраженного намерения прекратить брак, если смерть опередила вступление судебного решения в силу. Привязка к этому моменту удобна определённой, но в делах, где наследодатель сам инициировал развод и довёл его до объявления решения, она ведёт к призыванию супруга, которого наследодатель при жизни стремился исключить из своей семьи.

Обобщая вышеизложенное, смерть супруга до вступления в силу решения о расторжении брака сохраняет за пережившим супругом наследственные права, даже если расторжение было инициировано самим наследодателем и решение уже объявлено. Действующее регулирование не учитывает выраженную волю наследодателя на прекращение союза. Это обосновывает введение нормы, связывающей утрату наследственных прав с наличием объявленного, хотя и не вступившего в силу, решения о расторжении брака по иску наследодателя.

Облегчение наследственного положения нетрудоспособного сожителя достижимо без приравнивания фактического союза к браку — путём введения опровержимой презумпции иждивения. Действующая статья 1148 ГК РФ требует от такого лица доказать факт нахождения на иждивении, что при совместной жизни, обычно не оформляемой документально, оказывается трудновполнимым [15, С. 25–28]. Между тем семейное законодательство уже знает приём, при котором длительность фактической связи влечёт правовые последствия: статья 96 СК РФ возлагает обязанность содержания на воспитанников при условии их воспитания не менее пяти лет [3]. О. Е. Блинков предлагал использовать этот пятилетний срок по аналогии при определении круга лиц, наследующих в силу социальной, а не кровной связи [13, С. 3–4].

По нашему мнению, статью 1148 ГК РФ следует дополнить пунктом 4 в следующей редакции: «Нетрудоспособное лицо, не менее пяти лет до открытия наследства проживавшее совместно с наследодателем и ведущее с ним общее хозяйство, предполагается находившимся на иждивении наследодателя, если не доказано иное». Такая презумпция не наделяет сожителя статусом супруга и не вводит его в первую очередь; она переносит бремя доказывания отсутствия иждивения на возражающих наследников, уравнивая нетрудоспособного сожителя с прочими нетрудоспособными иждивенцами в доступности защиты. Пятилетний срок отсекает кратковременные связи и согласуется с подходом статьи 96 СК РФ.

Таким образом, дополнение статьи 1148 ГК РФ опровержимой презумпцией иждивения для нетрудоспособного лица, не менее пяти лет проживавшего с наследодателем одной семьёй, устраняет избыточную требовательность к доказыванию, не затрагивая основ брачного института. Предложенная норма защищает самого уязвимого участника фактического союза, оставляя возражающим наследникам возможность опровержения. Это решение представляется соразмерным выявленной проблеме.

Для случаев фактического распада семьи требуется основание отстранения пережившего супруга, отличное от недостойности, поскольку статья 1117 ГК РФ охватывает лишь доказанные умышленные противоправные деяния, а расширение этого основания Конституционный Суд РФ отнёс к ведению законодателя [6]. При конструировании такой нормы необходимо учесть, что раздельное проживание супругов часто обусловлено уважительными причинами — лечением, уходом за родственниками, работой в другой местности, — которые исключать наследование не должны.

Полагаем обоснованным дополнить статью 1117 ГК РФ пунктом 2.1 следующего содержания: «По требованию заинтересованного наследника суд может отстранить пережившего супруга от наследования по закону, если установлено, что супруги в течение не менее трёх лет до открытия наследства проживали раздельно, прекратили ведение общего хозяйства и не поддерживали семейных отношений по причинам, не связанным с уважи-

тельными обстоятельствами (необходимостью лечения, ухода, исполнения служебных обязанностей и тому подобными), и при этом не принимали мер к сохранению брака». Норма носит дискреционный характер: суд оценивает обстоятельства распада семьи и не обязан отстранять супруга автоматически. Бремя доказывания фактического прекращения брака возлагается на заявляющего требование наследника, что защищает пережившего супруга от необоснованных притязаний.

Предложенное решение согласуется с логикой пункта 2 статьи 39 СК РФ [3], допускающего отступление от равенства долей супругов при недобросовестном поведении одного из них, и переносит идею учёта добросовестности в наследственную плоскость. Введение оценочных понятий («уважительные причины», «семейные отношения») применению нормы не препятствует: отечественное гражданское право последовательно пользуется такими понятиями, а их наполнение складывается в судебной практике, на что обоснованно указывал О. Е. Блинков применительно к понятиям отчима и мачехи [13, С. 3–4].

Проведённый анализ позволяет заключить, что дополнение статьи 1117 ГК РФ дискреционным основанием отстранения пережившего супруга при доказанном фактическом распаде семьи по неуважительным причинам устраняет разрыв между формальным сохранением брака и действительным прекращением семейных отношений. Оговорка об уважительных причинах и судебное усмотрение предотвращают несоразмерное лишение наследства. Норма отвечает позиции Конституционного Суда РФ, относившего этот вопрос к компетенции законодателя.

Учёт незавершённого бракоразводного процесса достижим введением специального основания утраты наследственных прав. Трудность состоит в том, что прекращение производства по делу о расторжении брака в связи со смертью супруга не позволяет считать брак расторгнутым, а выраженная наследодателем воля на развод остаётся без правовых последствий [7].

Представляется обоснованным дополнить статью 1150 ГК РФ абзацем вторым: «Переживший супруг не наследует по закону, если на день открытия наследства имелось вынесенное по иску наследодателя решение суда о расторжении брака, не вступившее в законную силу исключительно вследствие смерти наследодателя, при условии, что наследодатель не отказался от иска и супруги не заявили о примирении». Норма связывает утрату наследственных прав не с самим фактом раздельного проживания, а с объективно выраженной и процессуально оформленной волей наследодателя — поданным им иском и вынесенным по нему решением; оговорка о примирении и об отказе от иска сохраняет наследственные права супруга в случаях восстановления семьи.

Предложенное основание не вступает в противоречие с правилом о прекращении брака смертью (статья 16 СК РФ [3]) и с недопустимостью процессуального правоприменения: брак по-прежнему прекращается смертью, а переживший супруг не становится разведённым; речь идёт

лишь об утрате им наследственного права по закону при наличии объявленного решения о расторжении, инициированного наследодателем. Тем самым устраняется положение, при котором наследодатель, добившийся при жизни судебного решения о разводе, посмертно оставляет имущество супругу, от которого стремился отделиться.

Обобщая вышеизложенное, дополнение статьи 1150 ГК РФ нормой об утрате пережившим супругом наследственных прав при наличии вынесенного по иску наследодателя и не вступившего в силу решения о расторжении брака учитывает действительную волю наследодателя, не нарушая правила о прекращении брака смертью. Оговорки о примирении и отказе от иска не допускают несоразмерного лишения наследства. Предложение завершает систему мер по сближению наследования пережившим супругом с подлинными семейными отношениями.

Исследование показало, что наследование пережившим супругом по закону построено на формальном основании — действительном зарегистрированном браке, — которое, гарантируя определённую, в ряде положений расходится с подлинными семейными отношениями и волей наследодателя. Выявлены три проблемы: лишение нетрудоспособного сожителя реальной возможности наследовать ввиду чрезмерной требовательности

к доказыванию иждивения; призывание пережившего супруга при многолетнем фактическом распаде семьи; призывание супруга, пережившего наследодателя в инициированном последним, но незавершённом бракоразводном процессе.

Для их устранения предложено дополнить статью 1148 ГК РФ опровержимой презумпцией иждивения для нетрудоспособного лица, не менее пяти лет проживавшего с наследодателем одной семьёй; дополнить статью 1117 ГК РФ дискреционным основанием отстранения пережившего супруга при доказанном фактическом прекращении семейных отношений по неуважительным причинам; дополнить статью 1150 ГК РФ основанием утраты наследственных прав при наличии вынесенного по иску наследодателя и не вступившего в силу решения о расторжении брака. Каждое предложение опирается на сложившуюся судебную практику и согласуется с действующими нормами, не затрагивая основ брачного института.

По мнению автора, реализация изложенных предложений сближит наследование пережившим супругом с действительным содержанием семейных отношений и волей наследодателя, сохранив предсказуемость правопорядка и защиту добросовестных участников наследственных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1502-О-О (об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Таланова А. В.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2023 г. № 4-О (об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Петровой В. А. на нарушение её конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 1117 ГК РФ). URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision661583.pdf> (дата обращения: 15.06.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2004 г. № 16-В03-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 10.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2018 г. № 18-КГ18-53. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19062018-n-18-kg18-53/> (дата обращения: 15.06.2026).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 июля 2020 г. № 5-КГ20-66-К2 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2020. № 4.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 февраля 2024 г. № 41-КГ23-67-К4 // Документы ленты ПРАЙМ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408462613/> (дата обращения: 15.06.2026).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 января 2025 г. № 4-КГ24-73-К1 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Батрова Т. А. Соглашение о разделе наследства в российском законодательстве и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 5. С. 35–39.
13. Блинков О. Е. О расширении круга лиц, призываемых к наследованию по закону // Наследственное право. 2017. № 2. С. 3–4.

14. Вавилин Е. В. Наследование по закону: очередность и субъектный состав // Наследственное право. 2010. № 1. С. 7–9.
15. Мыскин А. В. Особенности наследования супругом как наследником по закону первой очереди // Наследственное право. 2022. № 2. С. 25–28; № 3. С. 15–19.
16. Тарусина Н. Н. Фактическое супружество: на «волнах» эволюции российской цивилистики // Семейное и жилищное право. 2025. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

Перспективы развития кадрового обеспечения органов внутренних дел в современной России

Новородонова Мария Андреевна, студент
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье анализируются возможные направления совершенствования кадрового обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации в условиях сохраняющегося дефицита сотрудников. Рассматриваются ключевые подходы к преодолению кадровых трудностей, среди которых особое значение придается развитию системы материального поощрения и расширению социальных гарантий для сотрудников. Отдельное внимание уделяется вопросам модернизации профессиональной подготовки, а также внедрению современных управленческих методов при работе с личным составом. Также в статье рассматриваются законодательные изменения последних лет, ориентированные на повышение привлекательности службы в органах внутренних дел и создание условий для закрепления квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: органы внутренних дел, кадровое обеспечение, перспективы развития, реформирование системы, материальное стимулирование, социальные гарантии, профессиональная подготовка, кадровая политика, престиж службы, удержание кадров.

Кадровое обеспечение органов внутренних дел является одним из ключевых факторов устойчивого функционирования всей правоохранительной системы государства и важным условием поддержания общественной безопасности. Уровень профессиональной подготовки сотрудников полиции, их мотивация к службе и степень социальной защищенности во многом определяют эффективность выполнения задач по защите прав и свобод граждан, борьбе с преступностью и обеспечению общественного порядка. В последние годы кадровая ситуация в системе МВД России все чаще характеризуется как напряженная: накапливаются проблемы, которые открыто говорят о формировании системного кадрового дефицита. В этих условиях возрастает необходимость не только всестороннего анализа причин сложившейся ситуации, но и поиска практических путей ее стабилизации. Без комплексного решения кадровых вопросов затруднительно обеспечить полноценную деятельность таких ключевых подразделений органов внутренних дел, как патрульно-постовая служба, уголовный розыск, следственные подразделения и институт участковых уполномоченных полиции, которые ежедневно выполняют задачи по обеспечению безопасности населения.

О серьезности кадровых проблем говорят и официальные статистические данные, озвученные министром внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольниковым. По его словам, в 2025 году из системы органов внутренних дел уволилось около 80 тысяч сотрудников [4].

Этот показатель оказался примерно на 7 % выше уровня предыдущего года и почти на 40 % превысил количество граждан, принятых на службу, которое составило около 58 тысяч человек [7]. Общая численность вакантных должностей достигла 212 тысяч [5]. Наиболее сложная ситуация наблюдается в патрульно-постовой службе, где уровень некомплекта приблизился к 40 %. В подразделениях уголовного розыска нехватка кадров составляет около 30 %, в следственных подразделениях — порядка 27 %, а среди участковых уполномоченных полиции незаполненной остается более четверти штатной численности [3]. По оценке главы ведомства, сотрудники нередко вынуждены работать практически на пределе своих возможностей [2].

Актуальность исследования определяется тем, что кадровые проблемы в системе МВД России в настоящее время выходят за пределы внутриведомственных трудностей и постепенно приобретают масштаб фактора, способного оказывать влияние на состояние общественной безопасности в стране. Недостаток сотрудников в ключевых подразделениях — патрульно-постовой службе, оперативных подразделениях, следствии и институте участковых уполномоченных — объективно отражается на возможностях правоохранительной системы по эффективному противодействию преступности.

Дополнительную сложность ситуации придает тот факт, что, по оценке руководства МВД России, возможности повышения эффективности деятельности исклю-

чительно за счет внутренних резервов практически исчерпаны. В этих обстоятельствах становится особенно важной разработка системных мер, направленных на стабилизацию кадровой ситуации и повышение устойчивости кадрового потенциала ведомства.

Целью исследования является рассмотрение перспективных направлений развития кадрового обеспечения органов внутренних дел. В рамках работы предполагается проанализировать возможные пути совершенствования материального стимулирования сотрудников, укрепления системы социальных гарантий, модернизации профессиональной подготовки кадров, а также внедрения современных организационных и управленческих подходов в работу с личным составом.

Прежде чем перейти к анализу возможных направлений совершенствования кадрового обеспечения органов внутренних дел, представляется целесообразным обозначить основные причины сложившегося кадрового кризиса. Выработка эффективных мер невозможна без понимания факторов, которые формируют и поддерживают существующие проблемы.

Прежде всего следует отметить экономические и социальные факторы, которые во многом лежат в основе кадровых трудностей в системе МВД России. Одной из наиболее часто обсуждаемых проблем остается уровень денежного довольствия сотрудников полиции. Дополнительные сложности создают нерегулярная индексация выплат, а также постепенное сокращение ряда социальных льгот. В частности, во многих регионах была отменена возможность бесплатного проезда в общественном транспорте для сотрудников полиции [1].

Наряду с экономическими причинами значительное влияние оказывают организационно-управленческие и статусные факторы. Постоянный некомплект личного состава, который в отдельных подразделениях достигает значительных показателей и приводит к существенному росту нагрузки на действующих сотрудников. В результате им нередко приходится выполнять служебные задачи в условиях повышенной интенсивности работы. Подобная ситуация, в свою очередь, способствует дальнейшему оттоку кадров, в том числе опытных специалистов. Ситуацию дополнительно осложняют отдельные управленческие практики, связанные с применением дисциплинарных взысканий, влияющих на размер премиальных выплат, а также случаи недостаточно корректного отношения со стороны руководителей. Нельзя не учитывать и фактор снижения общественного престижа службы в правоохранительных органах, который во многом связан с резонансными случаями злоупотреблений и коррупционных скандалов, получивших широкий общественный резонанс.

Одним из наиболее острых вопросов кадрового обеспечения органов внутренних дел остается уровень денежного довольствия сотрудников. В экспертной и ведомственной среде эта проблема рассматривается как одна из ключевых причин снижения привлекательности службы.

При этом характер служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел связан с повышенными физическими и психологическими нагрузками, а также с постоянным риском для жизни и здоровья. В результате возникает очевидное несоответствие между уровнем ответственности и размером материального вознаграждения, что негативно отражается на привлекательности службы и мотивации личного состава [7].

Вместе с тем в последние годы на государственном уровне обозначена необходимость пересмотра существующих подходов к формированию системы оплаты труда сотрудников органов внутренних дел. Так, в марте 2026 года Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил о подготовке комплекса решений, направленных на повышение уровня денежного довольствия сотрудников МВД, подчеркнув, что данные меры должны начать реализовываться уже в текущем году [6]. При этом речь идет не только о проведении очередной индексации выплат, но и о возможном изменении принципов формирования денежного содержания сотрудников, что предполагает более глубокую реформу действующей системы.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность совершенствования законодательного регулирования вопросов материального обеспечения сотрудников органов внутренних дел. В частности, в Федеральном законе «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» можно было бы закрепить обязательный ежегодный механизм индексации денежного довольствия. В настоящее время индексация проводится нерегулярно, что в условиях инфляционных процессов приводит к фактическому снижению реальной покупательной способности доходов сотрудников [1]. Введение нормы о ежегодной индексации окладов денежного содержания, осуществляемой на основе фактического роста потребительских цен за предыдущий год, позволило бы сделать систему материального обеспечения более стабильной и предсказуемой.

Еще одним важным направлением совершенствования системы оплаты труда является сокращение значительных различий в уровне денежного довольствия сотрудников, проходящих службу в различных регионах страны. Уровень социально-экономического развития субъектов Российской Федерации существенно различается, что объективно отражается на стоимости жизни. Однако существующий разрыв в доходах нередко делает службу в отдельных регионах значительно менее привлекательной. В этой связи возможно применение дополнительных стимулирующих механизмов, таких как повышение районных коэффициентов или введение специальных надбавок для сотрудников, проходящих службу в регионах с наиболее высоким уровнем некомплекта личного состава.

Также, по нашему мнению, представляется оправданным пересмотр размеров выплат, предоставляемых сотрудникам при переводе к новому месту службы. Увеличение так называемых подъемных пособий могло бы

стать дополнительным стимулом для сотрудников, готовых проходить службу в отдаленных или кадрово-дефицитных территориях. Реализация подобных мер способствовала бы более равномерному распределению кадровых ресурсов и укреплению кадрового потенциала органов внутренних дел в регионах.

Одной из наиболее острых социальных проблем в системе органов внутренних дел остается обеспечение сотрудников жильем. На практике действующий механизм предоставления жилья и соответствующих социальных выплат нередко оказывается недостаточно эффективным. Как отмечалось руководством МВД России, очередь на получение жилищного обеспечения может растягиваться на многие годы, а в ряде случаев — на десятилетия. По имеющимся данным, в настоящее время соответствующие выплаты получают сотрудники, которые были поставлены на учет еще в 2013 году. В результате для молодых сотрудников, поступающих на службу сегодня, перспектива получения жилья оказывается крайне отдаленной, что существенно снижает ценность данной социальной гарантии и негативно отражается на мотивации продолжения службы.

В этой связи решение жилищного вопроса требует не точечных, а более комплексных изменений в системе социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел. Одним из возможных направлений является совершенствование механизма компенсации расходов на аренду жилья. В настоящее время размер таких выплат во многих случаях не соответствует реальной стоимости аренды, вследствие чего сотрудники вынуждены самостоятельно покрывать значительную часть расходов на съемное жилье. Представляется целесообразным закрепить в Федеральном законе № 247-ФЗ механизм определения размера компенсации исходя из официальных статистических данных о средней стоимости аренды жилья в соответствующем регионе.

Еще одним перспективным направлением может стать распространение на сотрудников органов внутренних дел механизмов накопительно-ипотечного жилищного обеспечения, которые в настоящее время применяются в отношении военнослужащих. Данная система предполагает формирование государством целевых накоплений на индивидуальном счете участника, которые впоследствии могут быть использованы для получения жилищного кредита и приобретения жилья. Расширение действия соответствующего механизма на сотрудников органов внутренних дел могло бы создать более прозрачную и долгосрочную модель решения жилищного вопроса. Для реализации такого подхода потребовалось бы внесение изменений в законодательство, регулирующее накопительно-ипотечную систему жилищного обеспечения военнослужащих, с учетом распространения ее отдельных положений на сотрудников МВД.

Дополнительного внимания заслуживает и вопрос стимулирования сотрудников, имеющих право на пенсионное обеспечение, но продолжающих службу в органах внутренних дел. На практике значительная часть

опытных специалистов после приобретения права на пенсию принимает решение об увольнении и переходит на работу в гражданский сектор, где появляется возможность одновременно получать пенсионные выплаты и заработную плату. В целях сохранения кадрового потенциала целесообразно рассмотреть возможность введения дополнительных выплат для сотрудников, продолжающих службу после возникновения права на пенсию. Например, в законодательстве о социальных гарантиях сотрудников органов внутренних дел можно предусмотреть специальную ежемесячную надбавку, размер которой мог бы составлять определенную долю от пенсионных выплат, положенных сотруднику при увольнении.

Одной из наиболее тревожных тенденций в кадровой ситуации органов внутренних дел является отток сотрудников, обладающих значительным служебным опытом. По имеющимся данным, значительная часть сотрудников, имеющих стаж службы около десяти лет и более, принимает решение об увольнении, причем заметная доля из них покидает систему, не приобретя права на пенсионное обеспечение [4]. Подобная тенденция свидетельствует о наличии не только материальных, но и организационно-управленческих проблем внутри системы. В ряде случаев сотрудники указывают на отсутствие четких карьерных перспектив, высокую нагрузку и неблагоприятный психологический климат в отдельных подразделениях, что также способствует принятию решения о прекращении службы [2].

В этой связи особое значение приобретает развитие института наставничества. В ведомственной практике данный механизм формально существует достаточно давно, однако его реальная эффективность в ряде случаев остается недостаточной. Между тем грамотная организация наставничества может существенно облегчить процесс профессиональной адаптации молодых сотрудников, которые только начинают служебную деятельность. Опытные сотрудники способны передать практические навыки, помочь избежать типичных ошибок и оказать поддержку в сложных служебных ситуациях. Представители общественных советов при территориальных органах МВД также подчеркивают необходимость повышения эффективности наставнической работы и отказа от формального подхода к ее организации.

Для того чтобы данный институт действительно функционировал эффективно, представляется целесообразным предусмотреть дополнительные механизмы стимулирования наставников. В частности, выполнение наставнических функций может сопровождаться материальным поощрением, связанным с результатами служебной деятельности молодых сотрудников, находящихся под руководством наставника.

Наряду с этим важным направлением совершенствования кадровой политики является формирование более сбалансированного управленческого подхода в деятельности руководителей подразделений. От стиля управления во многом зависит морально-психологический

климат в коллективе и уровень мотивации личного состава. Поэтому целесообразно уделять больше внимания вопросам кадрового отбора руководящего состава, а также совершенствованию механизмов внутренней обратной связи между сотрудниками и руководством. Например, возможно развитие анонимных каналов обращения сотрудников по вопросам служебных конфликтов и нарушений управленческой этики. Подобные инструменты могли бы способствовать своевременному выявлению проблемных ситуаций и повышению уровня доверия внутри системы.

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить, что кадровый кризис в системе органов внутренних дел Российской Федерации носит комплексный характер и обусловлен совокупностью экономических, социальных, организационно-управленческих и имиджевых факторов. Недостаточный уровень материального обеспечения сотрудников, нерешенность жилищ-

ного вопроса, высокая служебная нагрузка в условиях хронического некомплекта, а также снижение общественного престижа правоохранительной службы формируют устойчивую тенденцию к оттоку кадров и затрудняют привлечение новых сотрудников. В связи с этим преодоление сложившейся ситуации требует реализации взаимосвязанных мер, направленных на совершенствование системы денежного довольствия и социальных гарантий, развитие эффективных механизмов жилищного обеспечения, создание условий для закрепления опытных специалистов и развития института наставничества, а также повышение общественного доверия к деятельности полиции. Реализация обозначенных мер позволит сформировать более устойчивую и эффективную кадровую политику в системе МВД России, обеспечив органы внутренних дел квалифицированными, мотивированными и профессионально подготовленными сотрудниками.

Литература:

1. В Госсовете Татарстана предложили усилить поддержку сотрудников МВД // Татар-информ: [сайт]. — 2025. — 11 июня. — URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-gossovete-tatarstana-predlozhili-usilit-podderzku-sotrudnikov-mvd-5987706> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Глава профсоюза полиции назвал причины массового увольнения сотрудников МВД // RTVI: [сайт]. — 2026. — 28 января. — URL: <https://rtvi.com/news/glava-profsoyuza-policzii-nazval-prichiny-massovogo-uvolneniya-sotrudnikov-mvd/> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Каждый второй сотрудник МВД с десятилетним стажем уволился // Аргументы Недели: [сайт]. — 2025. — 6 марта. — URL: <https://argumenti.ru/society/2025/03/941391/amp> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Колокольцев рассказал о проблеме с комплектованием кадров в МВД // Парламентская газета: [сайт]. — 2026. — 19 февраля. — URL: <https://www.pnp.ru/social/kolokolcev-rasskazal-o-probleme-s-komplektovaniem-kadrov-v-mvd.html> (дата обращения: 05.03.2026).
5. В МВД открыто 212 тысяч вакансий. Кого не хватает и какие льготы есть у правоохранителей? // ОТР — Общественное Телевидение России: [сайт]. — 2026. — 19 февраля. — URL: <https://otr-online.ru/articles/-nado-znachit-nado-kak-rabotaet-mvd-pri-nekomplekte-lichnogo-sostava-i-kogo-tuda-berut-308834.html> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Путин анонсировал ряд решений по росту зарплат в МВД России // Комсомольская правда: [сайт]. — 2026. — 4 марта. — URL: <https://www.kp.ru/online/news/6849149/> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Число открытых вакансий в МВД достигло 212 тыс. // Известия: [сайт]. — 2026. — 19 февраля. — URL: <https://iz.ru/2045632/2026-02-19/chislo-otkrytykh-vakansii-v-mvd-dostiglo-212-tys> (дата обращения: 05.03.2026).

Условия и критерии правомерности мнимой обороны

Пачгин Вадим Игоревич, студент;

Сайко Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В судебной практике иногда возникают ситуации, когда лицо совершает защитные действия против другого, чье поведение ошибочно интерпретируется как угрожающее общественной безопасности. Такие случаи называются мнимой обороной. В теории уголовного права и в судебной практике выделяется необходимость

отличать необходимую оборону от мнимой обороны. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 августа 1984 года указал на важность для судов умения различать между этими двумя состояниями: когда существует реальная угроза общественной безопасности и когда лишь ошибочно предполагается такая угроза.

В случае мнимой обороны отсутствует реальное посягательство. Оно существует лишь в восприятии обороняющегося. Мнимая оборона возникает из-за ошибки в оценке социальной значимости действий потерпевшего со стороны обороняющегося. В этом случае определённые действия потерпевшего, которые объективно не представляют опасности для общественных отношений, воспринимаются как угроза вследствие субъективного заблуждения [1].

Профессор Н. Д. Дурманов о данном постановлении писал: «Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны, эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются» [2, с. 31]. В высказывании Дурманова затронут по большей части психологический аспект восприятия ситуации обороняющимся лицом, профессор наглядно объясняет понимание опасной ситуации, в которой допущена ошибка — ложное восприятие опасности посягательства, что делает оборону мнимой.

Мнимая оборона может возникнуть из-за неправильной оценки обороняющимся ряда объективных обстоятельств, включая характер действий потерпевшего. Сюда включают такие распространенные случаи, как:

Лицо ошибочно считает поведение потерпевшего общественно опасным, хотя оно на самом деле не представляло опасности и даже было законным. Ошибка «обороняющегося» также может касаться не только потерпевшего, но и предполагаемого посягающего, когда обороняющийся ошибочно идентифицирует несуществующую угрозу со стороны одного лица как посягательство, хотя на самом деле это действие совершено другим лицом, не представляющим угрозу.

Определение времени окончания посягательства, побуждая обороняющегося продолжить защиту после прекращения фактического посягательства, которое он не заметил. Это так называемая «запоздалая оборона».

Реагирование на реальное посягательство, когда обороняющийся переоценивает степень опасности, представляемой посягающим, считая, что нападающий угрожает сильнее, чем это есть на самом деле. В таких ситуациях посягательство действительно имеет место, и действия защиты направлены непосредственно против атакующего. Поэтому такая ошибка не ведет к возникновению состояния мнимой обороны. Здесь имеем дело с обычной необходимой обороной, сопровождающейся непреднамеренным причинением недопустимого вреда.

Согласно мнению Пленума Верховного Суда СССР, предполагаемая невиновная оборона должна рассматриваться как акт необходимой обороны. Однако, я считаю, что это мнение неоднозначно. Как я думаю, при мнимой обороне отсутствует основание для необходимой обороны — общественно опасного нападения. Такое нападение может отсутствовать полностью или было в прошлом и прекратилось до момента «обороны».

Ответственность за мнимую оборону определяется наличием вины у лица, осуществившего защитные действия. Если лицо не могло предвидеть своей ошибки относительно оснований для необходимой обороны, то оно не несет вины за причинение вреда. При мнимой обороне вред наносится лицу, которое не представляет угрозы либо которое совершило посягательство в прошлом и уже прекратило его. В таких случаях причиненный вред является общественно опасным, возникает вопрос о вине и ответственности. Если обороняющийся не осознавал ошибочности своего представления о поведении потерпевшего, личности пострадавшего или времени окончания посягательства, то он не может быть признан виновным и не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Проводя собственную юридическую оценку подобных действий, совершенных при мнимой обороне, я считаю нужным помнить, что они являются результатом фактической ошибки. При их оценке следует придерживаться единого подхода, который вытекает из общих принципов ответственности за преступления, совершенных под влиянием ошибки. В случае виновной мнимой обороны она не может быть признана умышленным преступлением, поскольку лицо, применяющее такую оборону, не осознает общественно опасного характера своего действия. В этом случае должны применяться нормы, предусматривающие ответственность за неосторожные преступления (ст. 108 и 118 УК РФ). Однако при оценке мнимой обороны, приведшей к причинению вреда, недопустимого в реальных условиях обороны, дело имеет другой характер.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении высказывал иное мнение. Признавая, что невиновная мнимая оборона является формой необходимой обороны, он выразил мнение, что «... лицо, причинившее в состоянии мнимой обороны вред явно превышающий пределы допустимого вреда в условиях соответствующего реального посягательства несет уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны». Однако данное утверждение, по моему мнению, противоречит закону. Мнимая оборона не является разновидностью необходимой обороны. Поэтому виновная мнимая оборона не может считаться превышением пределов необходимой обороны.

Следовательно, проводя правовую оценку понятию мнимой обороны в целом, следует выделить конкретные ошибки при ее применении. Я могу выделить три основных типа ошибок:

Лицо ошибочно понимает характер действий потерпевшего и принимает действия, которые не являются общественно опасными, за общественно опасные.

Лицо ошибается в идентификации посягающего лица и принимает другое лицо за посягающего.

Лицо допускает ошибку в отношении времени завершения общественно опасного посягательства.

Таким образом, подводя итоги, нужно отметить, что отсутствие законодательного определения мнимой обороны указывает на нарушение принципа законности, так

как подтверждает наличие аналогии в уголовном праве. Поскольку это является научным понятием, предназначенное для разрешения ситуаций, когда оборона не соответствует ст. 37 УК РФ, законодательное закрепление

мнимой обороны поможет устранить пробелы, исключит аналогию закона и вернет принцип законности в область правовых норм, определяющих обстоятельства, исключающие преступность деяния [3, с. 24].

Литература:

1. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. — № 5.
2. Дурманов Н. Д. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность и противоправность деяния. 1961. — С. 128.
3. Верина Г. В. Концептуальные основы современного российского уголовного законодательства: противоречия и пути их преодоления. 2006. — № 6. — С. 104.

К вопросу о нормативном регулировании использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам

Петренко Павел Максимович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором рассматриваются проблемы нормативного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, доказывание, уголовное судопроизводство, правовая неопределенность, представление доказательств.

Представляется необходимым начать с того обстоятельства, что еще в двухтысячном году, в рамках международной научно-практической конференции, посвященной обсуждению проекта будущего уголовно-процессуального закона, совершенно справедливо акцентировалось внимание на одном важнейшем вопросе. [1]

В указанном случае речь шла непосредственно о процессуальных условиях использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, причем данная проблема позиционировалась как требующая исключительно тщательной, специальной проработки в профильном комитете Государственной Думы.

Как можно наблюдать впоследствии, законодатель фактически уклонился от надлежащего разрешения этой коллизии, рассматриваемое обстоятельство выразилось в том, что с момента вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ и вплоть до настоящего времени содержание статьи 89 указанного кодифицированного акта до сих пор пребывает в статичном, неизменном состоянии, тем самым изначально заложенная правовая неопределенность так и не была устранена отечественным законодателем [2].

В контексте рассматриваемой проблематики следует предметно охарактеризовать саму отмеченную норму.

Так, в статье 89 УПК РФ законодатель впервые поместил предписание, напрямую регулирующее судьбу ре-

зультатов ОРД в процессе доказывания, сформулировав правило, по сути, запретительного толка, а именно не допускается использование указанных результатов, если они не отвечают тем требованиям, которые названный Кодекс предъявляет к доказательствам.

Думается, не будет преувеличением констатировать, что подобная юридическая конструкция спровоцировала преимущественно критические отклики в доктринальной среде.

В указанном критическом контексте следует особенно присмотреться к мнению Е. А. Доли, который, в свою очередь, резонно подмечает, что буквальное истолкование приведенного законоположения де-факто уничтожает саму возможность вовлечения результатов ОРД в доказательственную ткань уголовного дела, поскольку эти результаты ни при каких обстоятельствах не способны в полной мере соответствовать всей совокупности процессуальных императивов [3].

Вместе с тем, невзирая на столь скептические воззрения, видится возможным зафиксировать и определенный позитивный потенциал, заложенный в рассматриваемой статье УПК РФ.

Прежде всего, необходимо осознавать, что, несмотря на внешне запретительную направленность, уголовно-процессуальное законодательство все же последовательно допускает возможность оперирования результатами оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

В указанном выше контексте, принципиально значимым здесь выступает тот факт, что посредством данной нормы УПК РФ четко разграничил понятия «доказательства» и «результаты ОРД», констатируя тем самым их сущностную неотожественность.

Ключевой же предпосылкой для трансформации оперативной информации в полноценные доказательства становится неукоснительное соблюдение уголовно-процессуальной формы, а именно требований, регламентирующих собирание, проверку и оценку доказательственного материала.

Иными словами, в рассматриваемом ключе акцент законодателя смещается на процессуальный механизм легализации соответствующих сведений.

Однако именно на исследуемом этапе и обнаруживается еще одна фундаментальная проблема уголовно-процессуального регулирования, сопряженная с механизмом представления результатов ОРД уполномоченным должностным лицам.

Изложенное непосредственно выражается в том, что в действующем УПК РФ отсутствует какая-либо внятная правовая регламентация самой процедуры представления доказательственного материала.

Как справедливо подчеркивает А. Р. Белкин, ни теоретические изыскания, ни правоприменительная практика не смогли выработать специальных процессуальных правил на этот счет; более того, законодатель умалчивает даже о наименовании протокола, которым по логике юридического процесса должен оформляться акт представления доказательств [4].

Литература:

1. Ананьин А. Проект УПК требует серьезной доработки // Российская юстиция. 2000. № 10.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
3. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2014.
4. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2019.
5. Дзабиев У. К. Результаты оперативно-розыскных мероприятий как информационное основание для формирования доказательств // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 50–55.

Криминологическая характеристика личности коррупционера

Попкова Анна Юрьевна, студент

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье автор исследует общественные отношения, которые возникают в процессе коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, личность коррупционера, криминологическая характеристика.

Несовершенство общественного и государственного устройства нередко становится причиной возникновения и обострения множества социальных проблем.

Так же стоит отметить, что дополнительную неопределенность создает анализ субъектного состава, предусмотренного статьей 86 УПК РФ.

В свою очередь, законодатель наделил правом представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу исключительно подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

В то же время в совокупности уголовно-процессуальных норм не обнаруживается положения, которое позволяло бы оперативно-розыскным органам в инициативном порядке направлять следователю или дознавателю, в чьем производстве уже находится возбужденное уголовное дело, полученные ими результаты.

Как представляется, следствием подобного нормативного пробела стало укоренившееся в юридической литературе суждение о том, что инициатива в передаче оперативно-розыскных материалов должна непременно исходить от лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Соответственно, можно сделать определенный вывод, что сложившийся порядок де-факто сводится к тому, что следователь или дознаватель, работая в рамках уже возбужденного дела, вынужден самостоятельно истребовать интересующие его результаты ОРД либо направлять поручение о производстве конкретных оперативно-розыскных мероприятий, что непосредственно в значительной степени усложняет процесс использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам

Одной из наиболее острых проблем современного российского общества является коррупционная преступность. В этой связи особую значимость приобретает изучение

личности коррупционера, а также факторов, предопределяющих предрасположенность лица к совершению преступлений коррупционной направленности.

В 2024 году наблюдался устойчивый рост коррупционных преступлений. Большинство из них были связаны со взяточничеством, что составило более 60 % от общего числа выявленных коррупционных деяний. За первое полугодие 2024 года зарегистрировано 10 251 коррупционное преступление — это самый высокий показатель за аналогичный период за последние 13 лет. Количество уголовных дел о взяточничестве увеличилось на 29 % по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, можно констатировать, что ситуация в сфере противодействия коррупции продолжает обостряться.

В Российской Федерации реализуется комплекс мер, направленных на противодействие коррупции, поскольку данное явление представляет собой одну из наиболее актуальных угроз не только для нашей страны, но и для многих других государств. Коррупция создает реальные риски для национальной безопасности, деформирует общественные отношения и подрывает основы государственного управления.

В структуре коррупционной преступности ключевое место занимает криминологическая характеристика личности преступника. Тщательное изучение личностных особенностей коррупционеров позволяет разрабатывать эффективные меры предупреждения данного вида преступлений.

Актуальность темы обусловлена высокой общественной опасностью коррупции, которая оказывает исключительно негативное воздействие на экономику и социальную сферу, подрывает доверие граждан к институтам государственной власти. Важным аспектом является также распространенность коррупционных проявлений: по оценкам экспертов, коррупционная преступность в Российской Федерации занимает одно из ведущих мест среди иных видов преступлений. При этом она отличается высокой латентностью. По различным оценкам, доля выявленных фактов взяточничества составляет от 0,002 % до 5 % от реального числа совершаемых деяний.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном изучении криминологической характеристики личности коррупционера и выработке на этой основе дополнительных рекомендаций по совершенствованию мер противодействия коррупции.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать специфику криминологической характеристики лица, совершающего коррупционные преступления;
- раскрыть основные социально-демографические признаки указанной категории преступников;
- разработать рекомендации по противодействию коррупции.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе совершения коррупционных преступлений.

Предметом исследования является криминологическая характеристика личности коррупционера, включая особенности ее формирования и проявления в преступном поведении.

Таким образом, данная работа направлена на всестороннее изучение личности коррупционера в целях совершенствования системы противодействия коррупции в современных условиях.

Личность преступника представляет собой совокупность социально-психологических свойств и качеств, позволяющих понять причины и условия совершения преступлений. Ее формирование обусловлено не только биологическими, но и социальными факторами — окружением, воспитанием, средой обитания. Структура личности включает в себя социально-демографические признаки (пол, возраст, образование), уголовно-правовые характеристики (характер и степень общественной опасности деяния, наличие судимости) и нравственно-психологические особенности.

Личность коррупционера многогранна. Ей, как правило, присущи завышенная самооценка, склонность к манипуляциям, лживость, жадность, властолюбие и стремление адаптироваться в сложной социальной среде. Вступая в коррупционные связи, человек обретает устойчивое социальное окружение, которое поддерживает и воспроизводит коррупционные модели поведения.

Чаще всего коррупционерами становятся мужчины в возрасте от 25 до 50 лет, обладающие высоким уровнем работоспособности, образованием и карьерными амбициями, использующие свое служебное положение в корыстных целях.

Е. К. Волконская выделяет три наиболее характерных типа личности коррупционера:

Инициативный тип — характеризуется деформацией морального сознания, чувством вседозволенности, высокой степенью общественной опасности.

Конформный тип — действует в рамках сложившихся коррупционных практик из страха быть отвергнутым коллективом, подстраивается под систему.

Вынужденный тип — совершает преступление под давлением, при недостатке правовых знаний, без полного осознания противоправности своих действий.

Указанная типология позволяет более глубоко анализировать поведение коррупционеров и их отношение к содеянному.

Криминологическая характеристика как метод исследования направлена на выявление и описание особенностей личности коррупционера и факторов, влияющих на ее формирование. Лица, совершающие коррупционные преступления, имеют искаженное правосознание, при этом высокий интеллект, образованность и коммуникабельность лишь повышают эффективность их преступной деятельности. Важными чертами являются активность, инициативность, эмоциональная устойчивость, высокая работоспособность и организаторские способности. Коррупционеры прагматичны, эгоистичны и готовы доби-

ваться поставленных целей любыми средствами. Многие из них пользуются хорошей репутацией у руководства, что облегчает совершение преступлений. Даже при стабильном доходе они стремятся к еще большему обогащению, предпочитая преступные способы законным.

Коррупционные деяния совершаются из корыстных побуждений, потребности в самоутверждении и повышении статуса, при этом значительная часть преступников убеждена в своей безнаказанности.

Существует типология коррупционеров по степени общественной опасности (случайные, ситуативные, злостные, профессиональные), по характеру преступной деятельности (взяточники, расхитители, должностные злоупотребители, посредники) и по личностным характеристикам:

- корыстолюбивые — основной мотив — материальное обогащение;
- престижные — стремление поддерживать высокий статус и принадлежность к «высшему обществу»;
- игровые — важнее сам процесс, азарт, а не конечный результат.

Мотивация формируется как совокупность потребностей, выступающих побудительными причинами поведения. Само преступное поведение представляет собой борьбу мотивов, или «модель рискованного поведения».

К основным криминологическим характеристикам личности относятся социально-демографические, уголовно-правовые, социальные проявления, нравственные свойства, психологические и физические особенности.

В структуре коррупционеров в России представители исполнительной власти составляют 41,1 %, сотрудники правоохранительных органов — 26,5 %, работники контролирующих органов — 8,9 %, сотрудники налоговой и таможенной служб — 3,2 %, депутаты — 0,8 %, иные категории — 19,6 %. 54 % осужденных отбывают наказание за квалифицированные виды дачи, получения и посредничества во взяточничестве.

Криминологическая характеристика позволяет выявить общие черты и особенности, влияющие на поведение и мотивацию преступников.

Профилактика коррупционной преступности представляет собой комплекс мероприятий, направленных на предотвращение правонарушений до наступления общественно опасных последствий. Органы следствия обязаны тщательно выяснять причины и условия совершения преступлений, проверять все связанные с ними обстоятельства, чтобы исключить повторение аналогичных деяний. Данная обязанность закреплена в статье 158 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Индивидуальная профилактика носит адресный характер, учитывает личностные особенности и требует своевременного вмешательства.

В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», профилактика включает формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов, развитие институтов обще-

ственного и парламентского контроля, внедрение правил кадровой работы, стимулирующих добросовестное поведение.

В качестве дополнительных мер предлагаются профилактические мероприятия и антикоррупционное обучение в образовательных учреждениях, просвещение через средства массовой информации с освещением судебных решений, а также проведение форумов и круглых столов по обсуждению мер борьбы с коррупцией.

Законодательство ориентирует граждан на информирование о фактах коррупции, однако снижение взаимодействия населения с правоохранительными органами способствует росту преступлений. Важно вовлекать в антикоррупционную деятельность не только старшее, но и подрастающее поколение, формируя модель активного гражданина — борца с коррупцией.

Борьба с коррупцией в Российской Федерации ведется как на законодательном, так и на практическом уровнях. Целью является снижение коррупционных рисков и повышение прозрачности деятельности органов власти. Основные направления противодействия определяются Президентом РФ. В 2021 году утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, включающий меры ответственности за нарушения, обучение государственных служащих и вовлечение институтов гражданского общества. На начало 2025 года новый план не утвержден, ожидается его принятие к осени. Вероятно, он расширит направления предыдущего плана, в том числе в части регулирования цифровых активов, криптовалют, цифрового рубля, государственных закупок и оборонного заказа. Особое внимание будет уделено профилактике: внедрению программ обучения антикоррупционной культуре и расширению использования цифровых платформ для исключения непосредственного контакта заявителя и должностного лица. Продолжится усиление контроля за доходами и расходами государственных служащих, а также более тщательная проверка деклараций.

Российская Федерация ежегодно совершенствует нормативно-правовую базу и внедряет превентивные механизмы. В 2025 году антикоррупционная политика будет развиваться с использованием новых методов, что позволит минимизировать коррупционные риски. Для государственных и муниципальных служащих важно не только знание законодательства, но и активное участие в формировании добросовестной и открытой служебной среды. Эффективность управления достигается при соблюдении принципов открытости и прозрачности.

Коррупция представляет собой особое социальное явление, сущность которого заключается в использовании должностными лицами властных полномочий в целях личного обогащения. Коррупционная преступность является следствием не столько пробелов в законодательстве, сколько совокупности личностных качеств и социального окружения, формирующих портрет коррупционера.

Личность коррупционера обладает характерными признаками, видами и типами. В исследовании выделены

инициативный, конформный и вынужденный типы, что позволило провести анализ действий и отношения к преступлению. Почти всю криминологическую характеристику составляет ряд негативных свойств, сложившихся в процессе жизнедеятельности. Для коррупционера характерны завышенная самооценка, склонность к манипуляциям, лживость, жадность, властолюбие и стремление выжить в сложной социальной среде. Для эффективной борьбы необходимы стратегии, основанные на мотивации и причинах преступного поведения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ Российская газета. — 2001. — 31 дек. (№ 249).
2. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Богданов И. А., Калинин А. П. Коррупция в России. Социально экономические и правовые аспекты. М., 2001
5. Вородюхин, С. Е. Пути совершенствования мер, направленных на противодействие коррупции на современном этапе развития России / С. Е. Вородюхин, В. А. Лысенко, В. В. Васильев // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 1. — С. 74–79.
6. Волконская Е. К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. 2013. № 14. С. 68.
7. Савенко И. А. Виктимологический аспект коррупционных преступлений // Общество и право. 2015. № 4. С. 173–175.
8. Эминов В. Е., Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н. Личность преступника. С. 209.
9. Ягодин Р. С. Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 2 (48). — С. 259–265.

Особенности квалификации краж с использованием цифровых средств платежа

Разакова Камила Абдуллаевна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье анализируются проблемные аспекты квалификации хищений, совершаемых с использованием цифровых средств платежа и цифровых активов. На основе обобщения судебной практики, включая недавние разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, и доктринальных подходов рассматриваются вопросы правовой природы криптовалюты как предмета преступления, разграничения составов кражи (ст. 158 УК РФ) и мошенничества (ст. 159.3, 159.6 УК РФ), а также доказывания субъективной стороны в условиях анонимности цифровой среды. Автором предлагаются пути совершенствования уголовно-правовых мер противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: кража, цифровые средства платежа, криптовалюта, мошенничество, неправомерный доступ, квалификация преступлений, судебная практика.

По данным МВД России, если в 2024 году киберпреступления составляли около трети от всех зарегистрированных деяний, то в 2025 году этот показатель преодолел 40-процентный рубеж, а совокупный ущерб россиянам от краж криптовалют, по оценкам экспертов, превысил 150 миллионов долларов (что эквивалентно 12,7–15 млрд руб. по текущему курсу) [1, с. 2].

Столь масштабная цифровизация породила качественно новую криминогенную реальность. Настоящее исследование направлено на комплексный анализ про-

Повышение прозрачности, ужесточение законодательства и тщательный контроль — все это в совокупности может способствовать снижению уровня коррупции. Криминологическая характеристика сложна и многогранна и требует глубокого анализа. Противодействие коррупции возможно только при комплексном подходе, включающем уголовно-правовые и профилактические меры, направленные на устранение причин и условий, способствующих возникновению коррупционного поведения.

блем квалификации краж с использованием цифровых средств платежа, выявление системных пробелов в правовом регулировании и разработку практических рекомендаций для следственных и судебных органов.

До недавнего времени в доктрине отечественного уголовного права отсутствовало единство мнений относительно того, относится ли криптовалюта к предмету преступления. Верховный Суд РФ признает криптовалюту средством, используемым для совершения преступлений, и согласно правовой позиции, отраженной в Постанов-

лении Пленума ВС РФ от 7 июля 2015 года № 32, криптовалюта может составлять объективную сторону составов преступлений, связанных с отмыванием денег [5, с. 3].

В июне 2026 года Верховный Суд РФ сделал решительный шаг навстречу правовой определенности. Проект постановления Пленума, касающийся правил квалификации краж, уточнил перечень имущества, которое может выступать предметом хищения. В документе прямо указано, что к предмету кражи, грабежа и разбоя относятся не только традиционные вещи и наличные деньги, но и безналичные денежные средства, включая цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта [2, с. 2]. Это разъяснение фактически устраняет спор о том, может ли цифровая валюта быть предметом кражи, грабежа или разбоя, и является логичным продолжением общей легализации цифровых прав в российском праве [2, с. 4].

Однако признание криптовалюты имуществом сняло одни вопросы, но породило другие. Ключевая дилемма заключается в дуалистической природе цифрового актива: с одной стороны это имущество, с другой компьютерная информация, доступ к которой охраняется законом. Как обоснованно утверждает в исследовании Козиной О. А. и Бражникова А. А., большинство исследователей сходятся во мнении, что при хищении криптовалюты путем незаконного доступа к криптокошельку и перевода средств на свой кошелек имеет место идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) и ст. 159 УК РФ (мошенничество) либо ст. 158 УК РФ (кража). Однако судебная практика по этому вопросу не единообразна [3, с. 5]. В правоприменительной практике наметился подход к квалификации таких действий именно по совокупности, учитывая как хищение имущества, так и нарушение безопасности компьютерной информации [4, с. 14].

В Постановлении Пленума ВС РФ № 48 разъясняется, что если потерпевший под влиянием обмана добровольно перевел криптовалюту или денежные средства мошеннику (например, инвестировал в фиктивную платформу), то состав неправомерного доступа отсутствует налицо чистое мошенничество [3, с. 6]. Если же злоумышленник тайно получает доступ к устройству или учетным данным и переводит средства без ведома владельца, деяние следует квалифицировать как кражу с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Этот подход был подтвержден и в обновленном постановлении Пленума 2026 года, где указано, что если злоумышленник использует обман для получения доступа, но само изъятие имущества происходит тайно, такие действия должны квалифицироваться как кража [2, с. 2]. Исследователи также обращают внимание на то, что если потерпевший сам совершает операцию по

переводу под влиянием обмана это мошенничество; если злоумышленник совершает операцию без ведома потерпевшего это неправомерный доступ плюс хищение [3, с. 7].

Существенные трудности возникают и при доказывании умысла. Как отмечается в работах по цифровой трансформации уголовного права, в такой ситуации следователь сталкивается с тем, что установлена *actio* (действие по переводу), но крайне сложно доказать *voluntas* (волю, умысел), особенно если не установлена личность владельца анонимного кошелька [4, с. 7]. В отличие от классического мошенничества, где умысел выводится из цепочки действий по созданию фиктивных документов, в блокчейне остается лишь запись о переводе активов. Поэтому доказывание прямого умысла в делах о криптовалютах вынуждено полагаться на комплексный анализ косвенных обстоятельств: характер операций (использование миксеров, дробление крупных сумм), экономическую нецелесообразность сделок и связь с высокорисковыми юрисдикциями [4, с. 7].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что российское уголовное законодательство и правоприменительная практика находятся на активном этапе адаптации к цифровой реальности. Признание криптовалюты и цифровых прав имуществом для целей уголовного права, закрепленное в разъяснениях Верховного Суда РФ 2026 года, является важным шагом вперед, устраняющим фундаментальную правовую неопределенность и позволяющим применять нормы главы 21 УК РФ к новым объектам преступного посягательства. Как отмечается в диссертационном исследовании Романовой А. С., совокупный анализ составов мошенничества в сфере криптовалют, выявление проблем квалификации и расследования являются не только научно значимыми, но и практически востребованными задачами для обеспечения эффективной защиты прав граждан в цифровую эпоху [5, с. 2].

С целью дальнейшего совершенствования уголовно-правовых мер противодействия кражам с использованием цифровых средств платежа предлагается: внести дополнения в примечание к ст. 158 УК РФ, указав, что цифровая валюта, имеющая экономическую ценность и оборотоспособность, признается «иным имуществом» для целей уголовного законодательства. Это позволит избежать расширительного толкования и нарушений принципа запрета аналогии. Создание специализированного состава преступления. Ввиду специфики объекта посягательства, ввести в УК РФ отдельную статью (например, ст. 159.7 «Мошенничество в сфере оборота цифровых валют») или включить в главу 21 УК РФ отдельную норму, которая прямо распространяет действие норм о преступлениях против собственности на цифровые финансовые активы, определяя особенности их хищения.

Литература:

1. Жуликов К. А., Сосновская Л. Р. Мошенничество в сфере криптовалют и цифровых финансовых активов // Международный научный журнал «Вестник науки». 2026. № 5 (98). Т. 5. С. 5770–581.

2. Верховный суд уточнит правила квалификации краж цифровых рублей // Электронный ресурс: Ведомости. 17 июня 2026 г.
3. Козина О. А., Бражникова А. А. Криптовалютное мошенничество: проблемы квалификации и отграничения от смежных составов // Северо-Кавказский филиал РГУП. 2026. № 6. С. 82–94
4. Свиридов Ю. В., Грузинская Е. И. Цифровая трансформация и вызовы юридической техники в уголовном праве: криптоактивы, киберпреступления и новые формы вины // Эпомен. 2026. № 4. С. 220–245

Криминалистическая тактика осмотра места происшествия и трупа по делам об убийствах: теоретические основы и практические аспекты

Сайко Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ тактики осмотра места происшествия и трупа по делам об убийствах. Автор рассматривает криминалистическую характеристику убийств, выделяет типичные следственные ситуации и детально исследует тактические особенности производства первоначальных следственных действий при обнаружении неопознанного и расчлененного трупа. На основе анализа следственной практики формулируются практические рекомендации по выявлению, фиксации и изъятию следов, а также по минимизации типичных ошибок, допускаемых при проведении осмотра. Особое внимание уделяется методам идентификации личности погибшего и установлению механизма расчленения трупа.

Ключевые слова: убийство, осмотр места происшествия, труп, неопознанный труп, расчлененный труп, криминалистическая тактика, следственная ситуация, вещественные доказательства, идентификация личности.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью и многообразием обстоятельств, сопутствующих расследованию убийств, что требует от следственных органов высокой квалификации и применения современных методик. В условиях стремительного развития криминалистики и технологий, эффективное выявление и использование улик на начальных этапах расследования становится решающим фактором для установления истины и обеспечения правосудия.

На первоначальном этапе расследования убийств следователь сталкивается с множеством вызовов. Каждый случай уникален, и для успешного разрешения дела необходимо учитывать множество факторов, таких как обстоятельства совершения преступления, характер и тип улики, а также психологическое состояние свидетелей и подозреваемых. В этом контексте тактика проведения следственных действий становится ключевым элементом, который определяет не только скорость и качество расследования, но и возможность установления истины.

Целью данной статьи является разработка и систематизация эффективных подходов и методов, способствующих успешному раскрытию убийств на ранних стадиях расследования, с акцентом на тактику осмотра места происшествия при обнаружении неопознанного и расчлененного трупа.

1. Теоретические основы расследования убийств и типичные следственные ситуации

Жизнь как объект преступления не подлежит количественной или качественной оценке. Началом жизни человека в уголовно-правовом смысле признается момент отделения плода от утробы матери посредством родов, при этом жизнь охраняется уже во время родов. Конечным этапом существования человека является физиологическая смерть, которая с момента принятия Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» определяется после медицинской констатации необратимой гибели всего головного мозга в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 950 от 20.09.2012.

Объективная сторона убийства заключается в лишении жизни другого человека и характеризуется деянием (действием или бездействием), последствием в виде смерти и причинно-следственной связью между ними. Субъективная сторона может характеризоваться лишь умышленной формой вины (прямым или косвенным умыслом).

Содержание первоначального этапа расследования обуславливается характером следственной ситуации. Глубина анализа исходных данных позволяет следователю правильно определить задачи и принять оптимальное тактическое решение. Выделяют три наиболее общие следственные ситуации:

Картина преступления установлена, преступник задержан, орудие преступления и доказательства изъятые.

Информация о событии преступления и лице, его совершившем, имеется, но подозреваемый не задержан.

Информация о событии преступления недостаточна, сведения о лицах, его совершивших, крайне малы или отсутствуют (неочевидные убийства).

Наиболее сложной является третья ситуация. В условиях неочевидности первостепенное значение приобретает информация, полученная в ходе осмотра места происшествия, а также проведение оперативных мероприятий по установлению свидетелей и очевидцев.

2. Тактика осмотра места происшествия при обнаружении трупа

Осмотр места преступления производится в соответствии с общими правилами, которые включают принципы своевременности, объективности, полноты и системности. Поскольку следователь не обладает специальными познаниями в области судебной медицины, к исследованию трупа необходимо привлечь судебно-медицинского эксперта. Учитывая специфику действия, целесообразно сразу обеспечить участие понятых, при этом к отбору понятых необходимо подходить с особой тщательностью, исключая впечатлительных лиц и лиц со слабой психикой.

При проведении общего осмотра используется статический метод, суть которого заключается в проведении осмотра без нарушения первоначального положения объектов. Основными ошибками, допускаемыми при этом, являются необоснованное сужение границ места осмотра. Например, при обнаружении трупа на опушке леса ограничение области осмотра только этим участком может привести к тому, что не будут обнаружены следы автомобиля, на котором преступник привез труп, или орудие убийства, выброшенное в овраг. В связи с этим рекомендуется действовать по принципу «чем больше, тем лучше».

При детальном осмотре применяется динамический метод, когда лицо, производящее осмотр, изменяет положение различных предметов для обнаружения отпечатков пальцев, микрочастиц и веществ. Так, при расследовании убийства В. следователь обратил внимание на круглый след без пыли на пианино рядом с подсвечником. При осмотре подсвечника на нем был обнаружен след крови и отпечатки пальцев, что позволило установить орудие убийства и изобличить бывшего мужа потерпевшей.

Кроме того, следователь может использовать метод искусственных координат (составление справок в местах обнаружения предметов и закапывание их на месте) и прием «прочесывания местности». Так, в одном из уголовных дел по факту убийства Г. свидетельница видела, как из дома вышел молодой человек с ее спортивной сумкой, а позже он был замечен на опушке леса уже без нее. Следователь принял решение прочесать лес, в результате чего в овраге под еловыми ветками была найдена сумка с коллекцией монет потерпевшей, что в дальнейшем позволило задержать убийцу.

3. Особенности тактики осмотра неопознанного трупа

При проведении осмотра неопознанного трупа важно применять различные методы и техники идентификации с целью установления личности погибшего. От этого зависит не только выяснение обстоятельств смерти, но и возможность уведомить родственников.

Основными методами идентификации являются:

- Антропологическое исследование (анализ роста, возраста, татуировок, пирсинга).
- Дактилоскопия (сравнение папиллярных узоров с базами данных).
- Генетическое исследование (ДНК-анализ для установления родственных связей).
- Реконструкция лица по черепу с использованием специализированных программ.
- Анализ зубов и сопоставление данных с базами пропавших лиц.

Этапы проведения тактики осмотра неопознанного трупа включают:

Подготовительный этап: обеспечение безопасности и изоляция области нахождения трупа.

Осмотр трупа: первичная оценка состояния, положения тела, фиксация травм, осмотр одежды и окружения.

Собирание улик: документирование находок, фотофиксация, сбор предметов, сбор биологических материалов.

Судебно-медицинская экспертиза: детальный анализ состояния тела, определение причин смерти.

При анализе следов и улик особое внимание уделяется изучению одежды и личных вещей. Отслеживание наличия следов крови, тканей, волос помогает установить принадлежность материалов и понять, были ли насильственные действия. Для точного анализа применяется специализированное оборудование (спектрометрия, методы молекулярной биологии). Важно помнить, что даже самые маленькие следы или улики могут быть ключом к разгадке, поэтому собранные улики должны быть правильно упакованы и зафиксированы.

4. Тактика осмотра места происшествия при обнаружении расчлененного трупа

Особую сложность представляет осмотр расчлененного трупа. Расчленение может осуществляться различными способами с использованием ножей, топоров, пил (в том числе электрических), а также колес рельсового транспорта. Иногда расчленение сочетают со сжиганием тканей, кипячением или растворением в кислотах.

Линии расчленения следует осматривать особенно тщательно. На костях и хрящах с помощью лупы необходимо изучать поверхности разделения с целью выявления следов орудия расчленения. По наличию нескольких несопадающих плоскостей надрезов можно определить количество нанесенных ударов. Со стороны удара образуется ровная поверхность расчлененной кости, с противополо-

ложной — краевые дефекты и выступы. Действие циркулярной электропилы проявляется равномерным разделением тканей. Более того, посмертное расчленение обычно не сопровождается кровотечением внутренних органов.

Специалист, исследуя следы расчленения, может сделать вывод о профессионализме преступника. Мясник или работник медицинского учреждения умело выполняют расчленение по суставам глубокими одиночными надрезами, завершая процесс за двадцать минут. Если у преступника нет профессиональных навыков, расчленение затягивается на несколько часов или дней. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении Ж., когда на берегу реки были обнаружены части женского трупа. Эксперт предположил, что расчленение произведено профессионально. Оперативно-розыскные мероприятия позволили установить причастность Д., длительное время работавшего в мясоразделочном цехе.

Вся тактика исследования должна быть направлена на выяснение пола, возраста, особых примет, причины и времени смерти. При осмотре частей расчлененного тела каждая часть должна быть маркирована, сфотографирована и описана с указанием:

- анатомической природы, размеров, формы, толщины подкожного жира;
- трупных изменений, в том числе гнилостных;
- характера загрязнения и расположения частей тела;
- подробной характеристики травм.

Нередко обнаруживается только одна или несколько частей тела. Преступники, пытаясь скрыть преступление, стараются тщательнее спрятать именно те части, по которым можно установить личность убитого (например, голову или кисти рук с татуировками). Поэтому необходимо принять все возможные меры для поиска оставшихся частей.

Огромное доказательственное значение могут иметь фрагменты одежды и обуви, на которых обнаруживаются

фабричные клейма, бирки, номера химчисток. Например, при обнаружении расчлененного трупа с отрубленной головой на рубашке, надетой на тело, во внутреннем кармане был найден билет в кино. Путем проведения оперативно-розыскных мероприятий была установлена личность потерпевшего, после чего был установлен подозреваемый.

Заключение

Убийство, как одно из самых тяжких преступлений, требует от следственных органов не только высокой квалификации, но и применения специальных тактических приемов. В ходе исследования были рассмотрены ключевые аспекты тактики проведения следственных действий на первоначальном этапе расследования.

Основные принципы тактики — системность, комплексность, целенаправленность и адаптивность — играют критическую роль в формировании стратегии расследования. Системный подход позволяет рассматривать дело как единое целое, а адаптивность дает возможность оперативно реагировать на изменяющиеся обстоятельства.

Подготовка к проведению следственных действий является неотъемлемой частью успеха. Неправильная подготовка может привести к утрате ключевых улик. Следователь должен заранее продумать все этапы, включая выбор специалистов и оборудования, а также учитывать психологические аспекты взаимодействия со свидетелями и подозреваемыми.

Работа с различными видами улик требует особого внимания. Следы крови, отпечатки пальцев, оружие, свидетельские показания — все это требует применения специфических методов и технологий. Важно помнить, что каждая деталь может оказаться ключевой, и пренебрежение к малозначительным фактам может привести к ошибкам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 9. Ст. 851.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.
4. Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. № 4. 09.01.1993.
5. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // Российская газета. — № 220. — 25.09.2012.
6. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Российская газета. № 64. 23.03.2012.
7. Альтудова Д. А., Козлова В. А., Панжин Е. А. Проблемы расследования убийств, инсценированных под самоубийство // В сборнике: Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2024. С. 10–13.

8. Габеев С. В., Чернов А. В. Убийство: проблемы квалификации и уголовной ответственности. Учебное пособие / Иркутск, 2023.
9. Гаджимагомедова Н. Н., Юсупкадиева С. Н. Общие положения методик расследования заказных убийств // Евразийский юридический журнал. 2024. № 6 (121). С. 333–335.
10. Дергач Н. С., Алексеенко А. А. Определение границ первоначального этапа расследования убийств // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. 2023. С. 118–119.
11. Дрыженко Д. Б., Семченков И. П. Убийство преступлением признаваться не может? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (49). С. 46–47.
12. Дубягин Ю. П., Пилюгина А. С., Усанов А. А. Основные принципиальные положения криминалистической методики расследования убийств // В сборнике: Инновационные подходы в решении современных проблем социальной, гуманитарной и экономической сферы. 2024. С. 164–174.
13. Кошкин В. А. Некоторые проблемы расследования неочевидных убийств // News of Science and Education. 2024. Т. 1. № 1. С. 82–88.
14. Крютченко А. Ю., Масленников Е. А. Понятие убийства, совершенного на бытовой почве // NovaInfo.Ru. 2023. Т. 1. № 58. С. 448–453.
15. Кузнецова В. В., Буторина Л. С. Некоторые проблемы квалификации убийства // Актуальные вопросы образования и науки. 2023. № 3 (61). С. 15–19.
16. Куц И. Н. Доведение до самоубийства: обзор изменений законодательства // В сборнике: Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика. 2024. С. 213–216.
17. Лопашенко Н. А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. Москва, 2024. Сер. Уголовное право.
18. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах разграничения убийств и других преступлений // В сборнике: Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни в Республике Бурятия. 2023. С. 13–18.
19. Медведева С. В., Ментюкова М. А., Шигорева Е. А. Способы совершения убийств, замаскированных инсценировками, как неотъемлемый элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 99–103.

Медиация как способ защиты прав при взыскании дебиторской задолженности: проблемы эффективности и перспективы нормативного регулирования

Саляхова Индира Инзифовна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье медиация исследуется как частноправовой внеюрисдикционный способ защиты прав при взыскании дебиторской задолженности. Определяется её место в системе форм защиты прав, проводится отграничение медиации от смежных механизмов досудебного урегулирования — претензионного порядка и третейского разбирательства. Выявлен комплекс нормативных, экономических, психологических и инфраструктурных барьеров, блокирующих применение института в долговых спорах, и показан их взаимосвязанный характер. На основе сравнительного анализа медиации и искового производства по критериям скорости разрешения спора, экономических издержек, нагрузки на судебную систему и сохранения хозяйственных связей обосновано преимущество примирительной процедуры в спорах, где стороны заинтересованы в продолжении сотрудничества. Сформулирован вывод о необходимости дифференцированного подхода к обязательности медиации и внесён ряд авторских предложений по совершенствованию законодательства: введение обязательной первичной информационно-медиационной встречи с медиатором для отдельных категорий долговых споров, приостановление течения срока исковой давности на период медиации, полное освобождение от государственной пошлины при утверждении медиативного соглашения в качестве мирового и включение типовой медиативной оговорки в примерные условия хозяйственных договоров.

Ключевые слова: медиация, дебиторская задолженность, внесудебное урегулирование споров, альтернативные способы разрешения споров, медиативное соглашение, обязательная досудебная медиация, претензионный порядок, сохранение хозяйственных связей, разгрузка судебной системы.

Взыскание дебиторской задолженности остаётся одной из наиболее острых проблем российского хозяйственного оборота. По данным Федеральной службы государ-

ственной статистики, совокупная дебиторская задолженность организаций в первом квартале 2025 года превысила 120 трлн рублей, из которых просрочено свыше 7 трлн; за

пять лет этот показатель вырос в 2,5 раза. Арбитражные суды в 2025 году разрешили более 1,8 млн экономических споров, свыше 60 % которых были связаны с неисполнением договорных обязательств. При этом судебное решение само по себе не означает возврата денег: значительная часть актов о взыскании задолженности остаётся неисполненной из-за отсутствия у должника ликвидного имущества. Всё это заставляет задуматься о том, не исчерпал ли судебный путь свои возможности в долговых спорах — и не стоит ли искать иные, менее очевидные, но более действенные инструменты.

Традиционно система форм защиты прав участников гражданского оборота включает в себя юрисдикционные (судебные и административные) и неюрисдикционные способы. Применительно к взысканию дебиторской задолженности доминирующим остается судебный порядок, однако его эффективность все чаще ставится под сомнение ввиду длительности, высоких издержек и состязательного характера, часто разрушающего хозяйственные связи. На этом фоне возрастает научный и практический интерес к альтернативным (внесудебным) формам урегулирования споров, среди которых медиация занимает особое место.

В современной правовой доктрине формы защиты прав при взыскании задолженности предлагается классифицировать в зависимости от стадии взыскания и степени вовлеченности в них государства. Согласно данному подходу, медиация представляет собой частноправовой внеюрисдикционный способ защиты, который может применяться как на досудебной стадии, так и в рамках судебного процесса (интегрированная медиация) [1]. Принципиально важно отграничить медиацию от иных смежных механизмов досудебного урегулирования, таких как претензионный порядок и третейское разбирательство.

Претензионный порядок, зачастую являющийся обязательным в силу закона или договора (ч. 5 ст. 4 АПК РФ), представляет собой формальный обмен документами между сторонами и не предполагает участия независимого третьего лица, содействующего урегулированию конфликта. Как справедливо отмечает Е. С. Любобенко, анализируя сферу урегулирования задолженности, претензионный порядок носит скорее «технический» характер и редко приводит к реальному разрешению спора по существу интересов сторон [5]. Третейское разбирательство, напротив, хотя и базируется на принципах добровольности и участия арбитров, по своей правовой природе ближе к судебному процессу: решение третейского суда является обязательным для сторон и влечет разрешение спора по существу на основе норм права и представленных доказательств.

Долговые споры между хозяйствующими субъектами имеют одну важную черту, которую судебная процедура попросту игнорирует: стороны, как правило, не чужие друг другу. За требованием о взыскании долга нередко стоят годы совместной работы по договорам поставки, подряда или аренды. Кредитор хочет денег, а не победы

в суде; должник в большинстве случаев не уклоняется от обязательств умышленно — он попал в кассовый разрыв или столкнулся с временными трудностями. В таких условиях медиация открывает возможности, которых у суда нет по определению.

Медиация, в отличие от указанных форм, основывается на принципиально иной парадигме — сотрудничестве, а не состязании. Ключевым отличием является то, что медиатор не обладает правом выносить обязательное для сторон решение. Его задача — содействовать сторонам в выработке взаимоприемлемого соглашения, основанного на их истинных интересах [7]. Эту мысль развивает Д. Л. Давыденко, подчеркивая, что посредник «помогает сторонам лучше понять друг друга, достичь согласия, сблизить свои позиции» [2], не давая оценки правомерности их требований. Именно эта не состязательная природа и позволяет медиации выполнять функцию, недоступную суду: не просто разрешить спор о праве, но и всесторонне урегулировать конфликт, сохранив и укрепив деловые отношения.

В отличие от юрисдикционных процедур, медиация, как указывает С. И. Калашникова, является «самостоятельным внеюрисдикционным способом урегулирования правового спора путем переговоров сторон при содействии нейтрального лица — медиатора» [4]. Это предопределяет и ее альтернативный характер по отношению к судебному разбирательству, и одновременно возможность интеграции в судебный процесс. Д. С. Иванова, исследуя тенденции применения медиации, приходит к выводу, что «концепция альтернативного разрешения спора сегодня модернизировалась в концепцию адекватного разрешения споров», где суд и примирительные процедуры «сосуществуют гармонично» [3].

Особую значимость это свойство медиации приобретает в контексте взыскания дебиторской задолженности в тех сферах, где существует объективная потребность в сохранении долгосрочных отношений. Для коммерческих споров — это продолжение кооперации с контрагентом, для жилищно-коммунального хозяйства — взаимодействие с собственником жилья в будущем. Состязательная судебная процедура, направленная на установление формальной истины и принудительное взыскание, в большинстве случаев обостряет конфликт и исключает возможность дальнейшего сотрудничества.

Медиация же, как обоснованно отмечается в литературе, представляет собой системный правовой механизм, требующий дифференцированного подхода в зависимости от категории долга (коммерческий, потребительский, ЖКХ) и статуса участников [1]. Применительно к коммерческим и жилищно-коммунальным долгам этот механизм способен обеспечить баланс интересов, недоступный в рамках судебного разбирательства. Кредитор получает возможность оперативного возврата долга или реструктуризации задолженности на условиях, гарантирующих реальное, а не «бумажное» исполнение, в то время как судебное решение может остаться неисполненным.

Должник, в свою очередь, избегает негативных последствий в виде испорченной кредитной истории, ареста счетов и клейма недобросовестного участника оборота. Как показывает практика, стороны в медиации могут договориться не только об отсрочке или рассрочке платежа, но и о неденежных формах компенсации, частичном списании санкций и иных гибких условиях, прямо не предусмотренных законом, но отвечающих интересам обеих сторон [5]. Достигнутое соглашение, как правило, исполняется добровольно, что подтверждает его легитимность в глазах сторон.

Иными словами, медиация при взыскании дебиторской задолженности ценна не тем, что быстрее или дешевле суда — хотя и это верно, — а тем, что она решает другую задачу. Суд отвечает на вопрос «кто прав»; медиация отвечает на вопрос «как нам выйти из этой ситуации». В делах, где стороны рассчитывают работать вместе и после урегулирования долга, это различие оказывается принципиальным. Переходя от теоретического обоснования места медиации в системе форм защиты прав к практическим аспектам, следует констатировать, что, несмотря на очевидный потенциал данной процедуры при урегулировании задолженности, её реальное применение в Российской Федерации остается на крайне низком уровне. Это обусловлено наличием комплекса нормативных и практических барьеров, которые фактически блокируют эффективное использование института медиации в долговых спорах.

Анализ действующего регулирования, прежде всего Федерального закона № 193-ФЗ, позволяет сделать вывод об отсутствии в нем реальных стимулов для обращения к медиации именно в сфере взыскания задолженности. Сам по себе Закон, безусловно, создал правовую основу, однако большинство его положений носят рамочный характер и не учитывают специфику долговых споров. Исследователи неоднократно обращали внимание на проблемы правового регулирования, среди которых, в частности, отсутствие в Законе требования к наличию профессионального образования медиаторов, непроработанность системы гарантий их независимости и крайне общие требования к организациям, оказывающим услуги по медиации [10]. Данные факторы порождают недоверие к институту в целом, что особенно критично в финансово-чувствительной сфере взыскания долгов.

Более того, даже те немногие стимулирующие меры, которые были введены законодателем, не оказывают существенного влияния на выбор сторонами медиации. В научной литературе справедливо отмечается, что одной из причин низкой популярности медиации является высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов и нежелание сторон нести дополнительные финансовые затраты, особенно в ситуации уже возникшей задолженности [8]. Предусмотренная Налоговым кодексом РФ возможность возврата 70 % госпошлины при заключении мирового соглашения на стадии суда первой инстанции, безусловно, является позитивным шагом, но не компенси-

рует общие расходы на медиативные процедуры, которые стороны воспринимают как дополнительное финансовое обременение [3].

Статистические данные наглядно подтверждают невостребованность медиации. Как указывалось в исследованиях отечественных ученых, за период с 2011 по 2017 годы примирительные процедуры использовались лишь при рассмотрении около 0,008 % дел судами общей юрисдикции и около 0,002 % дел арбитражными судами. Даже в последующие годы, несмотря на некоторый рост интереса к альтернативным способам разрешения споров, количество дел, прекращенных в связи с урегулированием спора путем медиации, остается исчезающе малым по сравнению с общим количеством рассмотренных дел. Это свидетельствует о системном характере проблемы, а не о временных трудностях.

Одной из ключевых причин сложившейся ситуации является глубоко укоренившийся формализм досудебного урегулирования, который проецируется и на медиацию. Зачастую стороны воспринимают медиативную оговорку или соглашение о применении медиации не как реальный механизм поиска взаимовыгодного решения, а как еще один формальный этап, который необходимо пройти перед обращением в суд. Как показывает анализ, проведенный в рамках исследования проблем медиации, низкий уровень информированности граждан о сути процедуры приводит к тому, что они просто не слышали о возможности предоставления медиативных услуг, а значит, и не могут осознанно выбрать этот путь [9]. Это формирует порочный круг: формальное предложение медиации без понимания ее преимуществ ведет к отказу от нее, что, в свою очередь, укрепляет недоверие к процедуре.

Наконец, существенным барьером является непонимание участниками долговых споров правовых последствий заключения медиативного соглашения. В отличие от мирового соглашения или судебного решения, правовая природа и исполнимость медиативного соглашения долгое время оставались неопределенными. Лишь с введением в 2019 году нотариального удостоверения медиативного соглашения, придающего ему силу исполнительного документа, ситуация начала меняться. Однако, как отмечается в литературе, до сих пор существуют сложности с определением тарифов на нотариальное удостоверение таких соглашений, а также отсутствуют единые подходы в сообществе нотариусов к данному вопросу [5]. Для кредитора, чья главная цель — гарантированный и оперативный возврат долга, любая правовая неопределенность является мощным сдерживающим фактором, подталкивающим его к привычному и предсказуемому, пусть и длительному, судебному разбирательству.

Помимо общих барьеров, в сфере взыскания дебиторской задолженности есть и препятствия, которые обусловлены самой природой долговых споров и в других категориях конфликтов практически не встречаются. Первое из них носит психологический характер. Кредитор, как правило, идет на переговоры с недоверием: он опасается, что

любая пауза обернётся для него потерей времени, а для должника — возможностью спрятать активы. Должник же нередко воспринимает медиацию как способ потянуть с оплатой под видом диалога. В итоге оба участника спора смотрят на примирительную процедуру скептически — и это недоверие само по себе становится барьером, который необходимо преодолевать отдельно.

Второй барьер носит сугубо практический характер. Даже предприниматель, готовый в принципе попробовать медиацию, быстро обнаруживает, что найти специалиста с реальным пониманием финансовых споров, бухгалтерской логики и хозяйственных договоров крайне затруднительно. Семейные и трудовые конфликты в ряде регионов уже обеспечены специализированными службами, тогда как коммерческие долговые споры остаются практически вне этой инфраструктуры. К тому же большинство стандартных договоров поставки или подряда содержат лишь оговорку о подсудности — о медиации в них нет ни слова, и, когда возникает задолженность, стороны просто не знают, с чего начать.

Перечисленные препятствия не существуют по отдельности — они подпитывают друг друга. Недоверие к медиации усиливается из-за отсутствия инфраструктуры; отсутствие инфраструктуры консервируется тем, что никто не обращается. Разрывать этот круг точечными мерами бесполезно — нужно менять условия сразу на нескольких уровнях.

Выявленные барьеры, препятствующие широкому распространению медиации в долговых спорах, ставят закономерный вопрос о том, насколько оправдана сама постановка задачи по её продвижению. Для ответа на него необходимо провести сравнительный анализ эффективности медиации с традиционными способами судебной защиты, оценив их по ряду ключевых критериев, отражающих как частные интересы сторон, так и публичные потребности правопорядка. Представляется целесообразным выделить четыре основных критерия: скорость разрешения спора, экономические издержки сторон, нагрузка на судебную систему и сохранение хозяйственных связей между сторонами.

Сопоставление медиации с исковым производством, применяемым как по бесспорным, так и по спорным требованиям, выявляет принципиальные различия по каждому из названных параметров. Рассматривая критерий скорости, следует отметить, что судебная процедура, даже в упрощенных формах, предполагает соблюдение процессуальных сроков, необходимость проведения заседаний и, зачастую, прохождение нескольких инстанций. Медиация же, как справедливо указывает Е. С. Любовенко, позволяет урегулировать спор в значительно более сжатые сроки, которые исчисляются днями или неделями, а не месяцами [5]. Добровольность процедуры и отсутствие строгих формальных требований позволяют сторонам и медиатору оперативно сконцентрироваться на сути конфликта и выработать взаимоприемлемое решение. Применительно к взысканию дебиторской задолженности

это особенно важно: пока дело движется по инстанциям, должник успевает переоформить имущество, закрыть счета, реструктурировать бизнес — и к моменту вынесения решения взыскивать уже бывает нечего. Медиация позволяет действовать иначе: стороны садятся за стол переговоров, пока активы ещё на месте, и могут зафиксировать признание долга уже на первой сессии. Кроме того, медиативное соглашение — это не судебный приказ с жёсткими сроками: стороны вправе договориться о расщотке, зачёте встречных требований или частичном списании штрафных санкций в обмен на быстрое погашение основного долга. Суд таких условий предложить не может.

С точки зрения экономических издержек преимущество медиации также становится очевидным при комплексной оценке. Судебный процесс влечет за собой не только прямые затраты (госпошлина, оплата экспертиз, услуг представителей), но и косвенные издержки, связанные с отвлечением персонала, замораживанием спорных сумм и репутационными рисками. В медиации, хотя она и не является бесплатной, стороны имеют возможность значительно сократить транзакционные издержки, особенно в сложных многоэпизодных спорах. Как отмечается в научных исследованиях, несмотря на необходимость оплаты услуг медиатора, его содействие позволяет найти решение, которое минимизирует совокупные потери сторон, в то время как судебное решение часто оставляет одну из них в роли окончательно проигравшей, вынужденной нести бремя судебных расходов в полном объеме [7].

Критерий нагрузки на судебную систему напрямую связан с макроэкономической функцией медиации. Каждый спор, успешно урегулированный во внесудебном порядке, снижает количество дел, поступающих в суды, что особенно актуально в условиях стабильно высокой загруженности судей. Хотя статистические данные показывают крайне низкий процент использования медиации в настоящее время, потенциал её влияния на разгрузку судебной системы признается подавляющим большинством исследователей [3].

Наконец, самым значимым критерием, по которому медиация обладает неоспоримым преимуществом перед состязательным судопроизводством, является возможность сохранения хозяйственных связей. Судебный процесс, как правило, окончательно разрывает деловые отношения, переводя их в плоскость принудительного исполнения. Медиация, напротив, ориентирована на будущее сотрудничество сторон. Г. Хесль, проводя разграничение между судебными и примирительными процедурами, подчеркивает, что медиация не просто разрешает спор о праве, но и позволяет сторонам самостоятельно разработать условия, на которых они готовы продолжать деловое взаимодействие в будущем. Для коммерческих и жилищно-коммунальных долгов, где важна долгосрочная перспектива отношений, данное свойство медиации приобретает решающее значение. Таким образом, несмотря на низкую распространенность, медиация демонстрирует более вы-

ские показатели по критериям «скорость» и «сохранение отношений», что формирует прочную основу для вывода о необходимости её стимулирования.

Констатация данных преимуществ, однако, не снимает остроты проблемы злоупотреблений, которые свойственны ныне действующему досудебному порядку урегулирования споров. В настоящее время обязательный претензионный порядок, предусмотренный процессуальным законодательством для большинства категорий арбитражных споров, зачастую становится инструментом недобросовестного поведения. Недобросовестные кредиторы могут использовать формальное направление претензии для искусственного перерыва течения срока исковой давности, не имея при этом реального намерения урегулировать спор миром. С другой стороны, недобросовестные должники, получив претензию, используют отведенное на ответ время для сокрытия активов и иного противодействия последующему взысканию. Претензионный порядок в таком виде превращается в «технический» этап, лишь увеличивающий общую продолжительность разрешения спора, что подтверждается и правоприменительной практикой [5].

Медиация, обладая фигурой нейтрального и конфиденциального посредника, способна купировать подобные риски. Сам факт начала медиативной процедуры, основанной на добровольном и осознанном согласии сторон, свидетельствует о реальной готовности к поиску компромисса. Медиатор, работая с интересами, а не с формальными позициями, быстро выявляет фиктивные или недобросовестные намерения. Более того, строгая конфиденциальность медиации, в отличие от формального обмена претензиями, снижает стимулы для использования процедуры в целях, противных её сути. Как справедливо отмечается, медиатор не может исследовать доказательства и устанавливать факты, что лишает стороны возможности использовать информацию, раскрытую в ходе процедуры, в будущем судебном процессе [6]. В связи с этим представляется обоснованным вывод о необходимости дифференцированного подхода к обязательности медиации для определенных категорий споров. Для споров, вытекающих из обязательств в сфере потребительского кредитования и жилищно-коммунального хозяйства, где социальная составляющая особенно значима, а силовое решение суда часто порождает лишь новую волну конфликтов, введение обязательной предварительной медиации с правом сторон в любой момент отказаться от нее и обратиться в суд, могло бы стать эффективным фильтром, отсеивающим споры, которые могут быть разрешены на взаимовыгодной основе.

Из проведенного анализа следует вполне конкретный практический вывод: медиация в долговых спорах не работает сама по себе, без законодательного толчка. Речь идет не о косметических поправках, а о взаимосвязанных изменениях сразу в нескольких плоскостях — процессуальной, материально-правовой и организационной.

Во-первых, ключевым шагом должно стать введение обязательной досудебной медиации для отдельных кате-

горий долговых споров. Опираясь на опыт зарубежных стран, правовая система которых допускает обязательное посредничество для определенных категорий дел без нарушения принципа свободы доступа к правосудию, представляется целесообразным введение такой процедуры для споров, вытекающих из хозяйственных договоров, в рамках которых возникает дебиторская задолженность между субъектами предпринимательской деятельности [1]. Обязательность должна заключаться лишь в необходимости проведения первой информационной встречи с медиатором, по итогам которой стороны вправе заключить соглашение о проведении полной процедуры либо, при отказе любой из них, незамедлительно обратиться в суд. Данный механизм обеспечит информированность сторон о возможностях медиации и «отсеет» дела, по которым спор может быть урегулирован оперативно.

Во-вторых, необходима корректировка системы экономических стимулов. Помимо существующего частичного возврата государственной пошлины, следует предусмотреть полное освобождение от уплаты государственной пошлины при обращении в суд с заявлением об утверждении медиативного соглашения в качестве мирового. Это позволит создать прямую финансовую выгоду для сторон, выбравших путь примирения, в сравнении с полномасштабным судебным разбирательством.

В-третьих, требуется введение материально-правовых предпочтений, которые напрямую снижали бы риски, связанные с затратами времени. В частности, необходимо закрепить в Гражданском кодексе РФ норму о приостановлении течения срока исковой давности на весь период проведения процедуры медиации. Это устранило опасения кредиторов относительно потери времени на примирительные процедуры и будет стимулировать их к добросовестному использованию данного механизма.

В-четвертых, необходимо создать инфраструктурную основу для применения медиации непосредственно в сфере хозяйственной задолженности. Для этого следует рекомендовать включение стандартной медиативной оговорки в типовые условия договоров поставки, подряда и оказания услуг, публикуемые в соответствии со статьёй 427 Гражданского кодекса РФ. Практика показывает: стороны куда охотнее соглашались на медиацию тогда, когда она была предусмотрена заранее, ещё при подписании договора. В момент, когда долг уже возник и отношения обострились, предложение «давайте попробуем переговоры» воспринимается с подозрением. Медиативная оговорка в тексте договора поставки или подряда меняет саму логику: процедура становится не уступкой, а штатным порядком разрешения разногласий, согласованным обеими сторонами в спокойное время.

Реализация указанных мер позволит, с одной стороны, существенно разгрузить судебную систему за счет перевода значительной массы типовых споров в русло внесудебного урегулирования, а с другой — сократит общие сроки возврата долгов, поскольку медиативные соглашения, будучи результатом добровольного консенсуса, ис-

полняются значительно быстрее и добровольнее, чем судебные решения. Данные предложения непосредственно направлены на обоснование положения о том, что альтернативные методы взыскания обладают значительным потенциалом для снижения нагрузки на судебную систему при условии их нормативного стимулирования, и одновременно развивают положение о необходимости дифференциации процедур взыскания в зависимости от суммы и характера задолженности.

Медиация при взыскании дебиторской задолженности — инструмент не теоретический, а сугубо практический. В отличие от судебного решения, которое кредитор нередко получает спустя годы и так и не может исполнить,

медиативное соглашение строится на том, что обе стороны сами его приняли — а значит, сами же заинтересованы в его исполнении. Именно это делает медиацию не заменой суда, а тем, чего суду по природе своей недостаёт: механизмом, при котором возврат долга и сохранение деловых отношений не исключают друг друга. Предложенные меры — обязательная информационная встреча, приостановление исковой давности на период медиации, отмена госпошлины при утверждении медиативного соглашения и типовая оговорка в хозяйственных договорах — не требуют революционных изменений законодательства. Речь идёт о точечных, но взаимосвязанных шагах, каждый из которых снимает один конкретный барьер.

Литература:

1. Гринь, Е. А. Зарубежный и отечественный опыт использования процедуры медиации и перспективы ее применения: монография / Е. А. Гринь, С. В. Кобылинская. — Краснодар: КубГАУ, 2019. — 16 с.
2. Давыденко, Д. Л. Как избежать судебного разбирательства. Посредничество в бизнес-конфликтах / Д. Л. Давыденко. — Москва: Секрет фирмы, 2006. — 28 с.
3. Иванова, Д. С. Современные тенденции развития и применения медиации при разрешении споров, вытекающих из договорных обязательств: магистерская диссертация / Иванова Дарья Сергеевна. — Томск, 2020. — 89 с.
4. Калашникова, С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: специальность (шифр специальности): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Калашникова Светлана Игоревна. — Екатеринбург, 2010. — 11 с.
5. Любобенко, Е. С. Медиация как эффективный способ досудебного урегулирования споров с участием кредитных организаций / Е. С. Любобенко // Банковское дело. — 2023. — № 8. — С. 75–77.
6. Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов) / П. Фар [и др.]; ответственный редактор К. Г. фон Шлиффен, Б. Вегманн; перевод с немецкого С. С. Трушникова. — Москва: Волтерс Клувер, 2005. — 31 с.
7. Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Курск, 30 апреля 2019 г.). — Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. — 248 с.
8. Михайлов, А. Н. Перспективы развития медиации в России / А. Н. Михайлов // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. — Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2019. — С. 143–146.
9. Шашкина, Е. А. К вопросу о факторах, препятствующих развитию процедуры медиации в Курской области / Е. А. Шашкина, Е. А. Никитина // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. — Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2019. — С. 237–240.
10. Шумайлова, В. А. Проблемы правового регулирования института медиации в России / В. А. Шумайлова // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. — Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2019. — С. 245–248.

Эволюция административно-процессуального права в России: от имперского Сената к Кодексу административного судопроизводства РФ

Семененко Екатерина Леонидовна, студент магистратуры
Волгоградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается диалектика развития института административной юстиции в России. Автор анализирует исторические вехи — от дореволюционных прообразов судебной защиты до кодификации административного процесса в XXI веке, акцентируя внимание на смене парадигм в отношениях между государством и личностью.

Ключевые слова: история права России, публично-правовой спор, эволюция правовой системы, судебная защита прав граждан, смещение презумпции в пользу гражданина, кодификация процессуального законодательства, спор гражданина с властью.

The evolution of Russian administrative procedure law: from the imperial Senate to the CAS RF

Semenenko Yekaterina Leonidovna, master's student
Volgograd branch of the Moscow Financial and Legal University MFUA

Scientific advisor: Ivanov Anatoly Mikhaylovich, candidate of legal sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article examines the dialectics of the development of the administrative justice institution in Russia. The author analyzes historical milestones — from pre-revolutionary prototypes of judicial protection to the codification of administrative procedure in the 21st century, with a focus on the paradigm shifts in the relationship between the state and the individual.

Keywords: history of Russian law, public law dispute, evolution of the legal system, judicial protection of citizens' rights, presumption shift in favor of the individual, codification of procedural legislation, dispute between a citizen and public authorities.

Исторический путь формирования российского административно-процессуального законодательства представляет собой сложную траекторию, характеризующуюся сменой идеологических установок и преодолением нормативных разрывов. В отличие от западноевропейской модели, где административные процедуры развивались поступательно, российская правовая система неоднократно сталкивалась с периодами отрицания накопленного опыта. Ключевая особенность данного процесса заключается в переходе от восприятия государственного аппарата как неоспоримой инстанции к осознанию необходимости формализованных механизмов защиты прав граждан в спорах с властью.

Если говорить про имперский период, то главный парадокс заключался в том, что административная юстиция в России создавалась не для ограничения бюрократии, а для её укрепления. Сенат, выступая в роли высшего арбитра в спорах с чиновниками, оставался частью той же управленческой машины. Это порождало институциональный конфликт: судья и ответчик фактически были слугами одного государя, что делало «правосудие» актом административной милости, а не юридической обязанности. Зарождение элементов административной юстиции в Российской империи традиционно связывается исследователями с европейскими веяниями, в частности, с опытом Великой французской революции, положившей начало формированию административного права как самостоятельной отрасли. Однако отечественная модель имела выраженную специфику. Отечественные правоведы, в частности С. А. Корф [1, с. 2] выработали концепцию данного явления как судебного, то есть юрисдикционного порядка разрешения публично-правовых споров, идентифицируя его с моделью административной юстиции. В русле административной реформы П. А. Столыпина, автора ряда реформ, рассчитанных на ускорение экономического развития российской экономики при со-

хранении самодержавных устоев и стабилизации существующего политического и социального порядка, программные положения которой формировались начиная с 1909 г., предполагалось создание системы административных судов. Его сборник, о программе реформ, дает достаточно полное представление о задуманных преобразованиях. «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое» [2, с. 3], так определялась главой правительства конечная цель преобразований.

Концептуальная идея П. А. Столыпина была ориентирована на формирование и укрепление унифицированного правового пространства, предполагавшего детализацию правового статуса личности, а также имплементацию механизмов гражданско-правовой и уголовной ответственности должностных лиц за деликты, нарушающие права граждан. Кроме того, реформаторский проект предусматривал отказ от сословного принципа судопроизводства и повышение образовательного и профессионального ценза для судейского корпуса.

Как справедливо замечает С. С. Бородин, вплоть до середины XIX столетия разрешение конфликтов с участием должностных лиц относилось к компетенции прокуратуры и Сената, что не позволяло говорить о существовании специализированной системы [3, с.3]. Ключевую роль в досоветский период играл Первый Департамент Правительствующего Сената. Согласно оценкам А. И. Елистратова, именно этот орган после реформы 1916 года фактически стал центральным звеном административной юстиции [4, с. 3]. Тем не менее, Сенат изначально не проектировался как исключительно административный суд, что порождало многочисленные дискуссии. И. Т. Тарасов отмечал, что в тот период в России функционировали лишь суррогатные формы административных судов, не обладающие полноценной процессуальной самостоятельностью [5, с. 3]. Дореволюционные

Судебные уставы и институт мировых судей создали теоретический фундамент, однако последующие революционные события прервали данную эволюцию, уничтожив накопленный правовой потенциал.

Октябрьский переворот 1917 года кардинально изменил вектор развития процессуального права. В советский период государство отказалось от самой идеи состязательности гражданина и административного аппарата, поскольку подобные споры трактовались как покушение на авторитет власти. Партийные и административные инстанции рассматривались в качестве альтернативы судебным механизмам, что привело к полному отсутствию специализированных кодексов административного судопроизводства. **Советский период** характеризуется тотальным упразднением институтов имперской юстиции. На начальном этапе советского периода административный процесс в качестве самостоятельного правового института отрицался, а механизмы защиты прав граждан сводились к ведомственному порядку рассмотрения обращений. Фундаментальный труд «Административная юстиция и право жалобы» профессора М. Д. Загряцкого [6, с. 4], изданный в 1924 году стал первой в советской науке работой, выделившей административный процесс в качестве самостоятельного института. Он был одним из немногих правоведов, кто в сложных условиях Советской России стремился сохранить и развить традиции дореволюционной юридической науки. Его фундаментальные идеи, особенно о природе и форме жалобы и путях защиты прав граждан, продолжают находить отклик в современных научных дискуссиях и законодательных решениях. Э. Б. Аблаева подчеркивает, что административная юстиция той эпохи была нацелена исключительно на охрану советского законодательства, что являлось прямым следствием господствующей правовой политики [7, с. 4]. Данный период справедливо характеризуется как «правовой вакуум», поскольку механизмы обжалования действий чиновников либо отсутствовали, либо носили сугубо декларативный характер.

Распад Советского Союза и становление новой российской государственности ознаменовались попыткой вписать административные споры в прокрустово ложе гражданского судопроизводства. В течение постсоветского десятилетия суды общей юрисдикции руководствовались Гражданским процессуальным кодексом РСФСР, рассматривая иски к чиновникам в рамках процедуры, предназначенной для споров равноправных субъектов. Подобная практика была глубоко некорректной с доктринальной точки зрения, поскольку игнорировала публично-правовую природу от-

ношений между индивидом и государством, где изначально отсутствует равенство сторон. Этот период стал временем мучительного поиска процессуальной формы, адекватной природе административных конфликтов.

На современном этапе, с 1993 г. по настоящее время, происходит формирование современной модели административно-процессуального законодательства, которое определено принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., в ст. 118 которой административное судопроизводство было конституционно закреплено в качестве самостоятельной формы осуществления судебной власти [8, с. 4]. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) [9, с. 5] в 2015 году стало историческим рубежом. На законодательном уровне было закреплено, что спор гражданина с властью — это особая категория дел, требующая собственной регламентации. Данный Кодекс является сводом правил, по которым суды общей юрисдикции, например, районные, областные, Верховный суд рассматривают споры граждан и организаций с государством. Главным нововведением стало не формальное признание равенства сторон, которого в данных отношениях нет, а смещение бремени доказывания: именно должностное лицо обязано обосновать законность своих решений. Как верно указывает Ю. Н. Стариков, принятие КАС РФ окончательно закрепило разрыв с идеей инкорпорирования административных процедур в единый гражданский процессуальный кодекс, подтвердив процессуальную суверенность данного вида судопроизводства [10, с. 5].

В заключении можно констатировать тот факт, что эволюция российского административно-процессуального регулирования демонстрирует путь от разрозненных норм, зародившихся еще в актах Московской Руси, к современной кодифицированной системе. История становления в России административно-процессуального законодательства — это путь от полного отрицания к вынужденному признанию прав личности. В отличие от Европы, где процедуры развивались эволюционно, Россия прошла через несколько разрывов преемственности. В настоящее время совокупность КоАП РФ и КАС РФ формирует полноценную модель административной юстиции, базирующуюся на принципах состязательности и эффективной судебной защиты публичных прав. Принятие КАС РФ в 2015 году символизирует не просто появление нового документа, а качественное изменение философии взаимодействия личности и государства, где механизм «обуздания публичной власти» становится инструментом обеспечения правовой определенности.

Литература:

1. Корф, С. А. Русское государственное право. Ч. 1 / барон С. А. Корф. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. — IV, [2], 315 с.
2. Столыпин П. А. Программа реформ. Документы и материалы (М.: РОССПЭН, 2002–2003. 2 т.)
3. Бородин С. С. Этапы развития административного судопроизводства в России/ С. С. Бородин.-Текст: непосредственный//Молодой ученый.-2021.-№ 14(356).-С178–180.-URL:https://moluch.ru/archive/356/79722

4. Елистратов А. И. Основные начала административного права // Российское полицейское (административное) право: конец XIX — начало XX века: хрестоматия. Воронеж, 2000. С.589
5. Тарасов И. Т. Организация административной юстиции // Юридический Вестник. М., 1887. Т. XXVI. Книга 1 (Сентябрь). № 9. С. 32–67.
6. Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. М. 1924.
7. Аблаева, Э. Б. Административная юстиция в советский период (анализ теории, законодательства и практики первой половины XX в.)/Э. Б. Аблаева, АР. Енсебаева, М. А. Утанов//Lex russica (Русский закон).-2021.-№ 1(170).-С.67–81.
8. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст. 118, КонсультантПлюс, 2025
9. Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон: [принят Гос. Думой 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) КАС РФ //КонсультантПлюс, 2026
10. Старилов Ю. Н. Административное судопроизводство и КАС РФ: первые итоги и перспективы развития // Ежегодник публичного права. 2017. С. 127–145.

Конституционный фундамент административно-процессуального права России: доктринальные основы и векторы эволюции

Семененко Екатерина Леонидовна, студент магистратуры
Волгоградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается фундаментальная роль Конституции Российской Федерации как системообразующего источника административно-процессуального законодательства. Автор обосновывает положение о том, что Основной закон выступает не просто формальным юридическим документом высшей силы, а содержательным фундаментом, определяющим цели, принципы и пределы процессуального регулирования публичных правоотношений.

Ключевые слова: Конституция РФ, административно-процессуальное право, административное судопроизводство, принцип законности, разделение властей, интегративная концепция, судебная защита, внесудебные процедуры, правовое государство, конституционные поправки 2020 года.

The constitutional foundation of Russian administrative procedural law: doctrinal foundations and vectors of evolution

Semenenko Yekaterina Leonidovna, master's student
Volgograd branch of the Moscow Financial and Legal University MFUA

Scientific advisor: Ivanov Anatoly Mikhaylovich, candidate of legal sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article examines the fundamental role of the Constitution of the Russian Federation as a system-forming source of administrative procedural legislation. The author substantiates the proposition that the Basic Law acts not merely as a formal legal document of supreme legal force, but as a substantive foundation that determines the goals, principles, and limits of procedural regulation of public legal relations.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, administrative procedural law, administrative justice, principle of legality, separation of powers, integrative conception, judicial protection, extrajudicial procedures, rule-of-law state, constitutional amendments of 2020.

В иерархии нормативных актов, регламентирующих публичные правоотношения, Конституция Российской Федерации занимает уникальное положение. Она выступает не просто формальным первоисточником, но идейно-смысловым ядром, определяющим логику развития всего массива законодательства, включая такую ди-

намично развивающуюся сферу, как административно-процессуальное право. Особенность влияния Основного закона на данную отрасль заключается в его способности одновременно выполнять функции учредительного акта, задающего архитектуру государственной власти, и непосредственного регулятора, устанавливающего стан-

дарты взаимодействия личности и государства. Базовое значение Конституции РФ для административного процесса раскрывается через категорию «правовое государство», закрепленную в ст. 1. Данный постулат требует не только признания прав человека, но и создания эффективного механизма их защиты от возможного произвола со стороны администрации. Как верно отмечает профессор П. И. Кононов, конституционные нормы выполняют роль стратегического вектора, задавая целевые ориентиры для всей системы административно-процессуальных регламентов [1, с. 2].

Фундаментальный характер воздействия Основного закона проявляется в его структурообразующей функции. В соответствии с теорией разделения властей, прописанной Конституцией РФ в ст. 10 [2, с.2], административный процесс в России приобретает бинарную природу, что нашло отражение в делении на судебную, то есть административное судопроизводство и внесудебную или, другими словами, управленческую составляющие. Указанная дихотомия, по мнению А. И. Стахова, не свидетельствует о расколе отрасли, а, напротив, указывает на существование единого административно-процессуального пространства, где судебная и исполнительная власти действуют в рамках четко очерченных конституционных полей [3, с. 2]. Особую роль играет федеративное устройство, где отнесение административного и административно-процессуального законодательства к совместному ведению Федерации и регионов порождает многоуровневую систему источников. Это создает определенные сложности юридической техники, требующие поиска баланса между единообразием федеральных стандартов и региональной спецификой, что отмечает в своих работах А. Б. Зеленцов [4, с. 2].

Системообразующее начало Конституции для административной процедуры проявляется через закрепление общеправовых принципов, которые трансформируются в конкретные процессуальные гарантии. Наиболее значимыми здесь представляются следующие аспекты:

Принцип законности ч. 2 ст. 15 Конституции РФ [5, с. 3], который в административно-процессуальной плоскости выходит за рамки простого соблюдения норм и трансформируется в требование процессуальной легитимности. Это означает, что любое властное действие признается правоммерным лишь в том случае, если оно осуществлено в строго предписанной процедурной форме. В административно-процессуальной сфере он приобретает особое содержание, охватывая как соблюдение процессуальной формы, так и правильность применения норм материального права. Как подчеркивает Б. Тулинова, «законность выступает главным принципом судопроизводства по административным делам, обеспечивающим стабильность правового порядка и являющимся критерием допустимости использования тех или иных процессуальных средств» [6, с. 3].

Доступ к правосудию отражен в ст. 46 главного закона страны [7, с. 3]. Конституционное право на обжалование действий органов власти получило свою детализацию в КАС РФ, но сохраняет свое прямое действие. Важно, что

данный принцип гарантирует не только формальную возможность подачи иска, но и фактическую реализацию механизмов состязательности и равноправия, что является антиподом обвинительному уклону, свойственному советскому периоду.

Независимость судей ст. 120 Конституции РФ [8, с. 3]. В контексте административных споров этот принцип обретает дополнительное измерение. Исследователь Н. С. Гречкин обоснованно указывает на то, что объективность суда достигается в том числе через организационные механизмы (формирование судебных районов вне зависимости от административно-территориального деления), что минимизирует риски регионального давления [9, с. 3].

Равенство и презумпция невиновности прописаны в ст. 19, 49 настоящего закона [10, с. 3]. В производстве по делам об административных правонарушениях данные постулаты играют роль процессуального «щита» для частных лиц. Конституционное требование толкования сомнений в пользу лица, привлекаемого к ответственности, принципиально меняет распределение бремени доказывания, освобождая гражданина от обязанности доказывать свою невиновность.

Конституция РФ 1993 года совершила революцию в понимании административного процесса. Отказ от постулата о «единой власти Советов» в пользу разделения властей обусловил переход от узко-юрисдикционного восприятия административного процесса, как исключительно деятельности по рассмотрению споров внутри аппарата управления, к интегративной модели.

Современная доктрина, обоснованная А. И. Стаховым, рассматривает административный процесс как сложный комплекс, включающий как судебные процедуры (КАС РФ), так и позитивные управленческие процедуры, например регламентация предоставления госуслуг, регистрационные действия [11, с. 4]. Такое расширительное толкование становится возможным именно благодаря системному анализу конституционных норм. Внесудебные процедуры, основанные на ст. 110 [12, с. 4] (исполнительная власть), и судебные, основанные на ст. 118 [13, с. 4] (правосудие), перестают быть антагонистами, превращаясь в звенья одной цепи — механизма реализации публичных функций. В. А. Зюзин справедливо акцентирует, что интегративный подход позволяет преодолеть ведомственную разобщенность и сформировать унифицированное понимание процессуальной формы [14, с. 4]. Это особенно актуально в условиях, когда границы между административной и судебной защитой становятся подвижными, а конституционные принципы служат «мостиками», которые и соединяют эти сферы.

Конституционная реформа 2020 года внесла коррективы в систему организации публичной власти, закрепив принцип ее единства. Это нововведение имеет существенное процессуальное значение. Уточнение статуса органов местного самоуправления и их интеграция в единую систему публичной власти требуют пересмотра подходов

к оспариванию их решений, а также к критериям подведомственности. Новые конституционные положения актуализируют вопрос о дальнейшей систематизации внесудебных административных процедур. Научное сообщество отмечает назревшую потребность в принятии единого процессуального акта, регламентирующего досудебный порядок рассмотрения обращений граждан и разрешения административно-правовых конфликтов. Это позволит привести управленческие регламенты в соответствие с повышенными конституционными гарантиями прав личности.

Таким образом, Конституция Российской Федерации выступает фундаментальной основой административно-процессуального законодательства не столько в силу своей высшей юридической силы (ст. 15) [15, с. 5], сколько благодаря своему содержательному потенциалу. Закрепляя принципы правовой определенности, равенства и эффективной судебной защиты, Основной закон обеспечивает единство и непротиворечивость процессуальных регламентов. Интегративная концепция, базирующаяся на системном прочтении конституционных норм, сегодня ста-

новится доминирующей в науке, так как она наиболее адекватно отражает сложную природу публичных правоотношений. Дальнейшее совершенствование законодательства, как судебного, так и управленческого, должно опираться не на ведомственные интересы, а на безусловное соблюдение конституционной аксиомы о приоритете прав человека. Эволюционный путь от советской юрисдикционной модели к современному интегративному процессу свидетельствует о зрелости российской правовой системы и ее способности к саморазвитию в рамках конституционного поля. Конституционные основы административно-процессуального законодательства являются не просто красивой декларацией, а работающим каркасом, который держит на себе всю систему. Без статьи 46 Конституции РФ [16, с. 5], без права на обжалование, без принципа презумпции невиновности административный процесс превратился бы в бюрократическую процедуру без души. Именно Конституция наполняет его человеческим измерением, где главной фигурой является не чиновник и не судья, а гражданин, чьи права нужно защитить.

Литература:

1. Кононов П. И. О конституционно-правовых основах понимания сущности и структуры административного процесса, административного судопроизводства и административно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 17–23.
2. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.10, КонсультантПлюс, 2025
3. Стахов А. И. Интегративная концепция административного процесса в Российской Федерации: Монография. — М.: РГУП, 2025. — 492 с., с. 78
4. Зеленцов А. Б. Административный процесс: проблемы теории и перспективы правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 3. С. 120–130, с. 125
5. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ч.2 ст.15, КонсультантПлюс, 2025
6. Тулинова Б. Законность в системе принципов административного судопроизводства // Современное право. 2013. № 5. С. 51–55
7. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.46, КонсультантПлюс, 2025
8. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.120, КонсультантПлюс, 2025
9. Гречкин Н. С. Конституционные принципы административного судопроизводства // Проблемы права. 2013. № 5. С. 31–34.
10. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.49, КонсультантПлюс, 2025
11. Стахов А. И., Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права и процесса в условиях конституционной реформы 2020 года // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 8–15
12. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.110, КонсультантПлюс, 2025
13. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.] ст. 118 //КонсультантПлюс, 2025
14. Зюзин В. А. Принципы административного процесса в России и отдельных зарубежных странах: Учебное пособие. — М.: РГУП, 2023. — 96 с.
15. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.15, КонсультантПлюс, 2025
16. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] ст.46, КонсультантПлюс, 2025

Пути совершенствования упрощённого производства в гражданском процессе

Соловьева Алина Николаевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В разделе рассмотрены основные проблемы применения упрощённого производства в гражданском процессе и возможные способы их устранения. Анализ действующего законодательства и судебной практики показал, что нарушения чаще всего связаны с формальным выбором процессуальной формы, поздним извещением сторон и неполным восстановлением обычных гарантий после перехода к общему порядку. Особое внимание уделено делам Верховного Суда Российской Федерации, Тамбовского областного суда и Приморского краевого суда. Предложены изменения правил выбора упрощённого порядка, исчисления сроков, подготовки дела, составления мотивированного решения и апелляционного пересмотра.

Ключевые слова: упрощённое производство, гражданский процесс, извещение сторон, процессуальные сроки, судебная практика.

Упрощённое производство должно применяться к делам, которые можно правильно разрешить по письменным материалам. По действующей статье 232.2 ГПК РФ в этом порядке рассматриваются требования о взыскании денег, истребовании имущества и признании права собственности при цене иска до 250 тыс. руб. Упрощённый порядок применяется к документально подтверждённой задолженности, если требование не относится к приказному производству. Дело рассматривается без судебного заседания. Сторонам предоставляется не менее пятнадцати дней для доказательств и возражений и не менее тридцати дней для дополнительных объяснений [1].

Необходимость такого изменения подтверждает дело № 57-КГ17–4. Истец просил признать право собственности на самовольно построенный гараж. Суд применил упрощённый порядок, поскольку истец указал стоимость объекта в размере 60 759 руб. Документы о кадастровой или рыночной стоимости представлены не были. Для разрешения спора требовалось установить правовой режим земельного участка, соответствие постройки обязательным требованиям, отсутствие угрозы гражданам и нарушения прав иных лиц. В материалах также не было доказательств получения ответчиком определения о начале упрощённого производства. Верховный Суд РФ признал такой подход неправильным. Он указал, что при отсутствии подтверждённого извещения и при необходимости выяснения дополнительных обстоятельств суд должен перейти к общим правилам [3]. Этот пример показывает, что небольшой размер требования не исключает сложного предмета доказывания. В статье 232.2 ГПК РФ целесообразно закрепить обязанность суда до выбора формы проверить наличие третьих лиц, спор о подлинности документов, необходимость экспертизы, взаимосвязанные требования и иные обстоятельства, которые требуют устного разбирательства. Определение об упрощённом порядке должно содержать краткое обоснование того, почему дело может быть разрешено только по документам.

Наиболее серьёзный недостаток действующей модели связан с исчислением сроков со дня вынесения опреде-

ления. Продолжительность почтовой доставки в этот срок включается. В результате ответчик может получить документы после окончания периода для возражений. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что суд должен учитывать время доставки и располагать сведениями о том, что участник получил информацию о процессе и имел реальную возможность представить позицию. Если такой возможности не было, дело следует рассматривать по общим правилам [2]. На практике это разъяснение не всегда предотвращает нарушение. В деле № 33–308/2026 определение было вынесено 9 июля 2025 г., а срок подачи возражений установлен до 30 июля. Суд направил документ 15 июля, однако ответчик получил его только 31 июля. Решение было принято 20 августа, вступило в силу 11 сентября, после чего был выдан исполнительный лист. О взыскании ответчик узнал после удержания денежных средств. Тамбовский областной суд отменил отказ в восстановлении сроков и восстановил срок для заявления о составлении мотивированного решения и подачи апелляционной жалобы [4].

Восстановление срока исправило последствия нарушения, но не устранило его причину. Ответчику пришлось обращаться в суд уже после вступления решения в силу и начала исполнения. Более эффективным решением станет изменение частей 2 и 3 статьи 232.3 ГПК РФ. Срок для возражений и доказательств следует исчислять со дня подтверждённого получения определения конкретной стороной. Суд не должен принимать решение, пока не установлено, что каждому участнику был предоставлен полный минимальный срок. Извещение желательно направлять одновременно заказным письмом, через личный кабинет на государственном портале и по подтверждённым электронным адресам. Электронное сообщение может дополнять почтовое, но не должно заменять доказательство доставки. Если получение не подтверждено либо документ вручён слишком поздно, суд обязан продлить срок или перейти к общему порядку. Такое правило уменьшит число заявлений о восстановлении сроков и исключит исполнение решений, принятых без фактического участия ответчика.

Следующее направление касается перехода от упрощённого производства к общим правилам. Часть 5 статьи 232.2 ГПК РФ устанавливает, что после перехода рассмотрение начинается сначала [1]. Однако закон недостаточно ясно указывает, какие подготовительные действия суд должен выполнить заново. Из-за этого переход иногда сводится к назначению одного судебного заседания. В деле № 33–249/2026 иск работника о взыскании оплаты сверхурочной работы сначала рассматривался в упрощённом порядке. Затем суд перешёл к общим правилам и назначил заседание. В материалах отсутствовали определение о подготовке дела и сведения о проведении предварительного заседания. Дело было рассмотрено в отсутствие истца. Ходатайство его представителя об отложении из-за болезни не было разрешено. Приморский краевой суд признал, что пропуск обязательной подготовки ограничил право стороны на участие в процессе и являлся существенным нарушением. Решение было отменено [5].

Для устранения этой проблемы в статье 232.2 ГПК РФ следует прямо закрепить, что переход запускает все действия главы 14 ГПК РФ. Суд обязан вынести отдельное определение о подготовке, определить предмет доказывания, распределить обязанность представления доказательств, разрешить ходатайства и установить новые сроки. В сложных трудовых, жилищных и потребительских спорах предварительное заседание должно проводиться обязательно. Сроки, которые действовали в упрощённом производстве, нельзя автоматически переносить в общий порядок, поскольку сторона могла строить свою защиту с учётом письменной процедуры. Такое уточнение предотвратит формальный переход, при котором название производства меняется, а полноценные процессуальные гарантии не восстанавливаются.

Совершенствования требуют и правила о судебном решении. По статье 232.4 ГПК РФ суд обычно подписывает только резолютивную часть. Заявление о мотивированном решении подаётся в течение пяти дней, а апелляционная жалоба в течение пятнадцати дней [1]. Такой порядок удобен в бесспорных делах, но создаёт трудности, когда ответчик оспаривает расчёт, заявляет об исковой давности или ссылается на исполнение обязательства. Без мотивировки невозможно понять, почему доводы отклонены и какие документы признаны достоверными. Позднее по-

лучение резолютивной части приводит к необходимости восстанавливать сразу несколько сроков, что видно из дела № 33–308/2026 [4]. Поэтому мотивированное решение следует составлять автоматически, если поступили возражения, заявлено о пропуске исковой давности, оспорены договор, размер долга или подлинность доказательства. Такое же правило обоснованно для исков профессиональных кредиторов к гражданам и для социально значимых споров. В остальных случаях пятидневный срок для заявления должен исчисляться с момента получения резолютивной части и быть увеличен до десяти дней.

Статья 335.1 ГПК РФ позволяет рассматривать апелляционную жалобу без вызова сторон. Для обычного документарного спора это оправданно. Однако устное заседание должно стать обязательным, если заявитель указывает на отсутствие извещения, неправильный выбор упрощённой формы, необоснованный отказ принять доказательства или отказ перейти к общим правилам. Апелляционный суд должен принимать новые документы, когда лицо не могло представить их из-за поздней доставки определений. Предлагаемые изменения сохраняют ускоренный характер производства, но перенесут экономию времени на действительно несложные дела. Общая модель должна включать пять последовательных гарантий. Суд предварительно проверяет сложность спора. Сроки начинают течь после подтверждённого извещения. Переход к общему порядку сопровождается полноценной подготовкой. В спорных делах составляется мотивированное решение. Апелляция проводится с вызовом сторон, если оспаривается соблюдение этих гарантий. Практика Верховного Суда РФ и судов субъектов показывает, что такой подход снизит число отмен, восстановлений сроков и повторных рассмотрений [2–5].

Таким образом, совершенствование упрощённого производства не должно сводиться к расширению перечня дел или дальнейшему сокращению сроков. Основная задача состоит в точном отборе споров, которые могут быть разрешены без заседания, и в создании проверяемых гарантий участия сторон. Закрепление предложенных правил позволит сохранить преимущества письменной процедуры, уменьшить нагрузку на суды и одновременно исключить ситуации, когда процессуальная экономия достигается за счёт права лица быть услышанным.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощённом производстве». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215641/ (дата обращения: 31.07.2026).
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017), утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.12.2017. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 57-КГ17-4. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/reviews/26303/> (дата обращения: 31.07.2026).

4. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 28.01.2026 по делу № 33–308/2026. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HogFkmXOQgZ6/> (дата обращения: 31.07.2026).
5. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 27.01.2026 по делу № 33–249/2026. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1cESuEgcjWW5/> (дата обращения: 31.07.2026).

Недостатки рассмотрения гражданских дел в упрощённом порядке без вызова сторон

Соловьева Алина Николаевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются недостатки рассмотрения гражданских дел в упрощённом порядке без проведения судебного заседания и вызова участников процесса. Основное внимание уделено извещению сторон, срокам представления доказательств, переходу к общему исковому производству и мотивировке решения. Выводы основаны на действующем ГПК РФ, разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации и реальных судебных актах 2022–2025 гг. Предложены изменения, которые позволяют сохранить процессуальную экономию без ограничения состязательности и права на защиту.

Ключевые слова: упрощённое производство, гражданский процесс, извещение сторон, состязательность, судебная практика.

Упрощённое производство предназначено для дел, которые могут быть разрешены преимущественно по письменным материалам. Суд не проводит заседание, не вызывает стороны, не ведёт протокол и после истечения сроков выносит решение по поступившим документам [1]. Такая форма сокращает затраты, но вся защита должна быть организована письменно и своевременно. Поэтому отсутствие вызова допустимо только при доказанной осведомлённости каждого участника. Иначе ускорение вступает в противоречие с конституционными принципами состязательности и равноправия сторон [1]. В научной литературе также отмечается, что сокращение процессуальной формы требует специальных гарантий, поскольку рассмотрение дела только по письменным доказательствам повышает риск ошибочной оценки фактов [2].

Верховный Суд Российской Федерации требует подтверждать не только направление определения, но и получение участником сведений о процессе. При отсутствии таких данных либо реальной возможности представить возражения суд должен перейти к общему исковому производству [3]. В деле № 33–5221/2022 Белгородский областной суд установил, что корреспонденция вернулась, а сведения об осведомлённости ответчика отсутствовали. Районный суд всё же взыскал долг по займу. Апелляция отменила решение, поскольку ответчик не мог представить возражения [2]. В деле № 33–1558/2025 тот же суд выявил отсутствие надёжного извещения и законного основания для упрощённой процедуры. Решение также было отменено. Следовательно, отметка об отправке письма не подтверждает реального участия стороны.

Дополнительный риск создаёт исчисление сроков со дня вынесения определения. Закон предоставляет не менее пятнадцати дней для доказательств и возражений, но часть этого времени может пройти до отправки письма [2]. В ма-

териалах дела № 3а-500/2024 отражено, что определение было вынесено 12 апреля 2022 г., первый срок истек 13 мая, а корреспонденция была отправлена только 31 мая. Информация на сайте суда появилась 3 июня [4]. В дальнейшем спор перевели в общий порядок, однако пример наглядно показывает дефект регулирования. Минимальный срок следует исчислять со дня подтверждённого получения определения. Если вручение не подтверждено не позднее чем за пятнадцать дней до первого срока, переход к общему производству должен быть обязательным. Почтовое сообщение целесообразно дублировать через портал государственных услуг, СМС и электронную почту. При поздней отправке сроки должны продлеваться автоматически, а не только по ходатайству участника.

Согласно статье 232.2 ГПК РФ суд переходит к общему порядку, когда необходимо выяснить дополнительные обстоятельства, исследовать иные доказательства, назначить экспертизу, заслушать свидетелей или учесть права других лиц [2]. Верховный Суд требует мотивировать такое ходатайство [3]. Для гражданина без представителя это создаёт барьер. В определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2025 г. № 88–10731/2025 указано, что ответчик просил применить общие правила, но не назвал конкретные обстоятельства и доказательства. Довод был отклонён [3]. Формально подход соответствует закону, но результат зависит от юридической грамотности участника.

Противоположная ситуация рассмотрена Санкт-Петербургским городским судом по делу № 33–15634/2025. Ответчик отрицал наличие права собственности на объект и фактическое получение услуг. Документов истца было недостаточно для установления надлежащего должника и объёма обязательства. Апелляция признала, что требовалось дополнительное исследование, отменила ре-

шение и возвратила дело в районный суд [3]. Процессуальная экономия в итоге не была достигнута. Для единообразия статьи 232.2 ГПК РФ необходимо дополнить примерным перечнем обстоятельств, которые предполагают переход. К ним следует отнести отрицание факта заключения или исполнения договора, спор о личности должника, заявление о подложности документа, противоречие письменных доказательств и необходимость специальных знаний. Ходатайство гражданина должно оцениваться по содержанию изложенных фактов, а не по наличию юридических формулировок.

Документальная основа требования не всегда означает малозначительность дела. В определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2025 г. № 88–10638/2025 подтверждена допустимость упрощённого рассмотрения требований банка по кредитным договорам на несколько миллионов рублей [4]. Суд применил действующую норму, но дело выявляет системный риск. Для документально подтверждённой договорной задолженности общий денежный предел не установлен, хотя последствия взыскания для гражданина могут быть крайне значительными. Следует установить предел для таких требований к физическим лицам. При его превышении упрощённый порядок должен применяться с согласия ответчика либо с правом потребовать краткое очное или дистанционное заседание.

Анализ позволяет предложить пять взаимосвязанных изменений. В статье 232.3 ГПК РФ сроки нужно связать с подтверждённым получением определения, а отсутствие доказательств извещения должно автоматически

влечь переход к общему порядку. В статье 232.2 следует закрепить ориентиры фактической сложности дела и обязанность оценивать содержание возражений гражданина. По крупным требованиям к физическим лицам необходим денежный предел либо право на краткое заседание. В статье 232.4 нужно расширить случаи обязательного изготовления мотивированного решения, а в статье 335.1 предусмотреть вызов сторон при споре об извещении и выборе процедуры. Эти меры следует поддерживать электронным доступом к материалам и фиксацией даты открытия документов. Перед вынесением решения судья должен проверить дату вручения определения, соблюдение интервала между сроками, направление доказательств другой стороне и рассмотрение ходатайств. Такой проверочный перечень снизит число отмен из-за недостатков делопроизводства. Положительный пример имеется в деле № 2–3100/2023, где Псковский городской суд, не найдя подтверждения извещения, своевременно перешёл к общему порядку [5].

Таким образом, основной недостаток рассмотрения дел без вызова сторон возникает тогда, когда письменная процедура применяется при недоказанной осведомлённости участника, недостаточном сроке или наличии фактического спора. В этих условиях молчание ошибочно воспринимается как отсутствие возражений. Упрощение оправдано только при реальной возможности ознакомиться с иском, представить доказательства и добиться перехода к полной процедуре. Предлагаемые изменения сохраняют процессуальную экономию, но связывают её с простотой дела, а не с сокращением судебной защиты.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 31.07.2026).
2. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 01.12.2022 по делу № 33–5221/2022 [Электронный ресурс]. — URL: https://oblsud—blg.sudrf.ru/modules.php?case_type=0&delo_id=5&name=sud_delo&name_op=doc&new=5&number=10567620&srv_num=1&text_number=1 (дата обращения: 31.07.2026).
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.08.2025 по делу № 33–15634/2025 [Электронный ресурс]. — URL: https://sankt-peterburgsky—spb.sudrf.ru/modules.php?case_type=0&delo_id=5&name=sud_delo&name_op=doc&new=5&number=90101790&srv_num=1&text_number=1 (дата обращения: 31.07.2026).
4. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2025 № 88–10638/2025 по делу № 2–38/2025 [Электронный ресурс]. — URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?case_id=33061387&case_uid=-5723f13a-3fad-4e49-95ae-dac26443b1ae&delo_id=2800001&name=sud_delo&name_op=case&new=2800001&srv_num=1 (дата обращения: 31.07.2026).
5. Решение Псковского городского суда Псковской области от 19.07.2023 по делу № 2–3100/2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rD2HDLHePeWl/> (дата обращения: 31.07.2026).

Совершенствование способов, средств и методов противодействия организации незаконной миграции

Стародубец Валерия Федоровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются существующие организационно-правовые механизмы противодействия организации незаконной миграции и выявляются их наиболее проблемные вопросы. Автор предлагает возможные способы решения данных проблем и совершенствования существующих методов с целью улучшения ситуации в миграционной сфере путем совершенствования нормативно-правовой базы и внедрения современных технологий в деятельность органов, осуществляющих надзор за иностранными гражданами в Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, иностранные граждане, незаконная миграция, нелегал, незаконное пребывание, преступность.

Незаконная миграция на территории Российской Федерации остается одной из самых актуальных тем для обсуждений на заседаниях Министерства внутренних дел Российской Федерации и других ведомств совместно. В связи с этим происходит постоянное обновление и дополнение законодательных актов, касающихся миграционной политики с целью выработки наиболее эффективных методов и способов борьбы с нелегальной миграцией.

Одним из отягощающих обстоятельств является достаточно большой объем законодательных актов, которые регулируют миграционные процессы на территории Российской Федерации. Так, они включают в себя целый ряд документов, затрагивающих все уровни нормативного регулирования в РФ: Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, определения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности отдельных положений федерального законодательства, федеральные законы, касающиеся регулирования миграционной сферы, а также подзаконные нормативные акты (акты Президента Российской Федерации, акты Федерального Собрания Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации), ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты, акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации, постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации, международные договоры и документы. Безусловно, подобный подход к такой, достаточно важной сфере деятельности государства, как осуществление миграционной политики, требует всеобъемлющего внимания со стороны законодательства. Однако, существует явная необходимость в объединении и систематизации данных актов на законодательном уровне. Поэтому, по мнению А. С. Прудникова, необходимо создать единый Миграционный кодекс Российской Федерации, что позволит упорядочить и систематизировать основные категории и институты законодательства в сфере миграции; привести правовой понятийный аппарат и терминологию в сфере миграции в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, за-

крепить компетенцию органов государственной власти, местного самоуправления и административные процедуры в сфере миграции и другое [1].

Безусловно, деятельность правоохранительных органов по обеспечению соблюдения всех принятых мер по регулированию пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации во многом ограничена из-за необходимости сотрудничества с другими органами и ведомствами. Поэтому в целях обеспечения возможности оперативной проверки сведений об иностранном гражданине, в отношении которого решается вопрос о принятии касательно него решения о неразрешении въезда, предлагается рассмотреть вопрос о заключении соглашений с ведомствами, предусмотрев в них оптимальные сроки направления соответствующих запросов и ответов на них.

Известно, что контроль за иностранными гражданами в Российской Федерации осуществляет не только МВД, но и другие федеральные органы исполнительной власти. Среди них Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Федеральная таможенная служба, Министерство юстиции Российской Федерации, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Федеральное агентство по делам национальностей. Четкое регулирование деятельности между данными ведомствами и МВД позволило бы улучшить надзор за деятельностью мигрантов в России и соответственно, более оперативно выявлять возможных нарушителей среди них. Например, создание межведомственных платформ для проведения комплексных дистанционных оперативно-тактических учений для обмена опытом и координации усилий по противодействию организации нелегальной миграции.

Российские работодатели безусловно заинтересованы в трудоустройстве иностранных работников по определенным причинам. Поэтому организация дополнительных проверок компаний, привлекающих иностранную рабочую силу, на предмет соблюдения налогового законодательства, могла бы более эффективно выявлять иностранных граждан и работодателей, нарушающих нормы трудового миграционного законодательства. Можно отметить, что в Концепции государственной ми-

грационной политики Российской Федерации на 2026 — 2030 годы, в пункте основных направлений ее реализации отмечена необходимость расширения перечня организованных форм привлечения в Российскую Федерацию иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности в целях повышения эффективности регулирования численности привлекаемых иностранных работников [2]. Данную тенденцию можно проследить и в предыдущих концепциях.

Рассматривая административное законодательство в сфере миграции стоит отметить, что некоторые меры воздействия на иностранцев не всегда соответствуют тяжести преступлений которые они совершают [5]. Так, предлагается рассмотреть в качестве предложения по расширению перечня состава административных правонарушений, за которые может быть назначено административное наказание в виде выдворения, назначение данного наказания за совершение грубых правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, за которые предусмотрено наказание в виде лишения специального права или административного ареста, в частности, совершенные в состоянии опьянения [3].

В соответствии с подпунктом 4 статьи 26 Федерального закона № 114ФЗ иностранному гражданину запрещают въезд в РФ, если в течение трёх лет он дважды или более привлекался к административной ответственности по законодательству РФ за правонарушения, совершённые на территории страны [4]. При этом привлечение иностранца к ответственности по региональным кодексам об административных правонарушениях не служит основанием для запрета въезда: такие нарушения имеют силу лишь в пределах соответствующих субъектов РФ, а не на всей территории государства. Такой же принцип следует применять при рассмотрении вопроса о запрете въезда из-за уклонения иностранного гражданина от уплаты административного штрафа — это предусмотрено подпунктом 10 части 1 статьи 27 Федерального закона № 114ФЗ.

Также отсутствует какое-либо регулирование имущественного фактора у мигрантов, подвергнувшихся выдворению или депортации за пределы Российской Федерации. Такая мера как конфискация имущества, приобретенного ими на территории России, могла бы стать сдерживающим механизмом для иностранных граждан. Кроме этого, подобный процесс позволил бы не только успешно бороться с незаконной миграцией, но и иметь экономическую выгоду для страны.

Активное информационное развитие в настоящее время предоставляет возможность использования технологий искусственного интеллекта при поиске информации в большом массиве данных. Возможная будущая интеграция ведомственных систем определенно стала бы важной вехой в работе миграционных служб, но применение систем ИИ безусловно сократило бы время работы с ними. Конечно, использование данной системы требует соблюдения всех необходимых мер криптографической защиты информации, что значительно замедляет процесс

ее внедрения, однако практика показывает, что большинство времени оперативных служб занимает именно поиск необходимой информации среди значительного объема данных.

Переходя к морально-психологическому воздействию на иностранных граждан, можно отметить, что многими ведомствами игнорируется такой фактор как профилактическая беседа с иностранными гражданами, ведь зачастую мигранты нарушают сроки пребывания или правила нахождения на территории РФ неосознанно. Поэтому необходимо внедрение плановой практики проведения информационно-пропагандистских мероприятий межведомственного уровня.

Важно выделить комплекс социальных и профилактических мер, направленных на предупреждение конфликтов и правонарушений — они предполагают сотрудничество с национальными и культурными объединениями. В частности, к таким мерам относится вовлечение лидеров этнических сообществ в просветительскую деятельность, а также проведение индивидуальной профилактической работы с лицами, которые демонстрируют склонность к противоправным действиям.

Таким образом, можно отметить, что многие аспекты в борьбе с незаконной миграцией требуют особого внимания со стороны властей. Безусловно мероприятия, направленные на привлечение к ответственности иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство ведутся не прекращаясь, однако необходимо пересмотреть всевозможные методы и способы борьбы с ними, среди которых:

- создание единого Миграционного кодекса Российской Федерации, что позволит упорядочить и систематизировать основные категории и институты законодательства в сфере миграции;
- заключение соглашений МВД с ведомствами, предусмотрев в них оптимальные сроки направления соответствующих запросов и ответов на них;
- создание межведомственных платформ для проведения комплексных дистанционных оперативно-тактических учений для обмена опытом и координации усилий по противодействию организации нелегальной миграции;
- организация дополнительных проверок компаний, привлекающих иностранную рабочую силу, на предмет соблюдения налогового законодательства;
- расширение перечня состава административных правонарушений, за которые может быть назначено административное наказание в виде выдворения;
- регулирование имущественного фактора у мигрантов, подвергнувшихся выдворению или депортации за пределы Российской Федерации;
- внедрение плановой практики проведения информационно-пропагандистских мероприятий межведомственного уровня;
- привлечение иностранца к ответственности по региональным кодексам об административных правонарушениях для запрета въезда.

Литература:

1. Прудников А. С. О предполагаемой концепции миграционного кодекса Российской Федерации/ А. С. Прудников. — Текст: непосредственный // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2017. — № 4. — С. 67–69.
2. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». — Текст: электронный — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335/> (дата обращения: 26.07.2026).
3. Предложения по совершенствованию мер административного воздействия в отношении иностранных граждан и их нормативно-правовое оформление. — М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2025. — 45 с.
4. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»// СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 26.07.2026).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 26.07.2026).

Математико-правовой анализ избыточности нормативных актов: критерии и количественная оценка

Тимофеев Николай Викторович, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена проблеме избыточности муниципальных нормативных правовых актов, которая проявляется в масштабном дублировании норм федерального и регионального законодательства. Автором разработана и апробирована система математических методов для объективного анализа степени избыточности нормативных правовых актов. На примере анализа Устава муниципального округа обосновывается необходимость перехода от субъективных оценок к верифицируемым количественным показателям при определении качества правовых актов.

Ключевые слова: математико-правовой анализ, математические методы в праве, юридическая техника, эффективность правового регулирования, муниципальное правотворчество, муниципальные нормативные правовые акты.

Введение

Проблема избыточности нормативных правовых актов в последние годы становится всё более очевидной как для правотворческих, так и для правоприменительных органов. Особенно остро данная проблема проявляется на муниципальном уровне, где уставы и иные нормативные акты содержат до 60–80 процентов норм, дублирующих положения федерального и регионального законодательства. Это приводит к неоправданному увеличению объёма правовых актов, усложняет работу муниципалитетов и регистрирующих органов, создаёт дополнительные административные барьеры. Оптимизация нормативно-правовых актов с использованием математических методов может привести к сокращению дублирования информации, устранению противоречий и улучшению структуры документов, что в свою очередь снижает издержки на разработку, актуализацию, применение и интерпретацию нормативно-правовых актов [1].

Как отмечает В. В. Астанин, «количественные показатели являются измерительной величиной, которая способна оказать решающее влияние на качество», а процессы правотворческой активности муниципальных образований «объективно определяются в состоянии меры количественной» [2]. Вместе с тем качественная мера в массивной количественной совокупности сложно оценима без применения специального методологического инструментария.

По данным Минюста России, федеральный регистр муниципальных правовых актов насчитывает свыше четырёх миллионов единиц, при этом ежегодный прирост исчисляется сотнями тысяч актов. В среднем муниципальное образование ежегодно принимает около двухсот нормативных правовых актов, а в крупных городских округах — до трёхсот и более [2]. Проверки, проведённые органами прокуратуры и юстиции, выявляют системные нарушения: так, в Уральском федеральном округе из 1164 зарегистрированных уставов в 960 были выявлены нарушения различного характера, в Курганской области нарушения установлены в 345 из 459 проверенных уставов, в Свердловской области — в 60 из 72, в Ханты-Мансийском автономном округе — во всех 22.

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке и апробации комплексного методологического инструментария для объективной количественной оценки степени избыточности нормативных правовых актов, включающего систему математических коэффициентов и методы вычислительной лингвистики, что позволяет перейти от субъективных суждений к верифицируемым научным выводам.

В научной литературе тема дублирования федеральных норм в муниципальных уставах широко обсуждается. И. В. Упоров оценивает дублирование как дефект правотворчества, который создаёт неопределённость и снижает эффективность права, хотя и допускает воспроизведение текста в муниципальных актах [3]. А. Ф. Бортник акцентирует внимание на дублировании компетенций между уровнями власти, когда из-за нечёткого разграничения полномочий в Федеральном законе № 131-ФЗ муниципалитеты вынуждены брать на себя функции, которые по сути являются государственными [4].

Материалы и методы

В качестве объекта анализа выбран Устав одного из муниципальных округов Псковской области. Выбор данного муниципального образования обусловлен типичностью его устава, отражающего общие тенденции муниципального нормотворчества в Российской Федерации. Устав является муниципальным правовым актом высшей юридической силы, имеет прямое действие и применяется на всей территории муниципального образования, что соответствует требованиям части 2 статьи 43 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5].

Исследование базируется на комплексе общенаучных и частнонаучных методов, а также на междисциплинарном подходе, объединяющем юридическую науку, математическую логику и вычислительную лингвистику.

Формально-юридический анализ применён для структурного сравнения текста Устава с положениями Федерального закона № 131-ФЗ и законов Псковской области. Данный метод позволил выявить структурные элементы (главы, статьи, пункты) и определить их соотношение с нормативными актами более высокого уровня. В рамках данного метода проведён постатейный анализ Устава, выявлены дословные и смысловые совпадения с федеральным и региональным законодательством.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления подходов к регулированию одних и тех же вопросов в различных муниципальных образованиях Псковской области, а также для анализа практики регистрации уставов территориальными органами Минюста России.

Для объективной оценки степени дублирования разработана система коэффициентов, позволяющих измерить долю заимствованного текста, степень оригинальности акта и потенциал его сокращения путём внедрения отсылочных норм. Как подчёркивает Е. Д. Третьякова, избыточное дублирование правовых предписаний нарушает принцип максимальной экономии норм при изложении правовых предписаний, что делает количественную оценку такого дублирования необходимой [6].

В целях объективной оценки степени текстуального сходства между Уставом и федеральным законодательством применён метод, разработанный математиком В. И. Левенштейном в 1965 году. Данный метод позволяет измерить минимальное количество операций (вставки, удаления, замены), необходимых для превращения одной строки текста в другую [7]. Расчёт расстояния Левенштейна производится по рекуррентной формуле (1):

$$D(i, j) = \min \begin{cases} D(i-1, j) + 1, \\ D(i, j-1) + 1, \\ D(i-1, j-1) + m(S_1[i], S_2[j]) \end{cases} \quad (1),$$

где $D(i, j)$ — расстояние между префиксами строк S_1 и S_2 длины i и j соответственно, а $m(a, b) = 0$ при совпадении символов и $m(a, b) = 1$ при их несовпадении.

Применение указанного метода в юридических исследованиях позволяет заменить субъективную оценку («текст похож») объективным показателем степени текстуального сходства. Как отмечают исследователи в области цифровизации правотворчества, «применение математических методов и информационных технологий позволяет повысить качество юридической экспертизы нормативных актов» [8] и «может существенно изменить подходы к созданию и применению нормативных актов, повысить эффективность правоприменительной практики и создать новые возможности для развития юридической науки» [1].

Применённые методы имеют определённые ограничения, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Расстояние Левенштейна, будучи эффективным для сравнения относительно коротких текстов, может давать менее точные результаты при сравнении длинных документов. Для минимизации этого эффекта в исследовании применялся поблочный анализ, когда сравнение проводилось по отдельным структурным элементам (статьям, пунктам, абзацам).

Количественные коэффициенты основаны на экспертной оценке отнесения тех или иных фрагментов к заимствованным. Для повышения объективности применялся принцип консервативной оценки: при сомнении в степени заимствования фрагмент относился к уникальным.

Система количественных критериев оценки

Для объективной оценки степени избыточности нормативных правовых актов автором разработана система математических коэффициентов, позволяющих перейти от субъективных суждений к измеряемым показателям.

Коэффициент дублирования федерального законодательства ($K_{\sim\text{дубл-фед}\sim}$)

Данный коэффициент показывает долю текста Акта, дословно или почти дословно совпадающего с нормами Федерального закона № 131-ФЗ и иных федеральных законов. Расчёт производится по формуле (2):

$$K_{\sim\text{дубл-фед}\sim} = (V_{\sim\text{заимств-фед}\sim} / V_{\sim\text{общ}\sim}) \times 100 \% \quad (2),$$

где $V_{\sim\text{заимств-фед}\sim}$ — объём текста (в знаках, словах или структурных единицах), совпадающий с федеральными нормами; $V_{\sim\text{общ}\sim}$ — общий объём текста Акта.

Шкала интерпретации коэффициента дублирования федерального законодательства представлена в таблице 1.

Таблица 1. Шкала интерпретации коэффициента $K_{\sim\text{дубл-фед}\sim}$

$K_{\sim\text{дубл-фед}\sim}$	Уровень избыточности	Качественная оценка
0–20 %	Низкий	Акт преимущественно оригинален
21–50 %	Умеренный	Значительная часть норм уникальна
51–80 %	Высокий	Акт в основном дублирует федеральное законодательство
81–100 %	Критический	Акт является практически копией федерального закона

Коэффициент дублирования регионального законодательства ($K_{\sim\text{дубл-рег}\sim}$)

Коэффициент показывает долю текста Акта, заимствованного из регионального законодательства. Расчёт производится по формуле, аналогичной формуле (2), но с учётом регионального источника заимствования:

$$K_{\sim\text{дубл-рег}\sim} = (V_{\sim\text{заимств-рег}\sim} / V_{\sim\text{общ}\sim}) \times 100 \% \quad (3),$$

где $V_{\sim\text{заимств-рег}\sim}$ — объём текста (в знаках, словах или структурных единицах), совпадающий с региональными нормами.

Коэффициент оригинальности ($K_{\sim\text{ориг}\sim}$)

Коэффициент демонстрирует долю уникального текста Акта, не имеющего аналогов ни в федеральном, ни в региональном законодательстве. Расчёт производится по формуле (4):

$$K_{\sim\text{ориг}\sim} = 100 \% - K_{\sim\text{дубл-фед}\sim} - K_{\sim\text{дубл-рег}\sim} \quad (4)$$

Шкала интерпретации коэффициента оригинальности представлена в таблице 2.

Таблица 2. Шкала интерпретации коэффициента $K_{\sim\text{ориг}\sim}$

$K_{\sim\text{ориг}\sim}$	Качественная оценка Акта
0–10 %	Критически низкая оригинальность (почти полностью состоит из заимствований)
11–30 %	Низкая оригинальность
31–50 %	Умеренная оригинальность
51–100 %	Высокая оригинальность

Коэффициент избыточности нормативного массива ($K_{\sim\text{изб}\sim}$)

Обобщающий показатель, характеризующий общий уровень избыточности нормативного акта с учётом заимствований с разных уровней. Расчёт производится по формуле (5):

$$K_{\sim\text{изб}\sim} = K_{\sim\text{дубл-фед}\sim} + K_{\sim\text{дубл-рег}\sim} \quad (5)$$

Шкала интерпретации коэффициента избыточности представлена в таблице 3.

Таблица 3. Шкала интерпретации коэффициента $K_{изб}$

$K_{изб}$	Уровень избыточности	Рекомендация по оптимизации
0–20 %	Оптимальный	Акт самодостаточен, оптимизация не требуется
21–50 %	Приемлемый	Требуется частичная оптимизация отдельных положений
51–80 %	Избыточный	Целесообразна замена части норм отсылочными
81–100 %	Критически избыточный	Требуется полная реструктуризация акта

Результаты эмпирического исследования

Проведённый постатейный анализ Устава муниципального округа позволил выявить конкретные объёмы заимствований из Федерального закона № 131-ФЗ. Сводные результаты анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4. Анализ заимствований из Федерального закона № 131-ФЗ

Тип нормы	Количество статей	Объём (знаков)	Доля от Устава
Дословное цитирование ($K_{дубл-фед} = 100\%$)	26	~73 900	54,7 %
Смешанные ($0\% < K_{дубл-фед} < 100\%$)	9	~18 500	13,7 %
Уникальные ($K_{дубл-фед} = 0\%$, нет аналогов в 131-ФЗ)	5	~4 700	3,5 %
Отсылочные ($K_{дубл-фед} = 0\%$, есть отсылка к 131-ФЗ)	17	~37 900	28,1 %
ИТОГО	57	~135 000	100 %

Как видно из таблицы 4, коэффициент дублирования федерального законодательства для Устава муниципального округа составляет:

$$K_{дубл-фед} = 73\,900 / 135\,000 \times 100\% \approx 54,7\%$$

Полученное значение существенно превышает порог в 51 %, что соответствует высокому уровню избыточности согласно предложенной шкале.

Помимо федеральных норм, Устав муниципального округа содержит заимствования из региональных законов и отсылки к ним. Результаты анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5. Анализ заимствований из регионального законодательства

Характер нормы	Количество статей	Объём (знаков)	Доля от Устава
Дословное цитирование региональных законов	0	0	0 %
Отсылочные нормы к региональным законам	27	~37 900	28,1 %
Уникальные нормы (конкретизация норм)	0	0	0 %
Не связанные с региональным законодательством	30	~97 100	71,9 %
ИТОГО	57	~135 000	100 %

Коэффициент дублирования регионального законодательства составляет:

$$K_{дубл-рег} = 0 / 135\,000 \times 100\% = 0\%$$

Устав не содержит дословного цитирования областных законов. Большинство упоминаний областного законодательства представляют собой отсылочные нормы (например, «проводится в порядке, установленном областным законом», «в соответствии с Законом Псковской области»), но с высокой степенью заимствования текста из регионального законодательства.

Несмотря на высокую степень заимствования, Устав содержит ряд уникальных или конкретизирующих положений, которые не прописаны ни в федеральном, ни в региональном законодательстве. Эти положения отражают местную специфику и составляют ту самую содержательную ценность, ради которой и принимается Устав. Перечень уникальных положений представлен в таблице 6.

Таблица 6. Уникальные положения Устава муниципального округа

Категория уникальных положений	Объём (знаков)	Доля от Устава
Абсолютно уникальные нормы (не предусмотренные 131-ФЗ)	~5 100	3,8 %
Конкретизация выбора из допустимых вариантов	~2 800	2,1 %
Установление конкретных параметров	~2 100	1,6 %
ИТОГО	~10 000	7,4 %

Коэффициент оригинальности Устава составляет:

$$K_{\sim\text{ориг}\sim} = 10\,000 / 135\,000 \times 100 \% \approx 7,4 \%$$

Обобщённые результаты расчёта количественных критериев для Устава муниципального округа представлены в таблице 7.

Таблица 7. Сводная таблица количественных критериев

Критерий	Обозначение	Значение	Уровень
Коэффициент дублирования федерального законодательства	К~дубл-фед~	54,7 %	Высокий
Коэффициент дублирования регионального законодательства	К~дубл-рег~	0 %	Отсутствует
Коэффициент оригинальности	К~ориг~	7,4 %	Критически низкая оригинальность
Коэффициент избыточности нормативного массива	К~изб~	54,7 %	Избыточный

Для верификации полученных количественных данных применён метод редакционного расстояния. Сравнение текстов различных статей Устава с соответствующими статьями федерального и регионального законодательства представлено в таблице 8.

Таблица 8. Результаты расчёта расстояния Левенштейна

Тип нормы	Количество статей	Объём (знаков)	Средний коэффициент сходства	Диапазон сходства
Дословное цитирование (K = 100 %)	26	~73 900	~99,0 %	97,2 % — 99,8 %
Смешанные (0 % < K < 100 %)	9	~18 500	~97,0 %	96,7 % — 97,0 %
Уникальные (K = 0 %, нет аналогов)	5	~4 700	~3,3 %	2,8 % — 4,2 %
Отсылочные (K = 0 %, есть отсылка)	17	~37 900	~3,1 %	2,0 % — 3,8 %
ИТОГО	57	~135 000		

Дословное цитирование (26 статей) — коэффициент сходства 97–99 %. Это статьи, которые практически полностью копируют текст 131-ФЗ.

Смешанные нормы (9 статей) — коэффициент сходства ~97 % для цитируемых фрагментов. Эти статьи содержат как уникальные/отсылочные положения, так и фрагменты дословного цитирования.

Отсылочные нормы (17 статей) — коэффициент сходства 2–4 %. Это статьи, которые не цитируют 131-ФЗ, а лишь указывают на необходимость руководствоваться им. Низкий коэффициент сходства подтверждает, что это не дублирование, а корректный приём юридической техники.

Уникальные нормы (5 статей) — коэффициент сходства 2–4 %. Это статьи, которые не имеют аналогов в 131-ФЗ (институт почётных граждан, полномочия председателя Собрания, депутатские группы и др.).

Верификация подтверждает корректность расчётов. Расстояние Левенштейна математически подтверждает, что:

- Дословные копии имеют сходство ~99 %.
- Отсылочные и уникальные нормы имеют сходство ~3 %.

— Разница между этими группами составляет ~96 процентных пунктов, что является статистически значимым различием.

Расчёт расстояния Левенштейна для всех 57 статей подтверждает корректность классификации и итогового коэффициента $K_{\sim\text{дубл-фед}} = 54,7\%$. Метод верификации показал статистически значимые различия между дословными копиями (~99 % сходства) и отсылочными/уникальными нормами (~3 % сходства).

Причины дублирования норм в муниципальных уставах

Проведённый анализ подтверждает выводы, ранее сформулированные в научной литературе. Как отмечают исследователи, «хотя устав и является краеугольным камнем местного самоуправления, свобода в формулировании его положений ограничена, поскольку его содержание подробно урегулировано Федеральным законом № 131-ФЗ». Это практически не оставляет пространства для собственных формулировок и вынуждает муниципальных служащих выбирать наиболее безопасный путь — дословное цитирование. Как отмечает В. С. Голещихин, на практике «в силу прямых требований федерального законодательства уставы могут существовать лишь в виде документа, почти полностью, слово в слово дублирующего нормы законов» [9]. Формируется порочный круг: регистрирующие органы ожидают увидеть в уставе знакомые формулировки, а разработчики, зная об этом, не рискуют отступать от шаблона.

Экономический эффект от оптимизации структуры нормативных актов

Сокращение количества дублирующих норм позволит органам прокуратуры и юстиции, осуществляющим проверку и регистрацию муниципальных актов, сосредоточиться на выявлении действительно значимых нарушений, а не на формальном соответствии текста федеральному закону. Как отмечает В. В. Астанин, минимизация «сплошного дублирования правовых предписаний» приводит к устранению «загромождения законодательного массива, вследствие чего в их содержании наблюдаются противоречивость и недостаточная технико-юридическая проработка» [2].

При изменении федерального законодательства муниципальные образования вынуждены вносить поправки в свои уставы, что требует временных и финансовых затрат. Применение же отсылочных норм позволит автоматически актуализировать регулирование без внесения изменений в муниципальный акт.

Сокращение объёма нормативных актов и исключение дублирования способствуют обеспечению информативности нормативных правовых актов и единообразного понимания смысла правовых норм. Как показывают исследования в области когнитивной психологии права, высокая когнитивная нагрузка при работе с объёмными и сложными текстами может приводить к ошибкам, упущению деталей или поспешным выводам [10]. Упрощение структуры правовых актов позволит гражданам, предпринимателям и государственным служащим быстрее ориентироваться в законодательстве, снижая транзакционные издержки.

По данным Д. М. Канунниковой и С. И. Куракиной, для юридической экспертизы муниципальных нормативных правовых актов проводится анализ их содержания, что требует значительных кадровых ресурсов [8]. Сокращение количества дублирующих норм позволит перенаправить усилия специалистов на экспертизу актуальных вопросов, затрагивающих права и законные интересы граждан.

Выводы

Применение количественных критериев и методов вычислительной лингвистики позволяет объективизировать оценку степени избыточности и перевести дискуссию из плоскости субъективных мнений в поле верифицируемых научных данных. Расчёт расстояния Левенштейна для различных статей Устава подтвердил: нормы, заимствованные из федерального и регионального законодательства, демонстрируют коэффициент сходства 97–98 %, в то время как уникальные положения показывают сходство не более 2–4 %.

Сокращение объёма нормативных актов за счёт внедрения отсылочных норм и исключения прямого копирования позволит достичь значительного экономического эффекта: снизить нагрузку на контролирующие и правоприменительные органы, уменьшить издержки на внесение изменений при корректировке федерального законодательства, повысить доступность правового регулирования для граждан и организаций, а также снизить коррупционные риски.

Предложенная в настоящем исследовании система количественных критериев может быть использована не только для анализа муниципальных уставов, но и для оценки степени избыточности иных нормативных правовых актов, что открывает перспективы для дальнейших научных исследований в данном направлении.

Литература:

1. Тимофеев Н. В. Применение математических методов в праве // Молодой ученый. — 2025. — № 17 (568).

2. Астанин В. В. Муниципальное правотворчество: вопросы качества и резервы оптимизации // Мониторинг правоприменения. — 2015. — № 4.
3. Упоров И. В. Дублирование нормативного текста в правовых актах: теоретические основы и юридическое значение // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85).
4. Бортник А. Ф. К вопросу о компетенции органов муниципальной власти // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 2 (18).
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ.
6. Третьякова Е. Д. Воспроизведение (дублирование) в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации норм Конституции РФ и федеральных законов // Современное право. — 2009. — № 11.
7. Левенштейн В. И. Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов // Доклады Академии наук СССР. — 1965. — Т. 163. — № 4.
8. Канунникова Д. М., Куракина С. И. Муниципальное нормотворчество в Пермском крае: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник ВУиТ. 2020. № 2 (95).
9. Голещихин В. С. Институт уставов муниципальных образований как сакральный рудимент федерального законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5 (138).
10. Болдырев В. А. Правотворчество и когнитивные науки // Правоведение. 2024. № 1.

Правовое регулирование расследований морских аварийных случаев: проблемы имплементации норм Международной морской организации в Российской Федерации

Филоненко Олеся Михайловна, студент магистратуры

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова (г. Санкт-Петербург)

В статье анализируются системные противоречия между международными стандартами расследования морских аварий (Кодекс международных стандартов и рекомендуемой практики расследования аварий и инцидентов на море; далее — Кодекс МАС ИМО) и российской правоприменительной практикой. Обосновывается тезис о том, что совмещение контрольных функций и функций по расследованию аварий в одном ведомстве (Ространснадзор) приводит к конфликту интересов и нивелирует профилактическую функцию технического расследования. На основе анализа резонансного прецедента — крушения танкеров «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239» — выявлена прямая корреляция между отсутствием законодательного закрепления принципа «справедливой культуры» (just culture) и снижением готовности моряков к сотрудничеству с органами, осуществляющими расследование происшествий. Предложен комплекс законодательных изменений в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ), включая введение новой главы о расследовании морских аварийных случаев, а также институциональная модель независимого органа, осуществляющего расследование происшествий, по образцу британского Marine Accident Investigation Branch (MAIB).

Ключевые слова: морская авария, расследование, ИМО, Кодекс МАС, КТМ РФ, just culture, Ространснадзор, независимое расследование.

Актуальность и постановка проблемы

Ежегодно в мире происходит около 3000 морских аварийных случаев, при этом, согласно данным International Maritime Organization (Международная морская организация, ИМО), лишь 30 % расследований завершаются публичными отчетами, соответствующими стандартам Кодекса МАС (MSC.255(84)) [3, р. 5]. Российская Федерация, являясь членом ИМО и участником Конвенции SOLAS-74 [4, р. 45], приняла на себя обязательства по имплементации указанных стандартов в национальное законодательство. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии системных расхождений

между международно-правовыми требованиями и российским правовым регулированием.

Ключевая проблема заключается в организационной модели расследований. В соответствии с приказом Минтранса России от 24.03.2025 № 103 техническое расследование проводит Ространснадзор — орган, одновременно осуществляющий функции контроля и надзора в области безопасности мореплавания [2]. Совмещение контрольных функций и функций по расследованию происшествий создает институциональный конфликт интересов, что противоречит п. 1.2 Кодекса МАС, предписывающему независимость расследования от административных процедур [3, р. 7].

Вторым системным недостатком является правовой статус материалов технического расследования. Кодекс МАС (п. 13.3) устанавливает запрет на использование показаний членов экипажа в качестве доказательств в уголовном процессе [3, р. 15]. В российском законодательстве такая норма отсутствует, что приводит к передаче материалов технического расследования в следственные органы и их последующему использованию для уголовного преследования моряков.

Международный стандарт и российская правовая реальность

Кодекс МАС закрепляет четыре императивных принципа организации расследования: 1) независимость от административных и уголовных процедур; 2) публикацию итогового отчета; 3) запрет на использование показаний свидетелей против них самих (кроме случаев доказанного умысла); 4) завершение расследования в срок до 12 месяцев [3, р. 7–10].

В российской правовой системе указанные принципы не находят последовательной реализации. Кодекс торгового мореплавания РФ не содержит отдельной главы, регламентирующей порядок технического расследования аварий [1]. Процедура морского протеста (ст. 394–401 КТМ РФ) служит преимущественно для фиксации убытков в гражданско-правовых отношениях, но не для анализа причин аварий с целью предотвращения их в будущем.

Подзаконный акт — приказ Минтранса от 24.03.2025 № 103 — формально воспроизводит ряд положений Кодекса МАС, однако, по оценкам специалистов, сохраняет дискреционные полномочия комиссии, что может приводить к неединообразной правоприменительной практике [2]. В частности, п. 34 предусматривает публикацию акта расследования «по решению комиссии», что делает публикацию факультативной, а не обязательной. Как показал анализ приказа, в нем отсутствует норма о праве моряков не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ) и, главное, отсутствует положение, связанное с запретом использования их показаний в уголовном процессе. Это создает ситуацию правовой неопределенности, при которой моряки, формально предупрежденные о праве на молчание, фактически подвергаются риску самооговора [2].

В связи с этим системные проблемы сохраняют свою остроту, что требует анализа их проявления в правоприменительной практике.

Прецедент «Волгонефти»: системный сбой в правоприменении

Наиболее показательным примером системных проблем является крушение танкеров «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239» в Керченском проливе (декабрь 2024 года). Комиссия Ространснадзора установила причины аварии — нарушение сезонных ограничений судоходства и некомплектность экипажа, недостаточная проч-

ность корпуса и усталость металла, ошибки в управлении судном, неэффективная работа системы управления движением судов и портового контроля, недостатки спасательной операции. Техническое расследование заняло не менее 4 месяцев, что не превышает рекомендованные Кодексом МАС 12 месяцев лишь формально, но в два раза дольше, чем аналогичные процедуры в Великобритании.

Финальный акт расследования не был опубликован в открытом доступе. Материалы технического расследования, включая показания членов экипажа, были переданы в следственные органы и легли в основу уголовного дела по ст. 263 Уголовного кодекса РФ. Кроме того, заключения комиссии послужили основанием для исков Росприроднадзора о возмещении ущерба на сумму около 85 миллиардов рублей, которые были удовлетворены Арбитражным судом Краснодарского края [7; 8].

Указанный прецедент демонстрирует трансформацию технического расследования из инструмента предотвращения аварий в механизм сбора доказательств для уголовного и гражданского судопроизводства. Как следствие, формируется устойчивая мотивация членов экипажа к отказу от сотрудничества с комиссией, что объективно снижает качество расследований и препятствует выявлению истинных причин аварий.

Сравнительный анализ зарубежных моделей

Британская (Marine Accident Investigation Branch — MAIB) и американская (National Transportation Safety Board — NTSB) модели представляют собой альтернативу российской системе, в которой реализованы принципы независимости и защиты свидетелей.

МАИБ, созданный в 1989 году, является независимым органом, не наделенным контрольными или карательными функциями. Его единственная цель — установление технических причин аварий и выработка рекомендаций по безопасности. Merchant Shipping Act 1995 закрепляет запрет на использование показаний, данных в ходе расследования МАИБ, в любом последующем судебном процессе. По сведениям из открытых источников, в 2024 году МАИБ получил 1515 сообщений о происшествиях, провел 15 полных расследований и опубликовал 20 отчетов. Уровень принятия рекомендаций составляет 85 % [9].

NTSB, функционирующий на основании Independent Safety Board Act 1974 года, обладает более широкими полномочиями (включая право вызова свидетелей под присягой). При этом в законе закреплён важнейший принцип о том, что собранные доказательства, в частности показания свидетелей, могут не использоваться в уголовном судопроизводстве.

Анализ двух систем позволяет выделить три ключевых институциональных элемента, отсутствующие в российской модели: независимость органа, осуществляющего расследование; законодательную защиту показаний моряков (членов экипажа); обязательную публикацию результатов расследований (отчетов) на двух языках

Предложения по совершенствованию российского законодательства

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер, включающий законодательные изменения и институциональную реформу.

Законодательные изменения.

Предлагается дополнить КТМ РФ новой главой «Расследование морских аварийных случаев», закрепив следующие принципы:

— принцип независимости: расследование проводится независимо от административного, уголовного и дисциплинарного производства; передача материалов в следственные органы допускается только на основании судебного решения;

— принцип «справедливой культуры» (just culture): член экипажа не подлежит ответственности за действия, совершенные в пределах его компетенции, если не доказан умысел;

— защита от самооговора (non-self-incrimination): объяснения, данные в ходе технического расследования, не могут быть использованы в качестве доказательств в суде против моряков;

— публичность: итоговый отчет подлежит обязательному опубликованию на русском и английском языках не позднее 12 месяцев с даты аварии [3, р. 10].

Институциональная реформа.

Требуется создание Федеральной службы по расследованию морских аварийных случаев — независимого органа,

выведенного из структуры Ространснадзора и подчиненного непосредственно Министерству транспорта. Штатная численность — ориентировочно 40–50 человек, годовой бюджет — 400–500 млн рублей. Основные функции: техническое расследование аварий, публикация отчетов, выработка рекомендаций по безопасности, взаимодействие с ИМО.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что российская система расследований морских аварийных случаев находится в состоянии институционального кризиса. Формальное выполнение международных обязательств не сопровождается имплементацией ключевых принципов Кодекса МАС — независимости, защиты свидетелей и публичности [3, р. 5].

Прецедент «Волгонефти» демонстрирует, что текущая модель не выполняет профилактической функции, а используется как инструмент уголовного преследования моряков. Принятие нового приказа Минтранса от 24.03.2025 № 103 свидетельствует о понимании законодателем необходимости реформ, однако его реальная эффективность пока остается под вопросом, поскольку он не устраняет коренные институциональные проблемы [2]. Предложенные поправки в КТМ РФ и создание независимого органа по расследованию морских аварийных случаев позволят привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами и восстановить доверие моряков к системе расследований.

Литература:

1. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : КТМ : [федеральный закон № 81-ФЗ : принят 30 апреля 1999 года : по состоянию на 31 июля 2025 года]. — Москва : Проспект, 2025. — 175 с. — Текст : непосредственный.
2. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 24.03.2025 № 103 «Об утверждении Положения о расследовании аварий или инцидентов на море». — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504300023>
3. IMO. Code of International Standards and Recommended Practices for a Safety Investigation into a Marine Casualty or Marine Incident (Casualty Investigation Code) : Resolution MSC.255(84). — London : International Maritime Organization, 2008. — 48 p. — Текст : непосредственный.
4. IMO. International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS), 1974 : Consolidated Edition 2020. — London : International Maritime Organization, 2020. — 574 с. — Текст : непосредственный.
5. Гуцуляк, В. Н. Российское и международное морское право (публичное и частное) / В. Н. Гуцуляк. — Москва : Центр морского права : Институт государства и права РАН, 2017. — 446 с. — Текст : непосредственный.
6. Скаридов, А. С. Морское право. В 2 т. Т. 2. Международное морское коммерческое право : учебник для вузов / А. С. Скаридов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. — 225 с. — (Высшее образование).
7. Арбитражный суд Краснодарского края. Решение по делу № А32-31618/2025 от 14.08.2025 о возмещении вреда, причиненного водному объекту — акватории Черного моря. — Текст : электронный // Электронное правосудие. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d58137a0-4838-4a65-9743-9c3b843fa0cf/52d627ed-0795-4ca5-958b-20f408d51127/A32-31618-2025_20250814_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
8. Арбитражный суд Краснодарского края. Решение по делу А32-31617/2025 от 19.08.2025 о возмещении вреда, причиненного водному объекту. — Текст : электронный // Электронное правосудие. — URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/1c67ee56-3835-4947-9854-ab4a03a9c34e/3627d33f-e9e3-4878-951d-7ecf94de7e60/%D0%9032-31617-2025__20250819.pdf?isAddStamp=True
9. MAIB Annual Report 2024 / Marine Accident Investigation Branch. — London, 2025. — Текст : электронный. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/maib-annual-report-2024>

Обеспечение исполнения обязательств по договору строительного подряда в гражданском праве Российской Федерации

Фомичева Светлана Анатольевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются способы обеспечения исполнения обязательств по договору строительного подряда в гражданском праве Российской Федерации, с учетом общей конструкции ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] и специальных норм главы 37 ГК РФ [2]. Анализируется роль неустойки, банковской гарантии, залога, удержания имущества, а также обеспечительного платежа в структуре договорных связей между заказчиком и подрядчиком, выделяются особые правомочия заказчика как форма «усиленного» обеспечения его интересов.

Особое внимание уделено доктринальным подходам к правовой природе обеспечительного платежа (как самостоятельного способа обеспечения и как «гибридного» расчетнообеспечительного инструмента) и их отражению в судебной практике по спорам из договора строительного подряда.

На основе выявленных проблем предлагаются направления совершенствования действующего законодательства, нацеленные на уточнение регулирования обеспечительных конструкций, усиление баланса интересов сторон и повышение предсказуемости правоприменения в сфере инвестиционно-строительных проектов.

Ключевые слова: гражданское право, ГК РФ, договор строительного подряда, обеспечение исполнения обязательств, неустойка, независимая гарантия, задаток, аванс, распределение рисков, судебная практика.

Введение

Обеспечение исполнения обязательств по договору строительного подряда занимает центральное место в регулировании инвестиционно-строительной деятельности, учитывая высокий объем рисков, длительность исполнения и множественность участников проекта.

Российское гражданское законодательство исходит из общей конструкции способов обеспечения обязательств, которые зафиксированы в рамках ст. 329 ГК РФ. При этом важно учитывать, что данный перечень не является закрытым. Кроме того, применительно к сфере строительного подряда важно понимать, что способы обеспечения напрямую связаны с особенностями предмета договора подряда и особенностями правоотношений сторон, фиксируемых непосредственно в самом договоре строительного подряда.

Общие основы регулирования договора строительного подряда

Договор строительного подряда определен законодателем в п. 1 ст. 740 ГК РФ следующим образом: подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик — создать необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить цену.

Специальное регулирование исполнения обязательств сторон по строительному подряду дополняет общие положения о договоре подряда (ст. 702–729 ГК РФ) и включает нормы о распределении рисков, сроках, ответственности и специальных основаниях одностороннего отказа.

К числу ключевых норм, влияющих на механизм обеспечения исполнения, видится логичным отнести:

- ст. 708 ГК РФ (о сроках выполнения работ);
- ст. 741 ГК РФ (о риске случайной гибели и случайного повреждения объекта строительства);
- ст. 746 ГК РФ (о расчётах и цене);
- ст. 715, 717, 723 ГК РФ, регулирующие последствия ненадлежащего исполнения и право заказчика на отказ от договора.

В совокупности данные положения, как нам видится, задают императивные рамки договорной конструкции обеспечения надлежащего исполнения обязательств подрядчика и заказчика.

Общие способы обеспечения обязательств (ст. 329 ГК РФ) в строительном подряде

Пункт 1 ст. 329 ГК РФ закрепляет открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств: неустойка, залог, удержание имущества должника, поручительство, независимая гарантия, задаток и «другие способы, предусмотренные законом или договором». В сфере строительного подряда эти способы выполняют стимулирующую функцию, создавая для подрядчика и заказчика дополнительные обременения, направленные на формирование экономически мотивированного поведения.

Практика показывает, что наиболее распространены способами обеспечения в договорах строительного подряда являются договорная неустойка (штраф, пеня), банковская гарантия как разновидность независимой гарантии, залог прав требования и обеспечительный платеж.

Специфика строительных проектов (значительные авансы, длительные сроки, сложность технического задания) предопределяет повышенное значение обеспечительных конструкций, направленных на защиту прежде

всего интересов заказчика, вкладывающего значительный объем средств в объект.

Неустойка как основной договорный способ обеспечения

Неустойка традиционно выступает базовым способом обеспечения исполнения обязательств подрядчика по своевременному и качественному выполнению работ. Установление штрафа или пеней за нарушение сроков (в том числе промежуточных и конечных) или технических параметров результата работ позволяет заказчику компенсировать потенциальные убытки, связанные с задержкой ввода объекта в эксплуатацию или необходимостью дополнительного ремонта.

Нормы ст. 330–333 ГК РФ обеспечивают баланс интересов сторон через институт уменьшения чрезмерной неустойки судом, что на практике имеет значение для договоров строительного подряда, где предусмотрены высокие штрафные санкции. В арбитражной практике по делам о строительном подряде суды, как правило, исходят из реальной соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства. При очевидной несоразмерности применяется механизм ст. 333 ГК РФ [3].

Независимая гарантия, залог, удержание как основные инструменты защиты интересов сторон

Независимая гарантия, выдаваемая как правило крупными банками в обеспечение надлежащего исполнения подрядчиком обязательств по договору строительного подряда, обеспечивает автономный источник удовлетворения требований заказчика при возможном дефолте подрядчика.

В контексте государственных и муниципальных контрактов на выполнение подрядных работ наличие обеспечения исполнения контракта в виде банковской гарантии или внесения денежных средств на счет заказчика является обязательным условием заключения контракта.

Залог имущественных прав либо залог оборудования, материалов подрядчика встречается реже, но может использоваться для обеспечения интересов заказчика в части возврата авансов или устранения недостатков.

Удержание результата работ или принадлежащего подрядчику имущества (ст. 359–360 ГК РФ) также выполняет обеспечительную функцию, позволяя стороне, исполнившей обязательство, не передавать результат до получения встречного исполнения.

Обеспечительный платеж: правовая природа и специфика использования в строительном подряде

Далее предлагается отдельно исследовать две основные доктринальные позиции по части использования такого способа обеспечения исполнения обязательств как обеспечительный платёж.

Так, в современной доктрине, сложилось два основных подхода к определению правовой природы обеспечительного платежа применительно к договорам подряда.

Согласно первой позиции обеспечительный платёж надлежит рассматривать как самостоятельный, поименованный способ обеспечения исполнения обязательства, закрепленный в гражданском законодательстве и обладающий собственной правовой природой. Так, в литературе отмечается, что включение обеспечительного платежа в число поименованных способов обеспечения позволило легализовать сложившуюся практику его применения, в том числе при заключении договоров строительного подряда для государственных и муниципальных нужд [4].

Согласно этой позиции, обеспечительный платеж квалифицируется как консенсуальная сделка, направленная на создание специального обеспечительного правомочия кредитора, заключающегося в том, что при нарушении обязательства сумма платежа подлежит зачету в счет обязательства или удерживается в качестве штрафной санкции, а при надлежащем исполнении возвращается должнику или засчитывается в оплату результатов работ.

Правовая природа обеспечительного платежа, по мнению сторонников данной концепции, отличается от задатка (ст. 380–381 ГК РФ) и аванса, поскольку выполняет именно обеспечительную, а не преимущественно расчетную функцию [5].

Применительно к строительному подряду обеспечительный платеж широко используется как условие договора о порядке расчетов: заказчик перечисляет подрядчику часть цены работ в качестве обеспечительного платежа либо подрядчик формирует обеспечительный депозит в пользу заказчика для гарантии надлежащего исполнения. Такая конструкция позволяет минимизировать риск недобросовестного поведения подрядчика при значительных авансовых платежах и долгосрочных проектах.

Другая доктринальная линия исходит из смешанного характера обеспечительного платежа, совмещающего функции расчёта и обеспечения. Представители этой позиции указывают, что на практике обеспечительный платеж часто используется как элемент договорных расчетов (например, предварительная оплата части цены работ), и лишь при наступлении определенных обстоятельств приобретает обеспечительный характер, трансформируясь в средство ответственности или компенсации [6].

На примере подрядных обязательств отмечается, что обеспечительный платеж применялся как непоименованный способ обеспечения ещё до внесения соответствующих изменений в законодательство, и его квалификация во многом зависела от конкретных условий договора и воли сторон. Сторонники «гибридной» концепции подчеркивают, что жесткое отграничение обеспечительного платежа от аванса и задатка затруднительно, а его регулирование нуждается в дополнительной детализации через уточнение диспозитивных норм.

Для строительного подряда указанная позиция имеет важное практическое значение, которое заключается

в том, что в условиях сложных схем финансирования строительного проекта (кредиты, субподряд, инвесторы) обеспечительный платеж может выполнять одновременно роль резервного источника расчетов и способа обеспечения обязательств по устранению дефектов, соблюдению сроков и возмещению вреда.

Всё указанное требует от участников оборота тщательной договорной формулировки последствий нарушения обязательства, порядка зачета обеспечительного платежа и условий его возврата.

Обеспечение исполнения обязательств через специальные права заказчика

Помимо классических обеспечительных конструкций, гражданское законодательство предоставляет заказчику по строительному подряду комплекс специальных прав, выполняющих функцию обеспечения надлежащего исполнения подрядчиком своих обязанностей. К их числу относится право заказчика:

Приостановить оплату при ненадлежащем исполнении или неполном объеме работ, в пределах ст. 328 ГК РФ (пропорционально объему неисполненного обязательства);

Отказаться от договора подряда при нарушении сроков или ненадлежащем исполнении, в том числе до окончания работ, на основании п. 2 ст. 715 ГК РФ;

Назначить подрядчику разумный срок для устранения недостатков, а при неустранении — отказаться от договора либо поручить исправление работ третьему лицу за счет подрядчика (п. 3 ст. 715, ст. 723 ГК РФ).

Фактически данные права формируют «правовой режим усиленной ответственности» подрядчика, стимулируя его к соблюдению сроков и качественных характеристик результата работ, и поэтому в доктрине оправданно рассматриваются как особая форма обеспечения интересов заказчика. При этом использование заказчиком указанных прав подчинено принципам добросовестности и запрету злоупотребления, что особенно важно при значительной задержке оплаты по мотиву несущественных нарушений подрядчика [7].

Обеспечительные механизмы в реальных делах о строительном подряде

На наш взгляд, показательным является арбитражное дело, в котором суд анализировал комплекс обеспечительных механизмов в договоре строительного подряда, включая неустойку, право заказчика на отказ от договора и распределение рисков. В рассматриваемом споре подрядчик выполнил работы с отступлением от договора и указаний заказчика, что привело к ухудшению результата и его фактической непригодности, вследствие чего заказчик был вынужден привлекать стороннюю организацию для исправления недостатков.

Суд, руководствуясь ст. 723 ГК РФ, признал за заказчиком право выбора одного из предусмотренных законом

способов защиты: расторжение договора, безвозмездное устранение недостатков в разумный срок, соразмерное уменьшение цены либо возмещение убытков, и удовлетворил иск о возмещении расходов на привлеченную организацию. При этом суд учёл специальные нормы о распределении рисков по ст. 741 ГК РФ, согласно которой риск случайной гибели или повреждения объекта до его приемки несёт подрядчик, если договором не предусмотрено иное, и пришёл к выводу, что ненадлежащее исполнение подрядчика в совокупности с указанным распределением рисков усиливает его имущественную ответственность.

Данное решение демонстрирует, что обеспечительная функция в договорах строительного подряда реализуется не только через «классические» инструменты ст. 329 ГК РФ, но и через сочетание специальных норм о правах заказчика, распределении рисков и последствиях ненадлежащего исполнения. Судебная практика, таким образом, подтверждает системный характер обеспечения интересов сторон, основанный на взаимодействии договорных условий и императивных положений ГК РФ [8].

Актуальные проблемы и направления совершенствования регулирования

Что касается актуальных проблем использования различных способов обеспечения исполнения обязательств применительно к строительной сфере, то здесь важно отметить, что в современной научной доктрине активно обращается внимание на наличие пробелов в регулировании исполнения обязательств по строительному подряду и обеспечительных конструкций, что порождает значительный объем судебных споров.

В частности, на наш взгляд, недостаточно урегулированными остаются вопросы:

Соотношения обеспечительного платежа с авансом и задатком, порядка его учета в расчетах и возврата при расторжении договора;

Пределов использования права заказчика на односторонний отказ от договора по мотиву нарушения сроков выполнения работ и критериев существенности такого нарушения;

Согласования специальных норм о строительном подряде с общими положениями об ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств (ст. 393, 401, 405 ГК РФ).

Высказывается предложение о введении более детализированных норм, регулирующих исполнение обязательств сторон договора строительного подряда, включая приемку работ, ответственность за ненадлежащее исполнение и порядок разрешения споров.

Уточнение законодательных конструкций обеспечительного платежа и специальных прав заказчика позволило бы повысить предсказуемость судебной практики и снизить транзакционные издержки участников инвестиционно-строительных проектов.

Заключение

Обеспечение исполнения обязательств по договору строительного подряда в российском гражданском праве представляет собой комплексный институт, включающий как традиционные способы обеспечения по ст. 329 ГК РФ, так и специальные нормы, направленные на защиту интересов заказчика и подрядчика.

Доктринальные дискуссии вокруг правовой природы обеспечительного платежа и статуса специальных прав заказчика отражают эволюцию подходов к обеспечению обязательств в условиях усложнения строительных проектов и развития судебной практики.

Совершенствование действующего гражданского законодательства в части обеспечения исполнения обязательств по договору строительного подряда должно быть направлено на повышение предсказуемости и баланса интересов сторон при одновременном снижении рисков инвестирования в строительные проекты.

В целях достижения этих задач целесообразно:

Нормативно конкретизировать правовую природу обеспечительного платежа, его соотношение с авансом и задатком, а также последствия нарушения обеспечивае-

мого обязательства и расторжения договора (порядок зачёта, возврата, удержания суммы);

Уточнить пределы реализации специальных прав заказчика (приостановление оплаты, односторонний отказ от договора, привлечение третьих лиц для устранения недостатков) с закреплением критериев существенности нарушения сроков и качества работ, чтобы минимизировать злоупотребления и обеспечить соразмерность реагирования;

Обеспечить более чёткую системную увязку специальных норм о строительном подряде (гл. 37 ГК РФ) с общими положениями об ответственности и способах обеспечения исполнения обязательств, в том числе через разъяснения высших судебных инстанций, что позволит унифицировать практику и сделать договорные конструкции более устойчивыми.

Таким образом, как нам видится, совершенствование законодательства в указанном направлении будет способствовать укреплению договорной дисциплины, снижению количества конфликтов и судебных споров, а также повышению общей привлекательности строительных проектов для добросовестных участников гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СЗ РФ. 05.12.1994 г. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23.07.2024 г. по делу № Ф03–3003/2024 // URL: https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2025/05/A73-14937-2023_20240723_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 19.07.2026 г.)
4. Новиков К. А. Обеспечительный платеж как способ обеспечения исполнения обязательств // Вестник экономического правосудия. № 1. Январь. 2016 г. (доступ из СПС «Гарант»).
5. Кархалев Д. Н. Обеспечительный платеж в обязательственном праве // Юрист. 2018. № 6 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).
6. Гринь О. С. Развитие общих положений об обеспечительных сделках и норм об обеспечительных денежных суммах в судебной практике. Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 107–116.
7. Вовченко М. Б. Ответственность сторон за нарушение договора строительного подряда // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 165–169.
8. Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2021 г. № 305ЭС217454 по делу № А4036448/2020 // URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/vs-rf/opredelenie-_a40-36448_20-ot-23.06.2021-verhovnogo-suda-rf (дата обращения: 19.07.2026 г.)

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 31 (634) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 12.08.2026. Дата выхода в свет: 19.08.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.